

Руслан
СКРЫННИКОВ

Михаил
Романов

Руслан СКРЫННИКОВ

Историческая
библиотека

Михаил Романов

Царский трон достался Михаилу Романову.
Он основал династию, которой суждено было
править Российским царством триста лет.

И с т о р и ч е с к а я б и б л и о т е к а

Историческая библиотека

Руслан
СКРЫННИКОВ

Михаил
Романов

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**
Москва
2005

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45
С45

Серия «Историческая библиотека» основана в 2001 году

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн Ж.А. Якушевой

Подписано в печать 15.10.04. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 17,64. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2749.

Скрынников, Р.Г.

С45 Михаил Романов / Руслан Скрынников. — М.: АСТ: Ермак, 2005. — 334, [2] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-026964-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9577-1604-9 (ЗАО НПП «Ермак»)

Михаил Романов.

Первый (и последний) «выборный» царь за всю историю нашей страны...

Сын опального боярина, все свои детские годы проведший в изгнании и ссылке...

Основатель династии, конец которой положили пистолетные выстрелы подвале «дома Ипатьева»...

Его роль в истории была необычной и неоднозначной ВСЕГДА — и в годы страшного Смутного времени, и во времена Семибоярщины...

Но какой она была, эта роль?

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45

© Р.Г. Скрынников, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Династия Ивана Калиты правила Московским государством триста лет. Она пресеклась после смерти царя Федора Ивановича, сына Грозного. Началась Смута, во время которой сменилось несколько династий. Люди, обладавшие короной или тянувшие к ней руки — царь Федор Годунов, Юрий Отрепьев, Василий Шуйский, Богдан Шкловский (Лжедмитрий II), Сидорка (Лжедмитрий III), царевич Петр и дюжина других царевичей, — заплатили жизнью за свои честолюбивые устремления. Их всех постигла насильственная смерть.

Царский трон достался Михаилу Романову. Он основал династию, которой суждено было править Российским царством триста лет. Какие обстоятельства привели его на трон? Что позволило удержать корону на голове в стране, охваченной бунтами и осажденной врагами? Ответить на эти вопросы трудно, так как биография первого из Романовых не написана.

Попытаемся же беспристрастно, со всей тщательностью проследить, шаг за шагом, за жизнью одного из самых значительных героев Смутного времени.

РОДОСЛОВИЕ

Своим родоначальником Романовы считали некоего Андрея Кобылу. По свидетельству родословцев, Кобыла выехал из Прусской земли «из немец». Существовала еще одна версия: Кобыла был прусским нобилем Камбилиусом, бежавшим из пределов литовского племени пруссов, земли которого были завоеваны Тевтонским орденом.

Андрей Кобыла был лицом историческим. В качестве боярина московского князя Семена Гордого он в 1346 году ездил в Тверь за дочерью тверского князя Александра, невестой Гордого. Старшие ветви рода Андрея измельчали. Исключение составляли одни Колычевы. Зато младшие потомки Кобылы — Романовы и Шереметевы добились самого высокого положения при московском дворе.

Пятый сын Андрея Федор Кошка в 1389 году удостоился особой чести. Он назван в духовной грамоте (завещании) Дмитрия Донского в качестве его душеприказчика.

В письме к преемнику Донского великому князю Василию I хан Едигей перевозносил боярина Федора Андреевича за его приверженность традиционной политике в отношении Орды. Эта политика заключалась в исправной плате дани — ордынского выхода и в отказе от войны с завоевателями. В том же письме правитель Орды бранил Василия I за то, что он по совету Ивана Федоровича Кошкина перестал платить дань. Письмо было написано по случаю опустошительного набега Едигея на Москву. Татарам не удалось захватить русскую столицу, но они подвергли

страшному разгрому окрестности Москвы, Ростов и Нижний Новгород.

Кошкин настаивал на разрыве с Ордой в то время, когда освобождение от татарского ига стало первоочередной задачей Московского государства. Наследники Кошкина усвоили способность ранее других улавливать потребности времени.

При Василии I Иван Кошкин был казначеем и сосредоточил в своих руках управление финансами. Временщик («любовник», по терминологии хана) слабого князя — таким предстает этот незаурядный человек.

От младшего сына Ивана Кошки пошли бояре Захарьины. После сокрушения Новгорода Великого Иван III вверил управление городом Якову и Юрию Захарьиным-Кошкиным.

Вечевой колокол в Новгороде был снят, но республиканские порядки были достаточно прочными. Архиепископ, присланный из Москвы, не смог управлять паствой и «пришел в изумление» — сошел с ума и был отозван. Не добившись повиновения новгородцев, Захарьины прибегли к самым жестоким мерам, нимало не считаясь с традицией. Жителей обвинили в намерении убить наместника Якова, после чего многие из них были казнены смертью («много Яков пересече и перевешал»), а другие выселены из Новгорода. Выселению подверглись все новгородские бояре и прочие землевладельцы — более 7000 лиц вместе с членами семей.

Действия Захарьиных против населения Новгорода отличались крайней жестокостью и произволом. Уничтожение республиканских порядков в Новгороде стало поворотным пунктом в истории России. Казни и конфискации, осуществленные Захарьиными, предвосхитили опричную трагедию и ускорили рождение самодержавного строя.

При Василии III сын Юрия Михаил Захарьин стал ближайшим советником государя. Великий князь назначил его членом опекунского совета при малолетнем Иване IV. К тому времени Захарьины приобрели репутацию не только верных слуг, но и ревнителей православной веры. В связи с судом над ученым монахом Максимом Философом и старцем Вассианом Патрикеевым Михаил Юрьев выступил с показани-

ем, будто Философ, учась в Италии, отступил «в жидовский закон», за что его осудили на сожжение, но он спасся бегством. Если бы Захарьину удалось доказать свое обвинение, Грека послали бы на костер.

Перед смертью Василий III выразил желание принять постриг. Боярская дума выступила с возражениями. Только Михаил Юрьев одобрил намерение государя. Сам он кончил жизнь в монастыре, приняв в иночестве имя старца Мисаила.

АНАСТАСИЯ РОМАНОВА

Младший брат великого боярина Михаила Юрьева Роман рано умер, выслужив чин окольничего. Но именно ему суждено было основать род бояр Романовых. В начале 1547 года Боярская дума занялась подготовкой общероссийских смотрин. Началась перепись дворянских девок невест, из которых одна должна была стать царской невестой. Юный Иван IV проявил нетерпение. До того, как невесты съехались в столицу, он выбрал в жены сироту Анастасию Романову. Братья царицы Данила и Никита Романовы стали боярами. Они поочередно возглавили один из главных приказов — Большой дворец (управление великокняжескими владениями).

Во время тяжелой болезни царя Ивана в марте 1553 года Захарьины готовились взять бразды правления в свои руки. Однако их честолюбивые замыслы натолкнулись на противодействие членов думы. Выражая их настроения, окольничий Федор Адашев заявил: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды видели многия».

Захарьины готовились учредить регентство царицы Анастасии (наподобие регентства Елены Глинской) с тем, что-

бы самим управлять государством. Однако высшая знать вовсе не собиралась уступать власть царице и ее родне.

В думе будто бы произошел мятеж. Большой царь обвинил бояр в том, что они хотят свергнуть династию. Видя растерянность Захарьиных, он предупредил их, что враги трона умертвят их первыми.

Боярская дума всеми силами противилась регентству Анастасии Романовой. Князь Семен Ростовский жаловался литовскому послу, что «их всех (великородных бояр) государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьина) дочер взял, понял рабу свою и нам как служить своей сестре?» Слова Ростовского точно характеризовали отношение княжеской знати к худородным в их глазах Захарьиным.

Правитель Алексей Адашев враждовал с Захарьиными. Когда царица Анастасия умерла, ее братья добились осуждения Адашева. По случаю заключения второго брака Иван IV составил новое завещание, в соответствии с которым в случае его кончины власть передавалась регентскому совету. В его состав входили пять бояр, из которых трое принадлежали к роду Захарьиных, а четвертый был их родня Колычев.

Попытка царя править, опираясь на ближайшую родню, отстранив авторитетных руководителей Боярской думы (Александра Горбатого-Суздальского, Дмитрия Курлятева-Оболенского), породила глубокий кризис.

На пороге опричнины Иван IV обвинил своего дворецкого — Никиту Романова и некоторых других вождей земщины в том, что они противятся его воле: он только соберется казнить своих изменников-бояр, как они тотчас заступаются за них.

На протяжении всех семи лет кровавого террора Никита Романов неизменно заступался за гонимых и опальных, благодаря чему завоевал редкую популярность.

Перед смертью Грозный ввел шурина Никиту Романовича в состав опекунского совета, который должен был управлять государством за слабоумного царя Федора Ивановича.

ча. Совет вскоре же распался из-за столкновения между бывшими опричниками и земским руководством. Титулованная знать выражала полное пренебрежение к слабоумному царю. Ближайшая родня монарха — Захарьины и Годуновы должны были объединиться, чтобы сохранить трон за недееспособным самодержцем.

Смертельно заболев, правитель Никита Романов заключил «завещательный» союз не с земскими удельными князьями, а с царским шурином Борисом Годуновым. Его попечению Романов вверил своих молодых сыновей. В апреле 1586 года Никита умер.

Союз между Романовыми и Годуновым продержался в течение десятилетия. Старший сын Никиты Романова Федор еще при жизни отца получил боярский чин, а его брат Александр был пожалован в кравчие.

В соответствии с традицией высший думный чин могли получить лишь люди почтенного возраста. Поскольку Ф.Н. Романов попал в думу, будучи молодым человеком, он не сразу вошел в число начальных бояр. В списке бояр царя Федора 1588—1589 годов он числился одиннадцатым. В то время он уступал «местами» Мстиславскому, Трубецким, Годуновым, Скопину-Шуйскому. Однако в самом конце 1589 года, во время похода на Нарву, Федор Романов получил высокий пост второго дворового воеводы. Спустя три года в дипломатических документах Федор Никитич уже фигурировал как один из главных руководителей ближней думы. В 1593 году грамоты к Польской Раде подписали трое ближних бояр — Федор Мстиславский, Борис Годунов и Федор Романов.

ФЕДОР НИКИТИЧ

Среди братьев Романовых Федор Никитич был самой примечательной фигурой. По словам современников, он подавал большие надежды. По желанию Никиты Романовича ан-

глийский агент Джером Горсей написал для Федора Никитича латинскую грамматику славянскими буквами, и «она доставила ему (Федору) много удовольствия». Как видно, отец стремился дать сыну серьезное образование.

По замечанию Исаака Массы, Федор Никитич был приветлив в обращении и «держался как царь». Он отлично сидел на коне, был красив и статен. Его одежда отличалась особым щегольством. Когда платье сидело на дворянине отменно хорошо, про него говорили: «Второй Федор Никитич». В Москве эта похвала вошла в пословицу. Любимым развлечением боярина была охота, псовая и соколиная.

В качестве двоюродных братьев и любимцев государя Романовы занимали особое положение при дворе. Родство с государем и союз с Годуновыми позволили Федору Никитичу надеяться на блистательную карьеру. Поначалу эти надежды оправдали себя. Несмотря на молодость, Федор выслужил чин главного дворового воеводы и считался одним из трех «великих ближних бояринов» — руководителей ближней царской думы. Но подспудная династическая борьба надломилась успешно начатую карьеру.

Братья царя Федора — Романовы были наиболее вероятными претендентами на трон. Согласие между Романовыми и Годуновыми служило лучшим доказательством того, что правитель Борис до поры до времени не выступал с прямыми претензиями на трон.

Однако к 1591—1594 годам стало ясно, что царствующая династия обречена на исчезновение. В 1591 году в Угличе погиб младший сын Грозного царевич Дмитрий, страдавший тяжелой формой эпилепсии. Год спустя в царской семье родилась царевна Федосья. Годунов завел тайные переговоры о браке царевны с членом австрийского императорского дома. Брак должен был упрочить положение царевны как наследницы царя Федора. Смерть Федосьи в 1594 году положила конец надеждам возродить династию.

После смерти царевны бывшее согласие между Романовыми и Годуновыми поколебалось. По рассказу голландца Исаака Массы, в 1594 году царь Федор ездил на богомолье в

Троице-Сергиев монастырь. Последний привал был в селе Воздвиженском. По обыкновению, бояре посылали вперед холопов, чтобы занять избу для своих господ. Холопы кравчего Александра Романова облюбовали вместительную избу. Но появились холопы Бориса и силой выгнали прочь романовских холопов. Те пожаловались господину, а кравчий пожаловался государю. Федор стал на сторону брата Александра. Он сделал выговор правителю: «Борис, Борис, ты взаправду слишком много позволяешь себе в моем царстве; всевидящий Бог взыщет на тебе».

Местнические дела, чутко реагировавшие на приближение любой политической бури, дают возможность установить время, когда борьба за трон сделала вчерашних союзников врагами.

28 марта 1596 года Федор Романов был послан на границу как второй воевода полка правой руки. Несмотря на то что он занял не слишком высокий пост, со всех сторон немедленно посыпались местнические жалобы. На Федора Романова били челом люди, не обладавшие ни думными чинами, ни особыми заслугами: его родственник П.Н. Шереметев, князь Василий Черкасский, князь Федор Ноготков-Оболенский и другие. В присутствии царя Ноготков дерзко заявил, что ему «мочно быть больши» не только Федора Романова, но и его отца Никиты и дяди Данилы Романовичей. В сердцах кроткий царь Федор сделал Ноготкову резкий выговор. «Данила и Никита, — сказал он с обидой, — были матери нашей братья, мне дяди; и дядь моих давно не стало, и ты чево дядь моих мертвых бесчестишь?»

Князь Ноготков угодил в тюрьму «на пять ден», но своего добился. Несмотря на заступничество самодержца, назначение Федора Романова было отменено, «потому что, — значилось в книгах Разрядного приказа, — государь то по разрядам сыскал, что князю Федору Ноготкову не доведетца менши быть боярина Федора Никитича Романова».

Сокрушительное поражение Романова показало, что правитель Борис Годунов отнял у «великого государя» Федора Ивановича даже тень власти. В награду за дерзость князь

Ноготков был повышен на несколько рангов, а Федора Романова на его посту заменил Степан Годунов. Новые назначения сразу показали, кто был вдохновителем местнической интриги против Романовых. То были Годуновы.

Соперничество с правителем грозило подорвать могущество семьи Романовых. Отец Федора был женат на княжне Горбатой. Его родней были князья Черкасские, Сицкие, Троекуровы, Шестуновы. В период правления Годунова в круг романовской родни вошли дети боярские Шестовы, Михалковы, Погожие. При жизни отца Федор Никитич мог рассчитывать на блестящую партию. Но браки Никитичей свидетельствовали, что знать не искала более родства с Романовыми.

Англичанин Джером Горсей, хорошо знавший семью Никиты Романовича, утверждал, будто Федора Никитича принудили жениться на «служанке своей сестры, жены князя Бориса Черкасского». Степень достоверности приведенного известия невысока.

Федор женился на Ксении Ивановне Шестовой. Семья Шестовых происходила из захудалой ветви рода Морозовых. Отец Ксении попал в списки тысячи «лучших слуг» как сын боярский третьей статьи. Он служил в Государевом дворе как ржевский дворянин и писался выше Пушкиных и князя Крапоткина.

РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА

12 июля 1596 года в семье Федора Никитича и Ксении Шестовой родился первенец сын Михаил. По времени его появление на свет совпало с неблагоприятными переменами в положении боярской семьи Романовых.

Михаилу Романову было неполных три года, когда умер последний отпрыск династии царь Федор и наступило междоусобице. Недавние союзники Романовы и Годуновы вступили в борьбу за обладание шапкой Мономаха.

Государь не оставил завещания. Неясно, помешал ли ему правитель Борис, или по своему умственному убожеству он и сам не настаивал на необходимости «совершить» духовную. Возникли различные версии насчет его последней воли. Носились слухи, будто Федор назвал в качестве преемника своего двоюродного брата Федора Романова. По донесению литовских лазутчиков, умирающий выразил сомнения по поводу того, что царем выберут худородного Бориса, и указал на Федора Романова, «предполагая, что скорее изберут его».

В конце января 1598 года литовцы дознались, что из четырех претендентов «больше всего сторонников» у Федора Романова «как родственника великого князя». В начале февраля лазутчики в донесениях из России подтвердили, что в Москве действительно думают скоро избрать великого князя, но ни на кого не указывают, только на князя Федора Романовича: все воеводы и думные бояре согласны избрать его.

Несколько меньшими шансами обладал глава Боярской думы князь Федор Мстиславский, хотя в его жилах текла кровь литовских великих князей и он был праправнуком Ивана III.

На корону претендовал Борис Годунов, но за него стояли «меньшие бояре» (дети боярские), стрельцы и чернь. Однако народ — «чернь» не имел права голоса в царском избрании.

Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь, по обыкновению, отмалчивался и ссылался на волю Божию. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы и пытался закрепить за ней трон. Тотчас после кончины мужа Ирина издала закон о всеобщей и полной амнистии, повелев без промедления выпустить из тюрем всех опальных изменников, татей (воров), разбойников и прочих сидельцев.

Однако дума очень скоро положила конец правлению царицы Ирины. Исполняя волю покойного государя, Ирина Годунова приняла пострижение и удалилась в Новодевичий монастырь.

Романовы считали свои позиции прочными и не побоялись первыми выступить с нападками на правителя.

Толки о том, что все бояре согласны избрать Федора Романова, соответствовали действительности лишь отчасти. Бояре использовали выступления Романова против Годунова, чтобы положить конец правлению Годунова.

В первые же дни после кончины Федора Борис пытался добиться от бояр и чинов присяги на имя вдовы, царицы Ирины, а также свое и своих потомков. Противодействие Романовых и других бояр, противников правителя, обрекло присягу на неудачу.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. В столице и по всей стране распространились фантастические слухи, будто Борис велел отравить царя Федора. Вскоре молва воскресила тень царевича Дмитрия.

В Смоленске одни толковали, будто Дмитрий жив и прислал им письмо, другие — будто Борис велел убить Дмитрия, а потом стал держать при себе его двойника с таким расчетом: если самому не удастся овладеть тронem, он выдвинет лжецаревича, чтобы забрать корону его руками. Небылицы сочиняли враги Годунова. Они старательно чернили нового царя, а его противников, бояр Романовых, превозносили. Передавали, что старший из братьев Романовых открыто обвинил Бориса в убийстве двух сыновей Грозного — Дмитрия и Федора. Потом Романов якобы бросился на Бориса с ножом, пытаясь собственноручно покарать злодея.

Борис стал жертвой клеветы. Опасаясь за свою жизнь, он перестал ездить в Боярскую думу и укрылся сначала на своем подворье, а затем в стенах хорошо укрепленного Новодевичьего монастыря.

Романовы и стоявшая за их спиной дума нанесли правителю поражение. Но торжество бояр было преждевременным.

Боярская дума была высшим государственным органом России, и только этот орган мог решить вопрос о престолонаследии. Но в думе царил раздор. Поражение Бориса избавило великородных бояр от страха, и многие из них заявили претензии на корону. Спорам не было конца. В результате бояре пришли к компромиссному решению. 17 февраля 1598 года лучший оратор думы дьяк Щелкалов вышел на Красное крыльцо и от имени бояр предложил народу принести присягу на имя думы. Попытка ввести в стране боярское правление, однако, не встретила поддержки в столице. Народ выразил решительное несогласие с боярским приговором.

Отъезд Годунова из Кремля явился свидетельством его полного поражения. Многие ожидали немедленной отставки Бориса с поста правителя. Но помимо думы, были другие силы, которые могли решающим образом повлиять на исход царских выборов.

На стороне Бориса выступил глава церкви патриарх Иов. В день 17 февраля он созвал на своем подворье соборное совещание, принявшее решение об избрании на трон Бориса. На совете присутствовали бояре Годуновы, их родня Сабуровы и Вельяминовы, некоторые младшие чины думы. Противники правителя на собор приглашены не были.

Собор, созданный главой церкви вопреки воле думы, был неправомочен. Но раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход всевозможные средства — от агитации до подкупа, стараясь заручиться поддержкой столичного населения.

20—21 февраля патриарху удалось организовать шествия в Новодевичий монастырь. Борис долго отказывался от короны, но затем, расчетливо выждав момент, объявил о своем согласии занять трон. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

30 апреля 1598 года Годунов окончательно вернулся в столицу. Его переезд в царские апартаменты положил конец разногласиям в стане оппозиции. Бояре начали понимать,

что им не удастся остановить Годунова, если они не примут немедленных мер. Выступление боярской оппозиции возглавили Федор Романов и Богдан Бельский. Как доносили из России литовские разведчики, в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона». Симеон понадобился боярам, чтобы воспрепятствовать коронации Бориса. Их цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз посредством подставного лица.

Борис не осмелился возражать Боярской думе, но постарался помешать ее деятельности под предлогом опасности татарского вторжения. В обстановке военной тревоги правителю нетрудно было разыграть роль спасителя отечества и добиться послушания от бояр.

Годунов объявил, что лично возглавит поход на татар. К началу мая полки были собраны, а бояре поставлены перед выбором. Им предстояло либо занять высшие командные посты в армии, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В такой ситуации руководство Боярской думы предпочло на время подчиниться.

Борис не побоялся поставить во главе государева полка боярина Федора Романова и кравчего Александра Романова. Они числились главными дворовыми воеводами.

Выступление на границу в Серпухов смело последние преграды на пути к общей присяге. Вековой обычай предписывал проводить присягу в зале заседаний высшего государственного органа — Боярской думы. Церемонией могли руководить только старшие бояре. Дума цепко держалась за старину. Но Борис не посчитался с традицией и велел целовать себе крест не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви, где распоряжался преданный ему патриарх Иов. Текст летней присяги состоял из пространный перечня обязанностей подданных по отношению к «богоизбранному» царю. Подданные обещали «не думать, не дружить, не ссы-

латься с царем Симеоном» и немедленно выдать Борису всех, кто хочет «посадить Симеона на Московском государстве». В этом пункте заключался главный политический смысл присяги. Ловким ходом Годунов разрушил планы оппозиции, замышлявшей передать трон «царю» Симеону:

В сентябре Годунов венчался на царство в Успенском соборе в Кремле. Патриарх Иов возложил на его голову шапку Мономаха. Боярин Мстиславский осыпал его золотыми монетами в дверях церкви. Новый «помазанник Божий» нарушил торжественную церемонию речью, не предусмотренной ритуалом. «Отец мой, великий патриарх! — воскликнул он посреди литургии. — Бог тому свидетель, не будет отныне в моем царстве нищих и бедных». Сжимая ворот расшитой рубахи и ударяя себя в грудь, Борис промолвил, что поделится со всеми последней сорочкой.

Новый государь дал пир на всю Москву, продолжавшийся двенадцать дней. За праздничным столом кормили всех, от мала до велика. В Кремле для народа были выставлены большие чаны со сладким медом и пивом. Служилые люди по всей стране вновь получили денежное жалованье. Многим знатым дворянам царь пожаловал высшие боярские и думные чины.

В числе удостоенных особых милостей были Романовы. По случаю коронации Бориса кравчий Александр Романов был произведен в бояре, чин окольничего получил Михаил Никитич Романов.

Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный (не бывший ни для кого секретом) обет не проливать крови в течение пяти лет.

СИРОТСКОЕ ДЕТСТВО

Прошло два года, и Годунов учинил расправу с боярами Романовыми. Дело об «измене» Романовых и Черкасских было самым крупным политическим процессом времен Го-

дунова. Розыск начался по доносу дворянина Бартенева, служившего казначеем у Александра Романова. Бартенев донес, что Романовы хранят у себя в казне волшебные коренья, намереваясь «испортить» (умертвить колдовством) царскую семью. Подлинные документы о ссылке Романовых подтверждают сведения о том, что они стали жертвами «колдовского» процесса. Приставы (стража) говорили Романовым, закованным в железа: «Вы, злодеи-изменники, хотели царство достать ведовством (волшебством) и кореньем».

Будущему царю Михаилу Федоровичу было четыре года, когда боярскую семью Романовых постигла катастрофа.

Как следует из записей польского посольства, отряд царских стрельцов совершил вооруженное нападение на подворье Романовых 26 октября 1600 года. Братья Федор, Александр, Василий, Михаил и Иван Никитичи были взяты под стражу.

Боярская комиссия во главе с Михаилом Глебовичем Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила коренья. Найденные улики были доставлены на патриарший двор, где собрались дума и высшее духовенство.

Александр был давним недоброжелателем Бориса. Он был привлечен к дознанию первым. Но затем розыск затронул всю семью. К пытке брали Федора Никитича с братией и их племянника князя Ивана Черкасского.

Суд признал Романовых виновными в покушении на жизнь царя и государственной измене. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Но виновные избежали смертной казни. Лишь в июне 1601 года, через полгода после начала розыска, состоялся приговор о ссылке Никитичей и их родни.

Судьба опальных решилась. Главный «изменник» Александр был сослан «к Стюдену морю к Усолю, рекомая Луду». Усолье было вотчиной Кирилло-Белозерского монастыря. Приставом при Александре был Леонтий Лодыженский. Как записал летописец, по приказу правителя пристав удушил узника и там же похоронил. По словам же Исаака Массы, боярина «истомили в горячей бане». Возможно, Го-

дунов избавился от Александра тем же способом, каким ранее покончил со знаменитым воеводой Иваном Петровичем Шуйским (боярина уморили дымом, угаром).

Михаил Никитич был сослан в Пермь, Василий Никитич — в Яранск, Иван Никитич — в Пелым. Первые двое умерли в ссылке, Иван Никитич уцелел.

Федора Никитича Борис мог бы уничтожить, как его братьев. Но он пощадил боярина. Ему достаточно было лишить Федора Никитича всякой возможности занять царский трон. Он избрал верный ход, приказав постричь боярина в монахи. В монашестве Федор стал именоваться Филаретом. Инок не мог более претендовать на царскую корону. Местом заточения Филарета стал Антониев Сийский монастырь. Обитель располагалась на острове посреди озера. Она была обнесена оградой, и лишь один мост связывал ее с сушей. Кругом простирались глухие леса и болота. Приставом при опальном был Ратман Дуров.

Члены семей заговорщиков были наказаны сравнительно мягко, за исключением Ксении Шестовой-Романовой. Ее постигла участь мужа. По свидетельству Массы, Ксению обвинили в том, что она советовалась с братьями мужа, как бы отравить Бориса. Иначе говоря, честолубивую женщину считали душой заговора. По этой причине старицу Марфу, в миру Ксению заточили не в монастыре, где она могла оказать вредное влияние на стариц, а в пустынных погостах в Заонежье.

Летописец особо упомянул о том, что приставы морили голодом старицу Марфу и Ивана Никитича. Конечно, надо иметь в виду, что ссылка Романовых по времени совпала с ужасающим трехлетним голодом. На содержание опальных отпустили достаточные суммы, но этих денег стало не хватать, когда цены на продовольствие поднялись в десятки раз. Из переписки приставов с царем следует, что ссыльные были обеспечены провиантом. Так, стольнику Василию Романову и его холопу положено было «по калачу да по два хлеба денежных; в мясные дни — по две части говядины да по части баранины; в рыбные дни — по два блюда рыбы, ...да квас

житный; на корм послано сто рублей денег». О полуголодном существовании узников говорить не приходится. Однако деньги по мере нарастания голода все больше обесценивались.

Сын Филарета Михаил с сестрою был сослан на Белоозеро. Дети находились там под присмотром тетки Анастасии Никитичны Романовой. На Белоозере оказалась также вся семья Александра Никитича. Опальных содержали в тюрьме.

Правитель подверг разгрому многочисленную родню Никитичей — князей Черкасских, Репнинных, Шестуновых, Сицких, Карповых, желая лишить Романовых опоры в думе и Государевом дворе.

Все вотчины опальных были взяты в казну, имущество конфисковано и пущено в распродажу.

В четыре года Михаил Романов лишился отца, постриженного в монахи и заточенного в тюрьму. Даже освобожденный из тюрьмы Филарет не мог вести прежнюю жизнь, так как его жена также стала инокиней. Возврат к мирской жизни им был заказан.

Ребенок, потерявший отца, по понятиям того времени был сирота. До четырех лет Михаил жил в семье, считавшейся одной из самых богатых в России и к тому же претендовавшей на корону. Переход от жизни в боярском тереме к жизни ссыльного стал для него едва ли не самым сильным впечатлением детства. Несовершеннолетний тюремный сиделец, по словам летописи, провел на Белоозере «немалое время».

Покарав Романовых и их родню, Борис смягчил наказание тем из них, кто уцелел. Филарет был оставлен в монастырском заточении, зато калека Иван Романов был переведен в Уфу, а оттуда на службу в Нижний Новгород.

Сестра Филарета, его сын Михаил и дочь вместе со снохой — женой Александра Никитича были отпущены с Белоозера в вотчину Романовых село Клины в Юрьеве Польском. Их отнюдь не освободили из-под стражи. Приставами при них были назначены дети боярские Давыд Жеребцов и Ва-

сий Хлопов. Царь наказал им печься об узниках, «чтобы дворовой никакой нужды не было: корму им давать вдоволь, покоить всем, чего ни спросят; а не так бы делал, как писал прежде, что яиц с молоком даешь не по многу; это ты делал своим воровством и хитростию; по нашему указу велено тебе давать им еды и питья во сем вдоволь, чего ни захотят».

Доходы с вотчины поступали в казну. Зато узников кормили вдоволь. Михаил пробыл в вотчине до смерти Бориса.

Филарет оставался в северном монастыре. Сохранились отписки 1602 года с предписанием приставам пресекать любые сношения опального с внешним миром. Для этого инока не выпускали за ворота обители и никого не пускали к нему. По временам в монастырскую ограду не пускали даже богомольцев, прибывших из других городов поклониться святому Антонию. Местных крестьян — монастырских вкладчиков пускали к мощам в сопровождении приставов, выставляли стражу у ворот «для всякого бережения».

Все эти меры призваны были предотвратить побег изменника из монастыря.

В ноябре 1603 года пристав Богдан Воейков подослал некоего сына боярского Петра Болтина к «малому» — слуге опального, жившему с ним в келье. Со слов слуги Болтин записал речи Филарета: «И малой де ему сказывал: со мною де ничего не разговаривает, лише де коли жену спомянет и дети, и он де говорит: «милые де мои детки, малыи де бедные остались; кому де их кормить и поить? Таково де им будет ныне, каково им при мне было? А жена де моя бедная, наудачу уже жива ли? Чае де она где близко таково-ж де замчена (завезена), где и слух не зайдет; мне де уж что надобно? лихо де на меня (беда на меня) — жена да дети, как де их помянешь, ино де что рогатиной в сердце толкнет; много де иное они мне мешают; дай Господи слышать, чтобы де их ранее Бог прибрал, и яз бы де тому обрадовался; а чаю де, жена моя и сама рада тому, чтоб им Бог дал смерть, а мне бы де уж не мешали, я бы де стал промышляти одною своею душею; а братья де уже все, дал Бог, на своих ногах».

«Плач» Филарета был образцом красноречия и доказывал его «риторские» способности. Но есть основания полагать, что речи инока были своего рода прошением о помиловании семьи опального. Романов знал, что его речи без промедления будут переданы Борису. О чем же он говорил?

Монах выражал надежду, что Бог услышит о невинных страдальцах детках и приберет их, то есть возьмет их под свое вечное покровительство, а он, Филарет, будет даже рад их смерти.

Борис был богобоязненным человеком, и кто знает, не повлиял ли «Плач» на его решение вернуть ссылную семью Филарета в их вотчину.

Филарет хорошо рассчитал свои действия. Он, конечно же, притворялся, будто ничего не ведает о пострижении жены, смерти трех братьев. На самом деле Романовы нашли добрых среди местных жителей. Царь Михаил одарил священника Толвуйской волости, его сына и двух крестьян за то, что те передавали вести от Марфы Филарету.

Борис не забывал об опальных, прозябавших в ссылке. В конце 1603 года пристав Воейков по царскому указу «старцу Филарету Романову скуфью, и ряску, и шубу новую дал из монастырской казны, потому что старое платье изодралось». В ответном письме от 3 декабря Борис дал следующий наказ приставу: «ты б старцу Филарету платье давал из монастырские казны и покой всякой к нему держал, по нашему указу, чтоб ему нужи ни в чем не было».

У Федора Никитича было пять сыновей. Если бы четверо старших умерли в ссылке, молва приписала бы их смерть жестокости Бориса. В действительности потомство боярина оказалось на редкость нежизнеспособным. Первенец Филарета Борис Романов, названный так в честь правителя Годунова, умер младенцем 20 ноября 1594 года. Его братья Никита, Лев и Иван также умерли во младенчестве до 1599 года, при том, что никаких крупных эпидемий в это время не было. В живых остался младший сын Михаил, будущий царь. Он и его сестра Татьяна благополучно пережили ссылку при Годунове.

БЕГЛЫЙ ЧЕРНЕЦ

Слухи о чудесном спасении царевича Дмитрия возникли сразу после смерти царя Федора. Призрак царевича оживила борьба за обладание тронном. После избрания Бориса молва лишилась почвы и умолкла сама собой.

Прошло два года, и весть о чудесном спасении сына Грозного вновь распространилась в народе. Служилый француз Яков Маржарет, прибывший в Москву в 1600 году, отметил в своих записках: «прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. — Р.С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу».

Бояре Романовы подверглись опале как раз в 1600 году. Не они ли сеяли слухи о спасении Дмитрия? Это сомнительно. Романовы пытались заполучить корону в качестве ближайших родственников последнего законного царя Федора. К сыну Грозного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Пересуды о наличии законного наследника Дмитрия могли лишь помешать осуществлению их планов. В 1600 году у Романовых было не больше оснований готовить самозванца Дмитрия, чем у Бориса Годунова в 1598 году.

Дмитрия вспомнили по случаю смертельной болезни Бориса Годунова. Его кончины ждали со дня на день. Страна оказалась на пороге нового династического кризиса.

Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними для Годунова было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва сделалась народной.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602 году. Годуновы нарядили розыск, после чего объявили, что самозванец — чернец Григорий Отрепьев.

Доказать тождество Гришки и лжецаревича с полной неопровержимостью власти, конечно, не могли. Но они собирали подробные сведения о похождениях реального Отрепье-

ва, опираясь на показания его матери, дяди и прочих родственников-галичан. Мелкий галицкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев, в монашестве инок Григорий, постригся в одном из русских монастырей, после чего сбежал в Литву.

В послании венскому двору Борис писал по поводу беглого монаха: Юшка Отрепьев «был в холопах у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, учал воровать, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот страдник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырях, а называли его в чернцах Григорием». В Вене московские дипломаты впервые назвали по имени покровителя самозванца. Правда, связав воедино имена Отрепьева и Романова, дипломаты тут же попытались рассеять подозрение, будто авантюриста выдвинула влиятельная боярская партия.

Патриарх Иов дал свои разъяснения по поводу «вора»: Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертныя казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», служил на патриаршем дворе, а потом сбежал в Литву. Чтобы уяснить себе, как современники восприняли откровения патриарха, надо знать, что в старину воровством называли чаще всего неповиновение властям, измену и прочие политические преступления. Из патриаршей же грамоты следовало, что он постригся из-за преступлений, совершенных на службе у Романовых.

Царь Василий Шуйский провел новое расследование и огласил историю Гришки с наибольшими подробностями. В частности, Шуйский сообщил полякам, что Юшка Отрепьев «был в холопах у бояр Микитиных детей Романовича, и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы».

Итак, служба у бояр Романовых привела Юрия Отрепьева в монастырь. Ему грозила смерть за участие в «боярском заговоре». Его господа Михаил Романов и князь Борис Черкасский погибли в ссылке. Отрепьев счастливо избежал их участи, приняв постриг под именем Григория. Инок опре-

деленно побывал в двух провинциальных монастырях — в Суздале и Галиче, а потом «был он в Чюдове монастыре в дияконех з год».

Итак, Отрепьев бежал за рубеж в феврале 1602 года, провел в Чудове монастыре примерно год, то есть поступил в него в самом начале 1601 года, а надел куколь незадолго до этого, значит, он постригся в 1600 году. Цепь доказательств замкнулась. В самом деле, Борис опалился на бояр Романовых и Черкасских как раз в 1600 году. Вереия, согласно которой пострижение Отрепьева было непосредственно связано с крушением романовского круга, получает надежное подтверждение.

В том же 1600 году по всей России распространилась молва о чудесном спасении царевича Дмитрия, которая, вероятно, и подсказала Отрепьеву его роль.

Потерпев катастрофу на службе у Романовых, Отрепьев поразительно быстро приспособился к новым условиям жизни. Случайно попав в монашескую среду, он преуспел на службе у патриарха Иова.

Беглый дьякон явился в Литву в сопровождении двух монахов — Варлаама и Мисаила. Два года спустя Варлаам подал «Извет» царю Василию. В нем он подробно рассказал о бегстве с Отрепьевым за рубеж. Сначала беглецы провели три недели в Печерском монастыре в Киеве, а потом перешли во владения князя Константина Острожского, в Острог.

Показания Варлаама относительно пребывания беглецов в Остроге летом 1602 года подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в Остроге в 1594 году, с надписью: «Лета от сотворения мира 7110-го (1602 г.) месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам Григорию з братею, с Варлаамом да Мисаилом, ...пресветлое княже Острожское». Над словом «Григорию» кто-то вывел слова «царевичу московскому». Поправка к дарственной надписи примечательна не сама по себе, а всего лишь как подтверждение показаний Варлаама.

Когда «царевич» объявился во владениях другого православного магната, Адама Вишневецкого, король затребовал подробные объяснения. И тогда князь Адам записал исповедь самозванца.

По словам «Дмитрия», его спас некий воспитатель, который, узнав о планах жестокого убийства, подменил царевича мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Мать-царица, прибежав в спальню и глядя на убитого, лицо которого стало свинцово-серым, не распознала подлога.

Знакомство с рассказом «Дмитрия» обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Это значит, что бояре Романовы непосредственного участия в подготовке самозванца не принимали. Им жизнь двора была известна в деталях, «царевичу» эти детали остались неизвестны.

История самозванца, рассказанная им самим, напоминала как две капли воды историю Григория Отрепьева в московский период его жизни.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у Острожского, переходе к Габриэлю Хойскому в Гощу, а потом в Брачин, к Вишневецкому. Там, в имении Вишневецкого, в 1603 году и был записан его рассказ. Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам называет те же самые места и даты: в 1603 году Гришка «очутился» в Брачине, у Вишневецкого, а до того был в Остроге и Гоще. Возможность случайного совпадения ничтожно мала. След реального Отрепьева теряется на пути от литовского кордона до Острога—Гощи—Брачина. И на том же самом пути, в то же самое время обнаруживаются первые следы Лжедмитрия I. На названном, строго очерченном отрезке пути и произошла метаморфоза — превращение бродячего монаха в царевича.

Когда Борису донесли о появлении самозванца в Польше, он не стал скрывать своих подлинных чувств и сказал в лицо боярам, что это их рук дело и задумано, чтобы свергнуть его. К числу заподозренных бояре Романовы,

видимо, не относились, так как несколько лет пребывали в ссылке и, как считал Борис, были надежно изолированы от внешнего мира.

Набрав с помощью польского короля армию, Лжедмитрий I вторгся в пределы России. Вторжение положило начало восстанию Северской Украины, а затем гарнизонов южных крепостей.

МИЛОСТИ РАССТРИГИ

Русское государство погрузилось в хаос. Церковь предала анафеме проклятого еретика Отрепьева. Филарет хорошо знал его и возлагал надежды на то, что Расстрига свергнет Годунова и освободит семью Романовых.

В донесении за март 1605 года приставы доносили царю, что опальный изменник не повинуется более их приказам: «а живет старец Филарет не по монастырскому чину, всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское житье, про птиц ловчих и про собак, как он в мире жил». Очевидно, Романов ждал свержения Годуновых и готовился вернуться в мир. Его любимой забавой в миру была соколиная и псовая охота. С монашеством он, видимо, намеревался расстаться. Иначе трудно объяснить его поведение. По доносу Воейкова, «нынешним Великим постом у отца духовного старец Филарет не был, в церковь и на прощание не приходил и на крылосе не стоит».

Переписка приставов с царем рисует яркую картину полного упадка власти. Невзирая на грозные царские указы, узник не хотел более подчиняться распоряжениям своих тюремщиков. Старцы приходили к приставу с жалобой на то, что Филарет к ним «жесток»; «бранит он их и бить хочет и говорит им: «Увидите, каков я вперед буду!» Романов не сомневался, что близкая смерть Бориса освободит его из заключения и вернет высокое положение.

Трезво оценивая положение в государстве, Романов постарался прежде всего освободиться от опеки монастырского начальства. 3 февраля 1605 года ночью он выбрал старца Иринарха, «с посохом к нему прискакивал, из кельи его выслал вон и в келью ему к себе и за собою ходить никуда не велел». Приставы могли смирить чернеца, но не решились этого сделать. Режим Годунова доживал последние месяцы.

Деятельный и энергичный, Борис в конце жизни много болел и все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, все меньше занимался делами управления и проводил время в обществе врачей, астрологов и прорицателей.

После смерти Бориса, последовавшей 13 апреля 1605 года, заговорщики-бояре — князя Голицыны и Басманов подняли мятеж в лагере под Кромами. Династия Годуновых лишилась армии.

Вслед за тем восстало население столицы. Самозванец прислал в столицу князя Голицына с повелением казнить царя Федора Годунова. Сын Бориса и царица Мария были задушены.

20 июня 1605 года Лжедмитрий торжественно вступил в столицу и водворился в царском дворце. Боярская дума заключила соглашение с ним на определенных условиях. Самозванцу пришлось распустить отряды казаков и наемных солдат, которые привели его в Кремль. Лишь после этого дума увенчала мнимого сына Грозного царской короной.

Еще до вступления в Москву Лжедмитрий I отдал приказ о низложении патриарха Иова и заточил его в провинциальный монастырь. Иов и Романовы были прежде главными покровителями Отрепьева.

Из Романовых уцелел, кроме Филарета, один Иван Никитич. Самозванец пожаловал ему боярство, но отвел в думе одно из последних мест.

Лжедмитрий спешил вернуть из ссылки мнимую мать Марфу Нагую. С Романовыми все обстояло иначе. Их бывший холоп обладал характерной внешностью. Он был совсем мал ростом, широкоплеч, лицо его украшали две боль-

шие родинки. Отрепьев служил Михаилу Никитичу Романову, умершему в ссылке. Но и Филарет знал его в лицо. Братья Никитичи жили в Москве вместе.

С запозданием, 31 декабря 1605 года Лжедмитрий I повелел перевезти и похоронить в родовой усыпальнице тела Романовых, умерших в ссылке.

Филарет был деятелен и честолюбив. Самозванец побоялся оставить его в столице и отослал в Троице-Сергиев монастырь, где старец жил до апреля 1606 года. Лишь в последние недели правления Отрепьев вновь вспомнил о «родственнике».

Лжедмитрий не церемонился с духовенством: он отправил на покой ростовского митрополита Кирилла, а митрополичью кафедру тут же передал Филарету Романову.

По словам архиепископа Арсения, самозванец будто бы намеревался вернуть Романова в Боярскую думу. Через греков Игнатия и Арсения и «синод» он якобы передал Филарету необычное предложение: сложить с себя монашескую одежду, надетую на него силой, вернуться в мир и принять жену. Арсений закончил мемуары в то самое время, когда отец царя Михаила Романова вернулся из Польши в Москву. Рассказ Арсения имел очевидной целью прославить подвиг Филарета. Сообщив об отказе Филарета вернуться в мир, Арсений без всякой паузы замечает, что «царь» и патриарх снова пригласили Романова и посвятили его в сан ростовского митрополита. Известно, что Филарет получил сан митрополита лишь в мае 1606 года.

Вместе с саном Филарет получил от Лжедмитрия I щедрые подарки: драгоценные ризы с камнями и золотой пояс. На службу к митрополиту были определены дети боярские и холопы.

Самозванец не оставил своими милостями малолетнего сына Филарета Михаила, в котором сосредоточилось будущее всего рода. В царской казне хранились «посохи: ...рога оправлены золотом с чернью». Согласно казенной описи, один посох был снабжен ярлыком, «а по ерлыку тот посох Гришка Отрепьев Рострига поднес... Михаилу Федоровичу».

Причина милостей Лжедмитрия I к Романовым понятна. В последние месяцы царствования Отрепьев осознал неизбежность столкновения с боярами. Доносы сыпались со всех сторон, и самодержцу стал известен даже день выступления заговорщиков.

Оказавшись в трудном положении, самозванец обратился за помощью к тестю Юрию Мнишеку и приказал ему привести в Москву наемное войско. В последний момент он послал гонца на Волгу, чтобы призвать в столицу взбунтовавшихся терских казаков и с их помощью учинить расправу с боярами.

В Филарете самозванец увидел союзника. Будучи заточен в монастырь, опальный жаловался, «про государевых бояр в розговоре говорил: «Бояре мне великие недруги; они искали голов наших, а иные научали на нас говорить людей наших, я сам видел это не однажды».

Боярский суд и Боярская дума признали Романовых изменниками и осудили на ссылку и смерть. Теперь старец Филарет имел возможность отомстить своим недругам.

Лжедмитрий I собирался раздавить заговор, но одновременно втайне готовил почву для бегства во Францию.

17 мая 1606 года бояре подняли мятеж в столице и убили самозванца.

КРЕМЛЕВСКИЙ ПЛЕННИК

Через три дня после переворота на царский трон был избран князь Василий Шуйский. Старый патриарх Игнатий Грек был обличен как приспешник еретика и лишен сана.

На патриарший престол решено было возвести Филарета Романова. В считанные месяцы недавний ссыльный сделал блестящую карьеру. Лжедмитрий I возвел его в сан митрополита, а царь Василий поселил на Патриаршем дворе.

Михаилу Федоровичу исполнилось 11 лет. Он не достиг совершеннолетия, но уже был определен на службу. Недоросль участвовал в дворянском смотре и был записан в чине стольника в Боярском списке 1606—1607 годов. Не исключено, что первый дворцовый чин он получил не от царя Василия, а несколькими месяцами ранее от Лжедмитрия вместе с драгоценным подарком — посохом.

Почему при выборе патриарха дума и духовенство отдали предпочтение иерарху, получившему сан от самозванца? Очевидно, в думе оставалось слишком много людей, всецело обязанных Отрепьеву карьерой. Они боялись за свое будущее и избегали крутых перемен.

Как некогда Борис Годунов после своего избрания, так и Василий Шуйский хлопотал о том, чтобы привлечь на свою сторону род Романовых. Но ни тому, ни другому это не удалось.

Филарет считал неоспоримым право своей семьи на царский трон. Но он очень спешил. В 1600 году он ждал смерти Бориса и спешно собрал в Москве свои вооруженные отряды. Романовы готовились к тому, чтобы не допустить присяги Федору Годунову. Следствием преждевременного выступления была ссылка Романовых на Север и в Сибирь.

Положение Шуйского было шатким, и у Филарета появилась надежда на то, что коронации Василия удастся не допустить. Новый мятеж в столице должны были спровоцировать слухи о спасении «Дмитрия».

Осторожность была чужда Филарету, и он вновь потерпел поражение. После переворота Романов выехал в Углич за мощами князя Дмитрия Угличского. Представление мощей столице должно было послужить прологом к коронации, во время которой патриарх должен был увенчать государя шапкой Мономаха.

Розыск о волнениях в Москве, происшедших в конце мая 1606 года, дал новый поворот делу.

По словам современников, Филарета обвинили в том, что он якобы был причастен к составлению подметных пи-

сем о спасении «Дмитрия», «за что его (патриарха) и сложили». После переворота в народе немало толковали, что во главе государства должен встать один из Романовых. Об этом упоминает немецкое донесение из Нарвы от 27 мая 1606 года. Шуйский не мог не знать о притязаниях Романовых. Не это ли обстоятельство было подлинной причиной новой опалы на Филарета Романова?

В конце концов царь Василий решил провести церемонию коронации до приезда патриарха с мощами. Это поразило современников, поскольку коронация без патриарха была незаконной.

Царь Василий отменил решение об избрании на патриаршество Филарета Романова. Филарет был изгнан с Патриаршего двора, что было для него большим унижением.

Романов был одним из самых популярных деятелей своего времени, и санкции против него были осуществлены после коронации.

Заточив в монастырь князя Ивана Хворостинина, бывшего кравчим у самозванца, царь пожаловал этим придворным чином князя Ивана Борисовича Черкасского, племянника Филарета. Следствие об измене привело к внезапной отставке Черкасского.

В царствование Василия Шуйского гражданская война в России вспыхнула с новой силой. Центром мятежа вновь стал Путивль. Подобно пожару бунт распространился по всей южной окраине государства. Предводитель повстанцев Иван Болотников пять недель осаждал Москву.

Тем временем в Литве появился новый самозванец — Лжедмитрий II. Ходило множество слухов о его происхождении. Но наиболее достоверные сведения о нем сообщают иностранцы, наблюдавшие в Литве за первыми шагами претендента или же расследовавшие дело по свежим следам. Польские иезуиты дознались, что под маской Лжедмитрия II скрывался некий Богданко, крещеный еврей. Романовы хорошо знали «вора», так как Филарет Романов позднее попал ко двору самозванца в Тушино. После избрания на трон Романовы подтвердили версию иезуитов.

Лжедмитрия II считают ставленником польских магнатов. Но это неверно. Инициаторами новой интриги были Болотников и самозванец «царевич Петр». Их призыв подготовить нового «Дмитрия» пал на благодатную почву.

Белорусские шляхтичи, участвовавшие в походе Отрепьева на Москву, заметили в Могилеве низкорослого бродягу, фигурой напоминавшего убитого «вора». Им оказался бродячий учитель из Шклова. Когда шляхтичи попытались убедить учителя, что он — спасшийся царь, тот поспешил скрыться из Могилева. Его нашли и бросили в тюрьму. Лишь после этого учитель поневоле согласился взять имя «царевича Дмитрия». Его тотчас переправили через границу в Стародуб, где его поджидал посланец Болотникова атаман Иван Заруцкий.

Заруцкий провозгласил бродягу царем, и в тот же день в Стародуб прибыло войско из Литвы. Лжедмитрий II собрался выручить войско Болотникова, осажденное в Туле. Но Тула пала до подхода самозванца.

Василий Шуйский пытался остановить движение войск Лжедмитрия II к Москве. Но его армия понесла поражение под Болховом. Летом 1608 года самозванец разбил лагерь в Тушино под Москвой.

Положение Лжедмитрия II упрочилось после того, как в Тушино прибыла венчанная царица Марина Мнишек, отпущенная из русского плена Василием Шуйским. Самозванец встретил «супругу» при большом стечении народа, и та «узнала» в нем спасшегося мужа.

Тушинцы сильны были не «польскою подмогой», а тем, что в стране бушевала гражданская война и народ ждал «счастливого царства» прирожденного государя.

Вскоре под властью Лжедмитрия II оказались Псков и Вологда, Ярославль и Астрахань. В Тушино появился свой патриарх. Им стал захваченный в плен Филарет Романов. В думу «вора» вошли удельный князь Дмитрий Трубецкой, боярин Михаил Глебович Салтыков, в свое время судивший Романовых.

Митрополит Филарет был захвачен в плен в октябре 1608 года. Будучи привезен в Тушино, он, спасая голову, согласился служить «вору». Его поведение объяснимо.

Весной 1608 года царь Василий послал племянника князя Михаила Скопина на калужскую дорогу, чтобы помешать «вору» угнестись в окрестностях Москвы. Воеводы дошли до речки Незнать, но затем были отозваны в столицу. Причиной была обнаружившаяся «шатость» — измена: «Хотяху царю Василию изменити князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними». Кары, обрушившиеся на изменников, были сравнительно мягкими. Дело ограничилось служебными перемещениями. Князь Иван Катырев был отправлен воеводой в Тобольск, князь Иван Троекуров попал на воеводство в Нижний Новгород, а князь Юрий Трубецкой — в Тотьму.

Царь Василий сурово расправился с сообщниками князей. Несколько дворян, в их числе Яков Желябужский, были казнены на Москве.

Желябужские были давними сторонниками Романовых. Иван Троекуров доводился шурином Филарету, а Иван Катырев — зятем. Митрополит Ростовский держался в тени, но заговор его родни бросил на него тень. По мнению С.Ф. Платонова, «чисто боярская шатость» была затеяна кружком Романовых.

Пленив Филарета, «вор» предложил ему сан патриарха. В Москве правил патриарх Гермоген, законно поставленный Священным собором. Тем не менее Романов согласился принять предложение Лжедмитрия II. Вражда к царю Василию определяла его поведение.

Вскоре же вокруг Филарета в Тушино собралась его многочисленная родня.

Гражданская война разделила семью Филарета Романова надвое. Из двух братьев младший, Иван Никитич, вместе с племянником Михаилом обороняли Москву от тушинцев, воевали за законного царя, тогда как старший брат Филарет благословлял воровскую рать на осаду столицы и усердно

служил самозванцу. Тушино располагалось в окрестностях Москвы.

Воцарение «вора» в Стародубе было грубым фарсом. В Тушино картина стала меняться. Два лица удостоверили царское происхождение самозванца: венчанная московская царица Марина и высший иерарх церкви Филарет. Присутствие Романова в лагере имело особое значение. Филарет унаследовал от отца славное имя, и его популярность и авторитет в народе были исключительно велики.

Лжедмитрий II многократно обращался за помощью и покровительством к Сигизмунду III, но тот отказывался иметь дело с «обманщиком».

От Тушино до Москвы было рукой подать, и многие дворяне бежали туда в поисках богатства и чести. Но у Лжедмитрия II не было денег, и беглецы возвращались ни с чем. Случалось, что «тушинские перелеты» по несколько раз переходили от царя Василия к «царику» и обратно.

Тушинский «вор» контролировал огромную территорию, но его режим начал утрачивать привлекательность в глазах народа. Тушинское воинство возглавлял гетман Ружинский, распоряжавшийся в России как в завоеванной стране. Долг наемным солдатам рос, и обеспокоенные шляхтичи избрали децимвиров — комиссию из десяти человек, которая установила жесткий контроль за финансами тушинского «царька». Распоряжения гетмана и децимвиров были обязательны для всех, включая тушинских бояр. Поборы и реквизиции росли. Любые попытки сопротивления со стороны населения жестоко пресекались.

Насилия вызвали отпор. Тушинцы были изгнаны из Вологды и Поморья, из Галича и Костромы. На помощь Лжедмитрию в Россию прибыл литовский магнат Ян Сапега с войском. Он пытался замкнуть кольцо окружения вокруг Москвы, для чего предпринял штурм Троице-Сергиева монастыря. Его отряды потерпели неудачу. Шестнадцать месяцев защитники крепости — дворяне, стрельцы, монахи и окрестное население отбивали все приступы «литвы».

Лжедмитрий II осаждал Москву почти два года. Временами владения самозванца не уступали по территории владениям властителя Кремля. Наличие двух царей полностью парализовало государственную власть и сделало Россию легкой добычей для соседей.

В феврале 1609 года Россия заключила договор со шведами. Шведский король прислал наемное войско.

Союз России и Швеции дал повод Сигизмунду III разорвать перемирие с русскими. Осенью 1609 года король осадил Смоленск. Началась беспрецедентная оборона Смоленска, длившаяся более двадцати месяцев.

В Тушино прибыли королевские послы, не пожелавшие иметь дело с самозванцем и начавшие переговоры с его боярами.

Спасая голову, самозванец бежал в Калугу, куда за ним потянулись казацкие отряды.

Король старался привлечь тушинскую знать на сторону Польши. Послы убеждали Филарета и бояр в том, что король пришел в Россию с единственной целью — взять русских под защиту и освободить их от тирана. Лицемерие послов не смутило тушинцев.

В ходе переговоров в Тушино патриарх Филарет и бояре предложили Сигизмунду III возвести на царский престол его сына королевича Владислава. Договор был подписан в королевском лагере под Смоленском. Однако тушинский лагерь распался, и его правительство никого более не представляло.

В течение нескольких лет Филарет Романов лелеял мысль о том, что ему удастся с помощью самозванца покончить с властью Шуйского. Зная Лжедмитрия I, Романов нисколько не сомневался, что в Тушино он служит проходимцу и обманщику. Но он был уверен, что стародубский «вор» недолго будет сидеть на троне.

Патриарх Филарет плакал, целуя королевские грамоты. Он поддержал идею избрания королевича Владислава на царский трон и заключения личной унии России и Речи Посполитой.

Некогда бояре Василий Шуйский и Василий Голицын, стремясь избавиться от Лжедмитрия I, предложили шапку Мономаха сыну короля Сигизмунда. Тушинцы возродили этот проект, чтобы избавиться от самого Шуйского.

Идея унии Речи Посполитой и России, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловещий оттенок в обстановке вражеского вторжения. Тысячи неприятельских солдат вели осаду Смоленска, захватывали, жгли и грабили русские города и села.

Филарет принял участие в разработке договора с королем о порядке передачи трона Владиславу. Для утверждения договора под Смоленск выехали Михаил Глебович Салтыков, Михаил Молчанов и другие лица. Русские статьи соглашения от 4 февраля 1610 года предусматривали, что Владислав Жигимонтович «произволит» принять греческую веру и будет коронован московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт тушинских «статей и просьб» носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

Смоленский проект соглашения окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с законным царем в Москве и «воровским» — в Калуге появился то ли королевич, то ли царь Владислав.

Филарет Романов выехал из Тушино с последними польскими отрядами с тем, чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но ему не удалось благополучно добраться до места назначения. Войска Валуева пленили его после боя под Волоколамском и отправили в Москву.

Царь Василий не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Гермоген поспешил объявить Романова пленником и жертвой Лжедмитрия II и признал его право на прежний сан ростовского митрополита.

Возвращение Филарета в столицу положило начало возрождению былого влияния романовского круга. При под-

держке бояр — братьев и племянников Филарет вскоре же стал, по словам очевидца, самой большой властью под патриархом.

После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря и ушел к литовскому рубежу. Ружинский сжег свой лагерь под Москвой и отступил в Волоколамск.

12 марта 1610 года Скопин со своей ратью и шведским отрядом торжественно вступил в Москву и стал готовиться к походу на Смоленск. В разгар приготовлений воевода внезапно умер. Прошел слух, что его отравили братья царя Василия.

Поход против поляков возглавил бездарный брат царя боярин Дмитрий Шуйский. Вместе с русскими полками в наступлении участвовала шведская союзная армия.

Выступивший навстречу гетман Жолкевский располагал небольшими силами. Русско-шведская армия обладала многократным численным перевесом. Но воеводы не смогли использовать преимущества.

Сражение произошло 24 июня 1610 года у села Клушино, неподалеку от Смоленска. Поляки после ночного марша на рассвете внезапно атаковали спящий лагерь русских и шведов. В разгар битвы наемные отряды подняли мятеж и перешли на сторону поляков. Шуйский бежал с поля боя. Русские потерпели катастрофическое поражение.

Еще накануне битвы Заруцкий с казаками присоединился к армии гетмана Жолкевского и принял участие в сражении.

Обосновавшись в Калуге, Лжедмитрий II готовился продолжить войну. Под давлением иноземных наемных солдат он согласился признать себя вассалом Сигизмунда III после своего воцарения. Соответствующий договор — Артикулы — был подписан.

Между тем в Москве зрел заговор против царя Василия. Душою его был рязанский дворянин Прокофий Ляпунов. Он прислал из Рязани гонца к князю Василию Голицыну и к своему брату Захару Ляпунову, чтобы поторопить их с вы-

ступлением. Ляпунов также завел тайные сношения с калужским «вором».

Поражение под Клушино решило судьбу династии. Государь еще сидел на троне, а народ толпами собирался под окнами дворца и кричал: «Ты нам больше не царь!»

Будучи смертельным врагом царя Василия, Романов сыграл важную роль в его свержении. Имеются данные о том, что Филарет вел секретные переговоры с Лжедмитрием II. Одна из записей в дневнике Сапеги удостоверяет, что еще в конце июня 1610 года самозванец получил грамоту из Москвы от патриарха и бояр с сообщением, что жители Москвы готовы целовать ему крест.

Совершенно очевидно, что грамота исходила не от патриарха Гермогена, не желавшего иметь ничего общего с «вором». Для тушинцев же существовал только один патриарх — Филарет. Именно от него и от бывших «воровских» бояр, как видно, и получено было письмо. Расчет Филарета понятен. Он стремился подтолкнуть Лжедмитрия II к походу на Москву.

Что побудило Филарета поддерживать сношения с «вором»? Все противники царя Василия должны были объединить силы, чтобы совершить переворот.

16 июля Лжедмитрий II прибыл в окрестности Москвы с тремя тысячами казаков. На другой день Иван Никитич Салтыков и Захар Ляпунов, Федор Хомутов и их сообщники собрали на Красной площади внушительную толпу. Заговорщики «на Лобное место выехаша, и з своими советники, завопиша на Лобном месте, чтоб отставить царя Василья». Голицын направлял все действия заговорщиков, но на площади его не было.

Мятежникам удалось захватить патриарха Гермогена. С ним они отправились в военный лагерь у Серпуховских ворот, где находились бояре и вся рать.

Верно ли, будто Василия Шуйского сместил Земский собор? Толпа мятежников, явившаяся в лагерь с Красной площади, действительно включала людей разных чинов. Но их деятельность менее всего напоминала заседание собора.

Глава думы Мстиславский с товарищами, повествует летописец, «послали от себя из обозу из-за Москвы-реки к царю Василью Ивановичу всеа Руси боярина князя Ивана Михайловича Воротынского, чтоб он, государь царь Василий Иванович всеа Руси ...государство Московское отказал и посох царьской отдал для (из-за) пролития междоусобных крови христианской».

Своjak царя Воротынский должен был по-родственному уговорить царя отречься от власти. Посланному с ним Федору Шереметеву предстояло выполнить черную работу. Миссия могла стоить ему головы.

Царь Василий отказался признать законным приговор о его отрешении. Такое решение могла принять Боярская дума. В лагере же у Серпуховских ворот были отдельные бояре, но не было ни думы, ни Священного собора в полном составе. Но самодержец давно уже выпустил из рук бразды правления.

Зачинщики мятежа беспрепятственно прошли во дворец, захватили царскую семью и силой свели на старый двор бояр Шуйских. Братьям царя запретили показываться в думе, позже взяли под стражу.

Положение оставалось крайне неопределенным, и заговорщики решили довести дело до конца. 19 июля они явились на двор к Шуйским в сопровождении чудовских монахов и насильно постригли царя в монахи.

Сохранились сведения, будто перевороту предшествовали какие-то переговоры бояр с Лжедмитрием II. В Москве, повествует летописец, московские бояре «начаша съезжати-ся с воровскими полками» и сообщили, что готовы «ссадить» несчастливого царя Василия, если тушинцы «отстанут» от «вора». После низложения 17 июля Шуйского посланцы московской думы снарядили послов в «воровской» лагерь и потребовали от Дмитрия Трубецкого и других калужских бояр, в соответствии с уговором, свести с «трона» своего «царька», после чего явиться в Москву, чтобы вместе со всей землей избрать царя.

В ответ «воровская» дума предложила москвичам открыть столичные ворота перед истинным государем.

На рассвете 18 июля 1610 года тушинский «вор» появился у стен города, и лишь тогда москвичи предложили «воровским» боярам: «Если мы своего царя сбросили, и вы своего сбросьте». Никакого предварительного соглашения между московскими и тушинскими боярами не было. Призыв к свержению Лжедмитрия II запоздал.

По давней традиции дума выделяла при малолетнем государе или в период междуцарствия особую комиссию из своего состава для управления страной. После переворота дума выделила «съемочисленную» комиссию со специальной целью — провести выборы царя. У Семибоярщины были черты сходства с регентским советом. Но регентский совет имел строго определенный состав и сохранял полномочия до совершеннолетия наследника. Семибоярщина была временной комиссией, состав которой менялся неоднократно. Ее глава редко созывал комиссию в полном составе и нередко довольствовался приглашением нескольких членов.

Руководство думы, назначая комиссию, пыталось не допустить, чтобы решающее влияние на выборы царя оказали лица, в большом числе допущенные в думу самозванцем, а также Годуновым и Шуйским.

Единственным постоянным членом Семибоярщины был князь Федор Мстиславский, по своей должности глава Боярской думы. В состав комиссии вошли также те, кто осуществил переворот, — князя Иван Воротынский и Василий Голицын, Федор Шереметев. Митрополит Филарет инспирировал заговор, но, как лицо духовное, остался вне боярской комиссии. Зато его брат Иван Романов занял видное место в Семибоярщине.

Первым из состава комиссии выбыл Василий Голицын, задержанный в королевском лагере. Его заменил один из его братьев — сначала Андрей, потом Иван. В связи с выступлением против поляков из комиссии был изгнан Воротынский, а Андрей Голицын убит.

В первом составе комиссии не было главного «ушника» (приспешника) свергнутого государя князя Ивана Куракина. Он стал членом комиссии позже, как и Михаил Нагой, когда оба они доказали свою преданность Сигизмунду III.

Суздальская аристократия в лице Шуйских не смогла удержаться у власти, хотя и имела наибольшие права на трон. Ее сменила знать литовского происхождения. В боярском правительстве преобладали Гедиминовичи Мстиславский, Голицыны, Иван Куракин и Андрей Трубецкой.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и черные люди принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей землей».

Трон опустел, и оспаривать власть стали многие знатные лица. Нарвский купец, вернувшийся из Новгорода 6 августа 1610 года, сообщил, что в числе кандидатов фигурируют польский королевич, трое бояр — князья Воротынский, Мстиславский и Василий Голицын и даже некий татарский хан (вероятно, речь шла о служилом татарском царе). Воротынский хлопотал об отрешении Шуйского на глазах у всей столицы, а потому его имя называли первым. Однако Воротынский вскоре выбыл из игры.

НЕДОЛГИЕ ВЫБОРЫ

Во время осады Москвы тушинским «вором» Михаил Романов оказался в положении сироты, отданного на попечение родных. Низложение Шуйского повлекло за собой новые, почти сказочные перемены в его жизни. Недавний тюремный сиделец превратился в претендента на царскую корону.

От тех лет сохранилось совсем мало свидетельств о характере молодого Романова. Архиепископ Арсений Елассон-

ский, хорошо знавший его семью, называл Михаила «юношей, не более четырнадцати лет, благоразумным, скромным, рассудительным». Два года спустя москвиты, согласно шведским донесениям, говорили, что Михаил «благочестивый и способный человек».

Конечно же, личные качества юноши играли ничтожно малую роль в его карьере. Романову досталось популярное имя.

Избирательная кампания, развернувшаяся в Москве после свержения Шуйского, была короткой. Она продолжалась с 17 июля до начала августа. Но этого времени было достаточно, чтобы выявить главных претендентов.

В самый день переворота Захар Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставить». Агитация не имела успеха. Голицын остался в тени в день переворота. Заговорщики не смогли склонить на свою сторону Семибоярщину. По крайней мере двое ее членов превосходили Голицына знатностью и имели не меньше прав на корону.

Жолкевский, будучи в Москве, постарался разузнать, как проходили выборы царя после свержения Шуйского. Его сведения заслуживают полного доверия. Руководствуясь ими, он сформировал посольство к королю.

Как лицо духовное, Филарет не мог вернуться в мир и надеть корону. Но он надеялся усадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила.

Патриарх Гермоген, отметил Жолкевский, «побуждал (и представлял одного из двух), чтобы избрали князя Василия Голицына или Никитича Романова, сына Ростовского митрополита»; к патриаршему мнению более склонялся народ, а все почти духовенство «было на стороне Голицына». Будучи противником иноверца королевича, глава церкви выдвинул сразу двух кандидатов. По понятным причинам он поставил на первое место князя — боярина, а стольника лишь на второе.

Михаил имел неплохие шансы. Филарет нашел сторонников на посаде. На его стороне выступил патриарх. Со вре-

менем ближними людьми Филарета стали, помимо его брата боярина Ивана Никитича, бояре Федор Шереметев и князь Борис Лыков. Успех был бы невозможен, если бы Филарет не имел опоры в Боярской думе.

Гермоген поддержал сразу двух кандидатов, что вызвало разброд среди членов Священного собора.

Партия Романовых успела обнаружить себя действиями. Авторы Утвержденной грамоты царя Михаила подчеркивали, якобы Филарет выходил на Лобное место и убеждал народ не доверяться королю, который разорит Русскую землю и православие. Однако это свидетельство слишком пристрастно, чтобы можно было ему доверять.

Поляки обвиняли Романова, будто он, отправляясь в посольство, тайно договорился с патриархом не пускать королевича на трон, «а патриарх ему имался всех людей к тому приводить, чтобы сына его Михаила на царство посадить». В доказательство поляки ссылались на письменное свидетельство некоего Федора Погожего, который в расспросе на Москве своей рукой «весь злой завод и совет Филарета выписал».

Выборы не требовали личного участия Михаила в избирательной кампании. Но некоторый опыт такого участия он все же должен был усвоить, а отец постарался укоренить в голове сына мысль о его исключительном праве на корону.

Выступление духовенства против Михаила доказывало, что Филарет не успел снискать доверия князей церкви. Духовенство не могло простить Филарету службы при дворе тушинского «вора». Иерархи завидовали его быстрой карьере.

ЦАРЬ ВЛАДИСЛАВ

Семибоярщина пришла к власти в момент смертельной опасности. 22 июля в предместья Москвы с запада подступили войска Жолковского, а 2 августа 1610 года Лжедмитрий II попытался ворваться в столицу с юга. Возникла опас-

ность одновременного нападения на город тушинцев и королевского войска. Выступление черни в пользу «Дмитрия» внутри города грозило довершить катастрофу.

Коронный гетман Жолкевский использовал ситуацию и вступил в переговоры разом и с московскими боярами, и с тушинцами. Самозванцу он обещал, что король даст ему удельное княжество, если тот овладеет Москвой. Боярам предлагал присоединиться к смоленскому договору и присягнуть Владиславу.

На первом съезде с поляками русскую сторону представлял князь Иван Троекуров. Ему дан был наказ тянуть время и не допустить объединения двух неприятельских армий. Семибоярщина выдвинула множество условий избрания королевича: Владислав должен был принять православие, жениться на православной, прервать сношения с папским престолом, в Москве не приближать поляков, приехать со свитой в 300 человек. Все эти условия не соответствовали основному факту — катастрофическому поражению России в войне с поляками в обстановке гражданской войны.

Бояре напрасно пытались перехитрить гетмана. В конце концов Мстиславскому самому пришлось отправиться в его лагерь для переговоров. По случайному совпадению Лжедмитрий запалил столичные предместья и попытался ворваться в Замоскворечье в то самое время, когда Мстиславский вел с Жолкевским переговоры. Ян Сапега с литовскими людьми штурмовал Серпуховские ворота. Поляки из войска Жолкевского не спешили подать помощь «своим». Зато русские «союзники» коронного гетмана снялись с места и бросились на помощь москвичам. Не спрося Жолкевского, Валуев атаковал Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот. Событие это произвело на столицу большое впечатление. Бездарный глава Семибоярщины тут же приписал успех дня своим дипломатическим стараниям. Ощувив почву под ногами, пропольская партия провела через думу решение не избирать на государство никого из московских бояр. Путь к избранию Владислава и миру с поляками оказался теперь расчищен.

Предложения насчет унии между Россией и Речью Посполитой обсуждались Боярской думой еще при царе Федоре и Борисе Годунове. Дума поначалу отвергла их. Но под влиянием гражданской войны отношение к унии стало меняться. Шуйский обнаружил неспособность справиться с народными движениями, и знать искала выход в союзе с Речью Посполитой. С избранием Владислава на трон бояре, как им казалось, смогут использовать королевскую армию для наведения порядка в стране. Мстиславский и многие другие влиятельные бояре мечтали получить такие же привилегии, которыми пользовались польские магнаты.

Сторонники унии добились поддержки спешно созванного собора главным образом потому, что выступали в роли миротворцев. Дворянам бесконечно надоела война, и они верили, что с помощью росчерка пера можно положить конец и иноземному вторжению, и внутренним междоусобицам.

В своих манифестах Сигизмунд обещал прибавить русским дворянам вольностей и избавить их от тиранических порядков. Подобные посулы нисколько не прельщали московитов. Куда больше их волновал вопрос о землях и крестьянах. Дворянские представители имели численное преобладание в Земском соборе. Им суждено было принять окончательное решение. Не желая передоверять дело Семибоярщине, дворяне постановили взять в свои руки переговоры с Жолкевским.

В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около пятисот человек дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы. Он не жалел обещаний, и его речи произвели благоприятное впечатление на московский собор. Посреди заседания ему шепнули о прибытии гонца. Гетман прервал переговоры и испросил себе день на размышления.

Король прислал из-под Смоленска инструкции, которые грозили свести насмарку московские переговоры. Гетман по-

лучил приказ вести дело так, чтобы Москва присягнула Сигизмунду и его сыну разом. Смоленский договор был заключен в то время, когда армии Скопина повсюду теснили польские отряды, и окружение короля подумывало о том, как бы скорее закончить бесславную войну. Победы Жолкевского и свержение Шуйских решительно изменили ситуацию. Сигизмунд готов был порвать соглашение об избрании Владислава и занять московский трон по праву завоевателя.

Жолкевский возражал против нарушения соглашений с русскими. После всех одержанных побед он надеялся, что его линия на заключение унии вновь одержит верх. Поэтому он скрыл содержание королевских инструкций от бояр и решил продолжить переговоры.

Многие причины заставляли его спешить. Гетман не имел денег, чтобы оплатить войско. Наемники требовали платы и в любой момент могли выйти из повиновения. Семибоярщина соглашалась оказать Жолкевскому финансовую помощь, но лишь после подписания договора. В довершение бед в армии Жолкевского начался разброд. Валуев поднял оружие против самозванца. Но еще раньше донские казаки вышли из повиновения гетману и соединились с казаками Лжедмитрия.

Некогда атаман Заруцкий помешал донцам уйти из Тушино в Калугу и увел отряд в три тысячи сабель к Сигизмунду. Он помог Жолкевскому разгромить армию Шуйского и вместе с ним прибыл в окрестности Москвы. Заруцкий ждал наград, но его постигло жестокое разочарование. Патриарх Гермоген и Мстиславский легко отпустили грехи своей заблудшей братии — Романову, Салтыковым и прочим тушинцам. Но они категорически отказались допустить в свою среду казачьего боярина Заруцкого. Тушинские царедворцы, еще недавно заискивавшие перед атаманом, поспешно отвернулись от него. Иван Михайлович Салтыков жестоко осмеял казака, когда тот в качестве боярина заикнулся о своих местнических правах. Ссора с Салтыковым развеяла в прах честолюбивые мечты атамана. Он пытался найти под-

держку у Жолкевского. Но гетман не желал раздражать боярское правительство и легко пожертвовал своим союзником.

Не видя иного выхода, Заруцкий, как азартный игрок, вновь сделал ставку на Лжедмитрия II. В лагере самозванца его приняли с распростертыми объятиями. Зато в московских верхах исчезновение казаков из лагеря Жолкевского вызвало вздох облегчения. Последние преграды к соглашению с гетманом пали.

16 августа 1610 года Мстиславский, Филарет Романов, Василий Голицын и соборные чины привезли гетману окончательный текст соглашения. На другой день посланцы Жолкевского Валуев и Салтыков явились в Кремль и зачитали народу текст согласованного договора. Московские чины тут же прошли в Успенский собор и принесли присягу Владиславу.

Из Кремля бояре, служилые люди и население направились на Новодевичье поле, где их ждали Жолкевский и его полковники. По замечанию гетмана, на поле собралось более десяти тысяч русских. В присутствии народа русские и польские вожди торжественно утвердили договор.

Среди членов московского собора единодушия не было и в помине. Вследствие того боярское правительство не решилось передать договор им на подпись. Мстиславский, Голицын да Шереметев запечатали документ своими печатями, двое думных дьяков поставили подписи. Тем дело и ограничилось.

Московский договор был плодом компромисса, который не мог удовлетворить ни одну из сторон. Боярская дума и патриарх не допускали и мысли о том, что на православном царстве утвердится католический государь. Жолкевский считал абсурдной перспективу крещения королевича, но согласился на коронацию Владислава по православному обряду.

Предпринимая поход в Россию, король обещал папе римскому распространить истинную веру на эту варварскую страну. Гермоген категорически возражал против любых уступок в пользу католичества и даже предлагал ввести смертную казнь для тех русских, которые «похотят малоумием своим»

принять папскую веру после воцарения Владислава. Соответствующий пункт был внесен в текст московского договора. Для короля он был так же неприемлем, как и требование о принятии Владиславом православия.

Московское соглашение подтвердило незыблемость традиционной русско-польской границы. Именем Сигизмунда Жолкевский подтвердил обязательство очистить после коронации Владислава все порубежные русские города, занятые королевскими войсками. Однако в вопросе о прекращении военных действий стороны не достигли ясности. С начала интервенции главным пунктом борьбы стал Смоленск. Соглашение о передаче трона Владиславу и нерушимости русских границ, казалось бы, автоматически влекло за собой прекращение осады крепости. Но Жолкевский категорически отверг представления бояр на этот счет. Гетман знал, что Сигизмунд задался целью присоединить Смоленск к коронным владениям и никогда не отступит от поставленной цели. Поэтому он лишь обещал, что будет просить короля прекратить бомбардировки и осадные работы под Смоленском.

Бояре удовлетворились неопределенными словесными обещаниями и согласились на компромисс, равнозначный предательству. Гарнизон и население Смоленска изнемогали в неравной борьбе. Боярское правительство, подписав договор, фактически бросило их на произвол судьбы.

В основу московского договора легло соглашение, заключенное тушинскими послами в лагере под Смоленском. Бояре внесли некоторые изменения в старый договор. Из него были исключены статьи о пожаловании людей «меньших станов» за их заслуги, о свободном выезде дворян за рубеж для получения образования. Смоленский договор отчетливо показал недовольство провинциальных служилых людей засильем столичной знати. В новом документе это настроение не получило отражения.

Семибоярщина не заручилась окончательным согласием претендента и его отца. Тем не менее она отдала приказ о немедленной присяге царю Владиславу. Текст присяги заключал в себе два пункта. Согласно первому Москва должна

была немедленно направить послов к Сигизмунду с просьбой отпустить на царство Владислава. К этому пункту был прибавлен второй — с клятвой верности Владиславу — царю «всей Руси». В спешке боярские правители утратили не только осторожность, но и здравый смысл. Семибоярщина не учла того, что ее кандидат не обладал популярностью в народе.

Московский договор поставил людей перед трудным выбором: покориться ли лихим боярам с их чужестранным принцем либо предпочесть истинно православного «Дмитрия»?

Миф о добром сыне Грозного вновь стал овладевать воображением народа. Боярские правители напоминали человека, увязшего в трясине. Чем судорожнее они цеплялись за власть, тем глубже погружались в пучину. Объявив об избрании Владислава, верхи окончательно оттолкнули от себя народ. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что «черный» народ всячески противился намерению бояр возвести на трон королевича. В обычных условиях дума, опираясь на волю Земского собора, без больших затруднений решила бы вопрос о престолонаследии по своему усмотрению. Низы не имели представителей на соборах. Но в обстановке гражданской войны и интервенции влияние народа неизмеримо возросло.

Значительная часть столичного населения не приняла участия в шествии на Новодевичье поле, устроенном боярами. На другой день после присяги рядовая братия Симонова монастыря послала нескольких монахов к «царьку» с поклоном. Прошло еще два дня, и множество московского народа, не желая присягать католическому государю, покинуло столицу и перебралось в лагерь самозванца.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на Семибоярщину, чем столица. Правители попрали приговор Земского собора и не стали ждать съезда выборных от всей земли. Они избрали государя без участия страны. Последствия не заставили себя ждать. В августе произошли волнения в Твери и Владимире, Ростове, Суздале и Галиче. «Черный» люд из этих городов прислал своих представителей с челобитьем к Лжедмитрию II.

Избрание Владислава благоприятствовало сплочению верхов. Целой толпой явились в Москву бывшие тушинцы, давно перешедшие на королевскую службу. Настороженно встречало их население столицы, не забывшее голодных осадных лет. Все ждали, что скажет глава церкви, ярый противник тушинского лагеря. Настал день, когда Михаилу Салтыкову пришлось отправиться в Успенский собор за патриаршим благословением. Гермоген учинил строгий допрос и тут же простил ему все грехи, снисходя к его слезному и умильному покаянию.

Примеру Салтыкова последовали многие дворяне, до последнего момента державшиеся за Лжедмитрия II. Они также вернулись в Москву и принесли присягу Владиславу. Но чем больше дворян покидало калужский лагерь, тем больше сторонников приобретал Лжедмитрий II в низших слоях населения.

Московский договор заключал один бескомпромиссный пункт, который в глазах бояр был едва ли не самым важным. По их настоянию Жолкевский принял на себя обязательство промышлять над «воровскими» таборами до тех пор, пока «вор» не будет убит или взят в плен, а его лагерь перестанет существовать, после чего «земля в тишине станет». После воцарения Владислава предстояло решить вопрос о самом существовании вольных казаков.

На рассвете 27 августа Жолкевский окружил лагерь самозванца в селе Коломенском. Мстиславский с полками поддерживал его наступление. Гетман предъявил ультиматум Яну Сапеге, но тот отказался покинуть «царька». Не желая проливать кровь соотечественников, Жолкевский вместо атаки вступил в переговоры с «вором». Именем Сигизмунда он обещал передать ему во владение Самбор, если он не будет мешать королевским делам в России. Самозванец отклонил предложение и, покинув Коломенское, укрылся в близлежащем Никольском монастыре.

Бояре сосредоточили в поле у Коломенской заставы пятнадцать тысяч воинов. Не надеясь на свои силы, они вновь призвали на помощь Жолкевского. Гетман потребовал, чтобы ему разрешили провести войска кратчайшим путем через Мос-

кву. Едва наступила ночь, стража распахнула крепостные ворота. Пройдя по пустынным улицам, войска Жолкевского соединились с ратью Мстиславского и направились к Никольскому монастырю. Кто-то заблаговременно предупредил «вора», и он до рассвета бежал в Калугу. Польские войска вернулись в свой лагерь, пройдя через крепость вторично.

Жолкевский информировал бояр о том, что войско Яна Сапеги окончательно покинет «царька», если ему будут заплачены деньги. Мстиславский с готовностью откликнулся на обращение. Получив три тысячи рублей, сапежинцы покинули окрестности Москвы.

Гетман вел ловкую дипломатическую игру. Польские части отличались значительно большей надежностью, нежели «немцы», перебежавшие к Жолкевскому под Клушином. Боярские правители с тревогой взирали на тех, кто еще недавно предал их. Гетман дал понять боярам, что охотно распустит сброд, едва лишь сможет расплатиться с ним. Мстиславский с товарищами вновь клюнули на удочку и предоставили ему крупные субсидии. Жолкевский преодолел кризис, угрожающий развалом его армии, и расплатился с наемниками. Отобрав 800 самых боеспособных солдат, он отправил прочь 2500 клушинских перебежчиков — немцев, англичан, французов. Численность его армии сократилась до шестисеми тысяч человек.

После принесения присяги Владиславу Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Посредством долгих уговоров и лести Жолкевский убедил Голицына и Романова взять на себя исполнение мирной миссии. Гетман откровенно признался, что он преднамеренно удалил из Москвы этих лиц.

Жолкевский подумывал о том, чтобы отослать к королю Михаила Романова, но тот был слишком мал, чтобы можно было включить его в посольство.

Голицын был для Владислава еще более опасным соперником, чем малолетний Михаил. Понятно, почему Жолкевский не желал оставлять его в Москве.

С послами под Смоленск выехало около пятидесяти человек. Они представляли все чины или «палаты» Земского собора. От православного духовенства к королю отправились, кроме Филарета, несколько столичных игуменов и старцев. Думу представляли вместе с Голицыным окольный Мезецкий, думный дворянин Сукин и двое думных дьяков. Служилую курию представляли московские дворяне, стольники и выборные дворяне из Смоленска, Новгорода, Рязани, Ярославля, Костромы и двух десятков более мелких городов. Стрелецкий гарнизон Москвы представляли голова Иван Козлов и семеро стрельцов, столичный посад — богатый гость Иван Кошурин, портной мастер, ювелир и трое других торговых людей. С послами выехали из Москвы многие лица, сыгравшие выдающуюся роль в недавнем перевороте. Среди них был Захар Ляпунов.

Москвичи целовали крест иноверному королевичу в надежде на немедленное прекращение войны. Но мир все не приходил на исстрадавшуюся землю. Московские послы слали с дороги неутешительные вести. Королевские войска продолжали грабить и жечь русские села и деревни, как будто московского договора вовсе и не было. Козельск подвергся дикому погрому. В пепел обратился Калязин монастырь. В Москве стало известно, что Сигизмунд готовится сам занять русский трон. Король не пользовался популярностью даже у своих подданных в Речи Посполитой. Москвичам было ненавистно само его имя.

ПОЛЯКИ В КРЕМЛЕ

Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни династии. И народ отвернулся от него окончательно. Всяк, кто побывал в Москве в те тревожные дни, мог наблюдать это своими глазами.

Знать пиновала в кремлевском дворце с королевскими ротмистрами, а за окнами дворца чернь волновалась и гро-

зила боярам расправой. Королевские приспешники слали под Смоленск донос за доносом. Москвичи, утверждали они, замышляют поддаться «вору» со всей столицей, другие сами желают стать господами, и вообще все они бунтовщики. Гетман Жолкевский считал опасность восстания в Москве вполне реальной. Склонная к возмущению московская чернь, писал гетман, в любой момент может призвать на помощь Лжедмитрия. Справедливость слов Жолкевского полностью подтвердил монах Авраамий Палицын. В ту пору, отметил Палицын в своих воспоминаниях, многие из столичных жителей стали «прямить» калужскому «вору» и тайно ссылаться с его людьми.

По иронии судьбы вчерашние тушинцы Михаил Салтыков с товарищами громче всех кричали об опасности переворота в пользу Лжедмитрия II. Ссылаясь на опасность народного восстания, Салтыков требовал немедленного введения в Москву солдат гетмана.

Заключая договор с Жолкевским, бояре старались не допустить вступления королевских войск в столицу. Солдаты Жолкевского согласно договору могли посещать Москву по особому разрешению, и притом группами не более двадцати человек. Бояре сами же нарушили подписанный ими договор, когда призрак переворота вселил ужас в их души.

Инициативу приглашения наемных войск в Кремль взяли на себя Мстиславский, Иван Романов и двое других бояр. Все вместе они располагали непрочным большинством в Семибоярщине. Жолкевский прекрасно разбирался в мотивах, которыми руководствовались его новые союзники. Боярские правители, говорил он, страшились своего народа и желали под защитой его войск обезопасить себя от ярости низов.

Среди сторонников приглашения польских войск для защиты от «вора» выделялся Иван Романов. По свидетельству польских послов, Романов убеждал патриарха Гермогена с помощью таких доводов: «ведаешь деи ты сам, какова в людех на Москве смута, надобе нам свои головы от Вора оберегати, а воинских людей польских и литовских для береже-

нья в столицу впустить, или в Девичьем монастыре да по Слободам поставить; и коли на то не произволиш, и то ведаешь ты; а станется столице какое дурно от Вора, ино наши души в том перед Богом и Господарством будут чисты; а ныне только гетман пойдет с войском прочь от столицы, и нам ити за ним, а голов наших не выдати Вору». Речь Ивана Никитича была проникнута паническим страхом перед самозванцем и столичной чернью.

Мстиславскому и его сообщникам не сразу удалось осуществить свои замыслы. Когда по их приглашению в Кремль явился полковник Гонсевский и русские приставы повели его осматривать места расквартирования рот, москвичи заподозрили неладное и ударили в набат. Вооружившись чем попало, народ бросился в Кремль. Попытка ввести в крепость иностранные войска была сорвана.

Королевская партия в Москве не могла добиться успеха, пока в столице продолжал функционировать собор, низложивший Шуйского. Жолкевский понимал значение Земского собора и постарался отослать самых влиятельных его членов с посольством под Смоленск.

Народное выступление подтолкнуло патриотов к действию, и они попытались оказать противодействие планам Мстиславского. Патриарх Гермоген пригласил к себе двух членов Семибоярщины — Андрея Голицына и Ивана Воротынского — и при их содействии созвал на своем подворье чиновных людей — дворян и приказных. Патриарх дважды посылал за Мстиславским и прочими начальными боярами, но те отговаривались занятостью. Выведенный из терпения, он пригрозил, что вместе с толпой сам явится в думу. Лишь тогда Мстиславский с товарищами прибыл на собор.

По словам Жолкевского, у Гермогена собралось великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служилых людей. Дворяне, забыв о дипломатическом этикете, бранили гетмана за многочисленные нарушения заключенного договора. Вопреки соглашению, говорили они с возмущением, Жолкевский раздает поместья по своему произволу, не считаясь с правами собственности. Он

желает царствовать на Москве! Он намерен ввести в город свои войска! — заявляли земские представители.

Мстиславский лишний раз обнаружил перед всеми свою никчемность. С миной оскорбленной добродетели он вновь и вновь твердил, что никогда еще в жизни не нарушал присяги и теперь готов умереть за царя Владислава.

Гермоген более всего негодовал на то, что польское командование не выполнило обязательств относительно истребления таборов и пленения Лжедмитрия II. Дворянское большинство всецело разделяло его чувства. Жолкевский не оправдал их ожиданий. Однако на соборе у него нашлись защитники. Особенно усердствовал Иван Никитич Романов.

Князь Василий Черкасский успел уведомить о соборе Гонсевского, помощника Жолкевского. Тот явился на собор и клятвенно заверил его членов, что польское командование завтра же пошлет свои роты против Калуги, если только московские воеводы поддержат их наступление. Заверения Гонсевского были лживыми от первого до последнего слова. Вместо похода на Калугу он завершал последние приготовления к занятию Москвы. Мстиславский громко повторил ложь Гонсевского и заставил замолчать Гермогена.

Воспользовавшись паузой, бояре объявили об окончании прений и сделали суровое внушение инициаторам собора. Патриарху, говорили они, следует смотреть за церковью и не вмешиваться в мирские дела, ибо никогда не было, чтобы попы вершили дела государства.

Добившись возобновления деятельности Земского собора, патриарх пытался предотвратить занятие Кремля королевскими наемниками. Но его усилия не привели к успеху. Сказывалось то, что едва ли не половина членов собора, притом самых влиятельных, была удалена из Москвы. Патриарх Гермоген и его сторонники могли преодолеть сопротивление Семибоярщины, если бы они прибегли к помощи той единственной силы, которая только и могла спасти положение. Такой силой были горожане, народ. Однако патриарх и его сторонники слишком боялись низов, чтобы апеллировать к ним. Страх перед назревшим восстанием черни в

пользу «вора» парализовал волю Земского собора и обрек все его усилия на неудачу.

После собора Мстиславский и Салтыков провели совещание с Гонсевским и тотчас же отдали приказ об аресте четырех патриотов, наиболее решительно отвергавших предательские планы. Спустя день бояре вызвали инициаторов Земского собора в ставку Жолкевского. Гетман был верен себе и старался успокоить земских представителей. Он оправдывался перед ними и уверял, что у него и в мыслях не было забрать из их рук дела управления. Жолкевский расточал медовые речи, предоставив «черную» работу Салтыкову. Вчерашний тушинец осыпал членов собора градом упреков. Он прямо обвинял их в мятеже против законного царя Владислава.

Многие участники собора отказались явиться к гетману. Боярские правители не оставили их в покое. Вкупе с Федором Шереметевым Михаил Салтыков по возвращении в Кремль принялся объезжать дворы «мятежников». Их взвизгивали, грозили всевозможными карами и принуждали явиться к гетману с повинной. Боярин Андрей Голицын и Гермоген не противились более Мстиславскому. Голицын разъезжал по улицам вместе с Салтыковым и старался успокоить народ, чтобы предотвратить волнения и кровопролитие. Покончив с сопротивлением Земского собора, бояре убрали последние препоны к вступлению иноземных войск в Москву.

Наемные роты вошли внутрь крепости без барабанного боя, со свернутыми знаменами.

Московское великое посольство тем временем добралось до королевского лагеря под Смоленском. Оно привезло с собой дары для Владислава и его отца.

Сторонники унии между Россией и Речью Посполитой указывали на политические выгоды союза и настаивали на выполнении обязательств, взятых на себя Жолкевским. Но их голоса вскоре смолкли. Из Москвы поступали вести, от которых голова шла кругом. Бояре склонились к ногам Владислава. Продолжавшиеся междоусобицы окончательно

подорвали мощь Русского государства. С боярским правительством можно было больше не считаться. В королевском окружении взяла верх партия войны, хотя ее вожди не одержали никаких побед.

Вслед за Москвой Владиславу присягнули многие провинциальные города. Воевода Дмитрий Пожарский привел к присяге жителей Зарайска, Ляпунов — население Рязани. Мирные иллюзии, порожденные московским договором, распространились по всей России.

Столичные верхи ждали, что Владислав прибудет в Москву без промедления, и готовились к его встрече. В приказах дельцы составили для молодого государя несколько росписей, которые давали представление о городах России, о государственном устройстве и дворянской службе, о финансовой системе государства и богатстве царской казны. Одна из росписей была специально посвящена русской национальной кухне и псовой охоте.

Московские приказные напрасно тратили чернила, стараясь прельстить Владислава. Сигизмунд и не помышлял о том, чтобы отпустить сына в далекую Московию. Король рассчитывал добыть для себя московскую корону. Он раздавал своим русским приверженцам земли, вовсе не принадлежавшие ему, насаждал в приказах своих людей, брал деньги из московской казны. Еще до заключения московского договора Сигизмунд III обещал щедро пожаловать Мстиславского за «прежнее к нам (королю) раденье» и учинить «выше всей братии его бояр». После того как Мстиславский помог Жолкевскому занять Москву, король вспомнил о своих обещаниях и 16 октября особым универсалом пожаловал ему высший чин слуги и конюшего. Такой титул до него носил лишь правитель Борис Годунов при царе Федоре. Вместе с новыми чинами удельный князь получил новые доходы и земли.

Сигизмунд III щедро оплатил предательство Михаила Салтыкова, отдав ему во владение Важскую землю. Его сыну он пожаловал боярство.

Доверенным лицом короля в Москве стал Федор Андронов. При Василии Шуйском этот проворовавшийся торговый «мужик» бежал в Тушино, присвоив партию казенного товара. Сигизмунд III сделал его главой Казенного приказа и хранителем царской сокровищницы.

Произошли немалые перемены в московской иерархии чинов. Начальник Стрелецкого приказа, стоявший прежде на ее низших ступенях, теперь стал ключевой фигурой в правительстве. Отборные стрелецкие войска, насчитывавшие до семи тысяч человек, несли охрану Кремля и внешних стен города. Кто командовал стрелецким гарнизоном, тот чувствовал себя хозяином Кремля. Король заготовил указ о назначении Ивана Михайловича Салтыкова начальником Стрелецкого приказа. Но в Москве Жолкевский распорядился по-своему. С согласия Мстиславского и нескольких других членов Семибоярщины он передал этот пост полковнику Александру Гонсевскому. Полковник получил при этом чин боярина и занял место в думе подле прирощенной русской знати.

Еще во времена Отрепьева Гонсевский вел тайные переговоры с Голицыными и Шуйскими, предложившими трон Владиславу. После гибели самозванца царь Василий два года держал посла Гонсевского в Москве в качестве пленника. Посол имел возможность близко познакомиться с правящим боярским кругом и сойтись с некоторыми из его членов. Вторично оказавшись в Москве, Гонсевский не скупился на внешние знаки дружелюбия, но в душе продолжал считать русских заклятыми врагами.

Присягнув Владиславу, Семибоярщина была принуждена взять на себя содержание королевских войск в Москве. Русские дворяне служили с поместий, поэтому казна тратила на них сравнительно немного денег. Ставки оплаты наемных солдат на Западе были куда выше. По словам Жолкевского, лишь за несколько месяцев бояре выдали его солдатам на харчи сто тысяч. Подобные траты быстро опустошили московскую казну, в которой после Отрепьева оставалось немного звонкой монеты. Тогда бояре роздали

наемникам «в кормление» города. Каждая рота посылала в отведенные ей города своих фуражиров. Один польский офицер весьма красочно описал поведение солдат в Суздале и Костроме, доставшихся его роте. Наемники, писал он, ни в чем не знали меры и, не довольствуясь миролюбием москвитян, самовольно брали у них все, что кому нравилось, силой отнимали жен и дочерей у русских, не исключая знатные семьи.

Население громко роптало, и боярам пришлось отозвать ротных фуражиров из городов. Из сокровищницы стали изымать серебряные вещи и отправлять их на Денежный двор. Металлические вещи пускали в переплавку и били монету с именем Владислава. Вновь выпущенные деньги шли на оплату наемников.

Жолкевский старался любыми средствами предотвратить столкновения между королевскими отрядами и мирным населением. Хорошо зная нравы наемных солдат, он составил детально расписанный устав, грозивший суровым наказанием за мародерство и насилие. На первых порах командование строго следило за его выполнением. Однако Жолкевский недолго пробыл в Москве. Встревоженный слухами о полной неудаче мирных переговоров в королевском лагере, гетман поспешил под Смоленск. Прощаясь с солдатами, он произнес: «Король не отпустит Владислава в Москву, если я немедленно не вернусь под Смоленск!»

Тотчас после подписания московского договора Мстиславский без ведома членов Земского собора обещал гетману отдать приказ Смоленску о прекращении сопротивления. По случаю отъезда Жолкевского из Москвы глава боярского правительства объявил о своей готовности пойти на новые уступки. «Пусть король приезжает в Москву вместе с сыном, — сказал он, — пусть он управляет Московским царством, пока Владислав не возмужает».

Позиция Мстиславского вызвала негодование даже среди членов Семибоярщины. Патриарх Гермоген, бояре Андрей Голицын и Иван Воротынский не имели возможности вторично созвать Земский собор, чтобы опротестовать действия

главы боярского правительства. Однако они не сидели сложа руки. Среди столичной знати многие поддерживали их.

Особое негодование в московских верхах вызывало то, что король щедро жаловал думные чины «худым людям», желая создать себе опору в русской столице.

В чине окольного в Москву явился Михаил Молчанов, ближайший друг Отрепьева, деливший с ним интимные утехы. После гибели покровителя он бежал за рубеж. Следуя заведенному порядку, новоявленный окольный отправился за благословением к патриарху Гермогену. Но тот с позором выгнал его из церкви, что нисколько не смутило авантюриста. Мстиславский принял его в думу, невзирая на протест патриарха.

Сигизмунд пожаловал думные чины заурядным дворянам братьям Ржевским. Когда один из них явился во дворец и представил королевскую грамоту для подтверждения своих полномочий, боярин Андрей Голицын не мог сдержать гнев и обрушился на Гонсевского с резкими упреками: «Большая кривда нам от вас, паны поляки, делается! Мы приняли Владислава государем, а он не приезжает. Листы к нам пишет король за своим именем, и под его титулом пожалования раздаются: люди худые с нами, великими людьми, равняются». Голицын открыто потребовал, чтобы Сигизмунд перестал вмешиваться в московские дела и скорее присылал в Москву сына. «В противном случае, — заявил он, — Москва будет считать себя свободной от присяги Владиславу, и тогда мы будем помышлять о себе сами». Выступление Андрея Голицына поддержал князь Иван Воротынский.

Столкнувшись с серьезной оппозицией в московских верхах, Гонсевский пустил в ход интригу, чтобы принудить недовольных к молчанию. Воспользовавшись услугами Салтыкова и других своих пособников, он состряпал судебное дело против Гермогена и его единомышленников на основе ложных доносов некоего пленного казака из войска Лжедмитрия, холопа боярина Мстиславского и попа Харитона.

Власти обнародовали официальную версию, «раскрывавшую» планы заговора во всех деталях. Москвичи будто бы

намеревались совершить переворот 19 октября за три часа до рассвета. Они вступили в сговор с серпуховским воеводой Федором Плещеевым, державшим сторону самозванца. Плещеев с казаками должен был ждать на Пахре условного сигнала. С первыми ударами колоколов мятежники должны были проникнуть через тайный подземный ход в Кремль, овладеть Водяными воротами и затем впустить в крепость «воровские» войска.

Поляков предполагалось перебить, кроме самых знатных, а князя Мстиславского «огрбить и в одной рубашке привести к вору».

Инициаторы процесса постарались убедить Мстиславского, что заговор был направлен против него лично, а заодно и против всех «лучших» столичных людей. Они объявили, что бунтовщики замыслили побить бояр, родовитых дворян и всех благонамеренных москвичей, не участвовавших в «воровском» совете, а жен и сестер убитых вместе со всем имуществом отдать холопам и казакам.

Гонсевскому нетрудно было заполучить сколько угодно доказательств подготовки восстания в Москве. Посланцы Лжедмитрия II почти открыто агитировали народ против неверного царя Владислава. На рыночных площадях стражники не раз хватали смутьянов. Но толпа отбивала их силой. Правда заключалась в том, что ни патриарх, ни Голицыны с Воротынским не имели никакого отношения к назревавшему выступлению низов. И эта правда стала обнаруживаться, когда наступило время суда над главным свидетелем Харитоном. На пыточном дворе поп говорил то, что от него желали слышать. В думе он неожиданно признался, что князя Голицыны ни в чем не виноваты и он оклеветал их со страху. В зале поднялся сильный шум, и судьи поспешили закрыть заседание.

Организаторы процесса не заботились даже о внешнем соблюдении приличий. Боярин Андрей Голицын доказал на суде свою полную невиновность. Но он внушал Гонсевскому наибольшие опасения. По этой причине его фактически лишили боярского чина и держали под домашним арестом

до самой его смерти. Другой член Семибоярщины, князь Иван Воротынский, не очистился от обвинений. Однако он был человеком покладистым, и после недолгого ареста его вернули в думу.

Гермоген принадлежал к числу самых решительных противников Лжедмитрия II и всего калужского лагеря. Никто не поверил тому, что он состоял в переписке с «вором». Тем не менее суд вынес ему обвинительный приговор и постановил распустить штат служителей патриаршего дома.

Оппозиция внутри боярского правительства была сломлена раз и навсегда. Раскрытие мнимого заговора дало Гонсевскому удобный предлог к тому, чтобы ввести свои отряды в Кремль. Отныне на карауле у кремлевских ворот вместе со стрельцами стояли немцы-наемники. Ключи от ворот были переданы смешанной комиссии из представителей Семибоярщины и польского командования. Пан московский староста использовал пост главы Стрелецкого приказа для того, чтобы расформировать русский гарнизон столицы. Он рассылал по городам стрелецкие отряды один за другим. «Этим способом, — откровенно писал в своем дневнике один из польских офицеров, — мы ослабили силы неприятеля».

Без поддержки Семибоярщины малочисленный польский гарнизон не удержался бы в Москве и нескольких недель. Но время шло, и соотношение сил все больше менялось не в пользу русских. Приближение зимы благоприятствовало осуществлению планов Гонсевского. Дворяне привыкли зимовать в своих поместных усадьбах. Невзирая на тревожное положение в столице, они разъезжались по домам.

МИССИЯ ФИЛАРЕТА

Королевские наемники хозяйничали в русской столице, но гарнизон и жители Смоленска в течение года отражали все нападения королевских войск. Неимущий люд стал ис-

пытывать острую нужду в продовольствии и соли уже в первую осадную зиму. Воеводе Шеину пришлось ввести твердые цены на соль, а одновременно установить контроль за хлебной торговлей. Голод среди беженцев сопровождался вспышками эпидемических заболеваний, косивших и горожан, и ратных людей.

Начиная с июля 1610 года усилились бомбардировки Смоленска. Поляки ввели в дело тяжелые осадные орудия, доставленные из Риги. Им удалось разрушить четырехугольную башню и проделать большие бреши в западной стене крепости. 19 июля противник пытался овладеть разбитой стеной, но потерпел неудачу.

Члены Земского собора, заключившие мирный договор в августе 1610 года, категорически отвергли все домогательства Сигизмунда III насчет сдачи Смоленска. Но Мстиславский заключил тайную сделку с Жолкевским. Едва договор был подписан, как глава Семибоярщины послал Шеину письменное распоряжение, чтобы тот немедленно прекратил всякое сопротивление и «добил королю челом».

Смоленские воеводы давно ничего не делали без ведома и согласия чинов, ратных людей и посадской общины. Получив распоряжение от главы Семибоярщины, Шеин назначил мирную делегацию, включавшую представителей от всех сословий.

Двухнедельные переговоры, имевшие место в королевском лагере в первой половине сентября, рассеяли всякие сомнения насчет истинных целей королевской дипломатии. Сенаторы потребовали от смоленской делегации безоговорочной капитуляции. «Жители города, — заявили они, — с давних пор принадлежали к владениям короны; они были и остаются подданными короля, поэтому им следует просить о помиловании».

Шеин созвал ратников и посадских людей на общий совет и представил им отчет о переговорах. Совет решительно отверг путь капитуляции. Он постановил признать избрание Владислава при условии, что король отведет войска от стен

Смоленска, очистит захваченные земли и гарантирует неприкосновенность русских рубежей.

Королевские чиновники выбрали смоленских послов и пригрозили им смертью, если они еще раз осмелятся явиться к ним с подобными предложениями.

7 октября 1610 года Филарет и члены великого посольства прибыли в королевский лагерь под Смоленском. Их ждал торжественный прием. Король велел разместить посольство в 14 шатрах, в версте от его ставки. Но корма послам отпускали скудные.

Каждый посол вручил королю личные дары: князь Голицын — два сорока соболей и другие подарки, думный дяк Томило Луговской — сорок соболей, лисицу черную, рысь и «два зуба рыбьих». Филарет вручил Сигизмунду всего лишь сорок соболей. Этот факт красноречиво свидетельствовал, что прежних богатств у Романовых уже не было.

Среди членов посольства были опытейшие дяки. Предположить, что они не вели дневник переговоров, маловероятно. Но переговоры проходили в военном лагере, в обстановке продолжавшейся войны. Нарушение принятых на себя обязательств ставило польских дипломатов в трудное положение, и они не придерживались дипломатической процедуры. Чем дальше, тем больше они обращались с членами посольства как с пленными.

Филарет играл выдающуюся роль в переговорах, но были ли его речи записаны в момент их произнесения, сказать невозможно. Это обстоятельство надо иметь в виду при чтении приведенных ниже выдержек из речей послов.

Все источники — и русские, и польские — подтверждают то, что Филарет твердо и последовательно отстаивал статьи московского договора и не боялся говорить «встрешно» королю.

Через три дня после прибытия послы били челом Сигизмунду, чтобы отпустил на царство сына Владислава. Канцлер Лев Сапега отвечал им уклончиво.

В королевском совете возобладало мнение, что отпускать королевича в Москву нельзя; но говорить об этом с

послами, которые теперь у нас, не следует; их выслали из Москвы как людей подозрительных; лучше отправить послов в Москву и там толковать с добрыми людьми.

Добрыми людьми были Мстиславский и его товарищи, угодничавшие перед Сигизмундом. Подозрительными были послы Голицын и в особенности Филарет.

Жолкевский дал знать королю, что Филарет замыслил посадить на трон сына, на стороне которого патриарх и народ. Михаил был главным соперником королевича.

Гетман пытался скомпрометировать также и второго претендента на царский трон. Поляки использовали суд над Андреем Голицыным, чтобы опорочить его брата князя Василия как изменника и пособника калужского «вора». Великий посол отверг обвинения.

В октябре Сигизмунд вновь попытался навязать Смоленску капитуляцию, используя на этот раз переговоры с московскими великими послами. Пугая бояр калужским «вором», королевские чиновники предложили им следующий план: «Когда Смоленск прекратит сопротивление и присягнет Сигизмунду, его величество сам возглавит поход на Калугу, истребив «вора» и успокоив Русское государство, вернется в Польшу на сейм, где и решится вопрос об отпуске на царство Владислава».

Боярин Салтыков не раз советовал Сигизмунду распустить слухи о походе против Лжедмитрия II и под этим предлогом занять Москву крупными силами. Опасаясь подобного исхода дела, послы Василий Голицын и Филарет Романов просили короля не ходить к Калуге и заявили, что сами справятся с «вором» при помощи наемного войска, находящегося в Москве.

Тщетно послы добивались выполнения условий мирного договора и отвода в Польшу отрядов, разорвавших русские города и села. Сигизмунд и слышать не хотел об очищении захваченных русских земель, а овладение Смоленском стало для него вопросом личного престижа.

30 октября в королевский лагерь прибыл Жолкевский. Послы уповали на его помощь, но их ждало жестокое разо-

чарование. Вместе с сенаторами гетман категорически настаивал на сдаче Смоленска для почести короля. Тогда послы зачитали текст договора Жолкевского с воеводой Валуевым. В этом документе гетман от имени Сигизмунда обязался отвести войска от Смоленска сразу после того, как смоляне принесут присягу Владиславу. По договору, поляки должны были очистить все занятые порубежные русские города. Послы тщетно взывали к Богу и к чести стоявшего перед ними Жолкевского. О договоре с Валуевым не желали слышать ни сенаторы, ни сам гетман. «Если впредь об этой записке станете говорить, то вам (послам) будет худо», — заявили папы.

Разногласия о будущей границе двух государств и вероисповедании царя оказались непреодолимыми. Улучив момент, Филарет Романов вновь стал толковать с канцлером Львом Сапегой о принятии Владиславом православной веры. Но канцлер посмеялся ему в глаза. «Об этом, преосвященный отец, поговорим в другой раз, как время будет, я к тебе нарочно приеду поговорить; а теперь одно скажу, что король крещен и другого крещения нигде не писано».

Доказывая необходимость перехода католического принца в православие, послы говорили: «Никак не может статься, что государю быть одной веры, а подданным другой, и сами вы не терпите, чтоб короли ваши были другой веры».

Жолкевский счел необходимым оправдаться за то, что не выполнил обещания и увез с собой низложенного царя Василия.

Филарет отвечал ему с укором: «Ты на том крест целовал и крестное целование нарушил».

Сокрушение оппозиции внутри Семибоярщины позволило дипломатам короля занять более жесткую позицию на мирных переговорах. 18 ноября они предъявили послам ультиматум насчет немедленной сдачи Смоленска. Голицын просил разрешения посоветоваться с Филаретом Романовым, лежавшим в ту пору больным в своей палатке.

«Того никакими мерами учинить нельзя, — заявил Филарет, — чтоб в Смоленск королевских людей впустить; если

раз и не многие королевские люди в Смоленске будут, то нам Смоленска не видать; а если король и возьмет Смоленск приступом мимо крестного целованья, то положиться на судьбы Божии, только б нам своею слабостью не отдать города».

После совета с Романовым Голицын вызвал к себе всех земских представителей — дворян, приказных, духовных лиц, стрельцов и московских посадских людей — и сообщил им об окончательной неудаче мирных переговоров. В вооруженном королевском лагере послы стали заложниками. После совещания члены собора постановили отстаивать почетные условия мира, чего бы им это ни стоило.

Королевские войска хозяйничали в столице России. Великородные бояре покорно выполняли распоряжения Сигизмунда. Но король не чувствовал себя хозяином положения, пока Смоленск отказывался признать власть завоевателей.

Чтобы окончательно поставить Россию на колени, надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 года Сигизмунд возобновил штурм непокорной крепости. Едва забрезжил рас свет, взрыв огромной силы потряс окрестности. Осела одна из башен, рухнула часть стены. Трижды неприятель врывался в город и трижды принужден был отступить. Кровавопролитная битва за Смоленск возобновилась. Вновь звучали выстрелы, и на голову защитников города падали вражеские ядра. Гром пушек под Смоленском развеял в прах иллюзии русских людей, еще недавно возлагавших свои надежды на московский мирный договор.

Трижды королевские войска бросались на приступ и трижды были отбиты.

СМЕРТЬ ЛЖЕДМИТРИЯ II

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия II в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление

на калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж, поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия. Одновременно он послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских повстанцев. Он сообщил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

Боярское окружение, уцелевшее подле «царика», становилось все более ненадежным. Некоторые из его придворных подверглись казни по подозрению в измене. Среди других лишился головы боярин Иван Годунов — романовская родня.

Недалекий и бесхарактерный, Лжедмитрий II был лишь номинальным главой калужского лагеря. Подлинным вершителем дел при нем был атаман Заруцкий.

После бегства самозванца в Калугу один из его любимцев, пан Яниковский, дал знать королю, что он и его друзья готовы отрубить «вору» голову и удержать Калугу до подхода коронных войск. В то время Сигизмунд отклонил его предложение. Гражданская война подрывала силы России, что отвечало целям Речи Посполитой.

Гетман Ружинский затеял собственную интригу против «царика». Через одного поляка он написал капитану Вандтману-Скотницкому, чтобы тот вместе с поляками, находившимися в Калуге, захватил «Дмитрия» и привез в Тушино. Гонец передал записку «вору», а тот велел утопить капитана без суда и следствия.

После избрания Владислава на русский трон самозванец стал помехой для осуществления королевских планов. В конце ноября 1610 г. Сигизмунд особым универсалом повелел жителям Калуги схватить Лжедмитрия и прислать его под Смоленск.

Королевский универсал не дал результата. Калужский лагерь все больше втягивался в войну с поляками. У самозван-

ца было немало тайных врагов, но никто из них не решился возглавить заговор.

Для исполнения универсала нужны были люди, которые располагали средствами для переворота.

Когда Лжедмитрий II появился в Подмоскovie, на его сторону перешел служилый касимовский царь Ураз Мухамед с войском. После распада тушинского лагеря он отправился под Смоленск и поступил на королевскую службу.

Ураз объявил, что намерен посетить Калугу, где находилась его семья. Конечно, это был всего лишь предлог. Если бы он приехал открыто, его встретили бы с распростертыми объятиями. Но он пробрался в Калугу тайно. Перед отъездом Ураз Мухамед виделся с королем.

Касимовские татары служили при «воре» телохранителями, и касимовский царь с их помощью легко мог захватить «царика» во исполнение королевского универсала.

В Калуге Ураз Мухамеда опознали и казнили. Пятьдесят татар из охраны «царика» были арестованы. Их предводитель князь Петр Урусов пытался предотвратить казнь касимовского хана и просил за него Лжедмитрия II, но тот велел бить князя «кнутом и посадить в тюрьму». Затем Урусова освободили из-под стражи по ходатайству Марины Мнишек.

Урусов симпатизировал полякам. Любопытное замечание на этот счет обронил в своих записках Жолкевский. «Некоторые думали, — писал он, — что на сие (убийство) навел Урусова гетман, подозревали же его в сем, вероятно, потому, что гетман, после бегства самозванца из-под Москвы, обращался с Урусовым обходительно и ласково». Молва, возможно, имела почву.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 года Лжедмитрий, по обыкновению, поехал на санях на прогулку за город. С ним были тушинский боярин Иван Плещеев, дети боярские, шут Петр Кошелев, татары из его личной охраны. Следом двигался обоз с припасами и вином.

Шкловский бродяга забавлялся охотой на зайцев, которых выпускали подле его саней. Как обычно, он много пил. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от

Калуги, заговорщики осуществили свой план. Часть охраны оттеснила дворян, которые могли прийти на помощь «царику», после чего Петр Урусов остановил царские сани, сбросил возницу и разрядил в «вора» свое ружье, а затем для пущей верности отсек убитому голову и руку.

Мстя Лжедмитрию II, татары изрубили труп саблями. Некоторые из детей боярских были убиты, прочие бежали в Калугу.

Поднялась тревога. По всему городу зазвонили сполошные колокола. Посадские люди бросились в поле и за речкой Яченкой на пригорке у дорожного креста обнаружили нагое тело, «голова отсечена прочь». Труп перевезли в Кремль. Казаки принялись избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть государя.

Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в нетопленной церкви более месяца, и толпы жителей и приезжих ходили поглядеть на голову, отделенную от тела.

Боярское правительство направило в Калугу князя Юрия Трубецкого. Но жители отказались признать власть Владислава до тех пор, пока тот не прибудет в Москву и все польские войска не будут выведены из России.

Тем временем Марина Мнишек родила в Калуге сына. Даже после смерти мужа она не рассталась с помыслами об основании новой московской династии. После рождения ребенка царица объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. «Воренок-царевич» Иван не оправдал надежд, которые на него возлагали приверженцы.

Смерть Лжедмитрия II вызвала ликование в московских верхах. Но знать радовалась преждевременно. Волнения в столице усилились. Вмешательство иноземных войск придало конфликту новый характер и направление. Движение приобретало национальную окраску. Ненависть против лихих бояр не улеглась, но она все больше заслонялась чувством оскорбленного национального достоинства.

КРАХ ПЕРЕГОВОРОВ

Натолкнувшись на непреклонность главных послов, королевские чиновники постарались подарками и обещаниями склонить на свою сторону представителей московского Земского собора с тем, чтобы разобщить их.

В числе тех, кто поддался уговорам и присягнул на верность Сигизмунду, были троицкий келарь Авраамий Палицын и спасский архимандрит, думный дворянин Сукин, дьяк Сыдавный Васильев, многие дворяне и разных чинов люди.

Романов и Голицын пытались отговорить слабодушных, но ничего не смогли поделать. Палицын сказался больным и тут же уехал в Москву. Захар Ляпунов, представлявший дворянство, покинул посольские шатры и перебрался к полякам.

Король поправ московский договор и присвоил себе функции российского самодержца. Далеко не все города присягнули новому царю. Поэтому грамоты в города шли от имени Владислава, к московским боярам — от имени короля.

В королевский лагерь потянулись просители, домогавшиеся чинов и владений. Королевская канцелярия была завалена челобитными грамотами и прошениями.

Мстиславский не претендовал на корону, а потому не был на подозрении у поляков. Он не жалел сил на то, чтобы доказать свою преданность королю.

Сигизмунд лелеял грандиозные планы. Соединив власть над Речью Посполитой и Московией, он получал возможность согнать узурпатора со шведского престола и вернуть себе шведскую корону, на которую имел законные права. Он видел себя главой самой обширной и могущественной монархии Европы.

Сколь бы важным ни был вопрос о Смоленске, еще большее значение имела судьба московской короны. Отпустив сына в Россию, король должен был бы признать крушение своих честолюбивых замыслов.

В конце декабря 1610 года Мстиславский и Салтыков добились того, что послушная дума утвердила приговор о сдаче Смоленска и составила новый наказ для великих послов. Голицыну и Романову предписано было положиться во всем на волю короля.

Когда грамоты были готовы, бояре понесли их на подворье патриарха. Однако Гермоген категорически отказался скрепить боярский приговор своей подписью. По преданию, Салтыков стал бранить патриарха и даже угрожал ему ножом.

Под Смоленском послы Филарет, Василий Голицын и члены Земского собора, ознакомившись с новыми инструкциями думы, заявили о своем несогласии с ними. Послам угрожали расправой. Но они твердо стояли на своем.

Филарет заявил, что без разрешения патриарха и воли Земского собора дума не вправе менять ранее принятые решения. «Отправлены мы от патриарха, всего Священного собора, от бояр, от всех чинов и всей земли, — сказал посол, — а эти грамоты писаны без согласия патриарха и без ведома всей земли: как же нам их слушать?»

Василий Голицын многократно извещал Гермогена, что Сигизмунд сам намерен занять русский трон и ни в коем случае нельзя верить его обещаниям прислать в Москву сына. Разоблачения посла и непреклонная позиция, занятая главой церкви, произвели сильное впечатление на москвичей.

В Москве события развивались своим чередом. Опасаясь возрождения оппозиции в московских верхах, Гонсевский потребовал от думы применения самых суровых мер против «бунтовщиков» и немедленного их усмирения. В России, мрачно предрекал полковник, прольются потоки крови. Заканчивая свою речь, Гонсевский обрушился с яростными упреками на патриарха. Членам думы были предъявлены грамоты Гермогена с призывами к мятежу против Владислава.

В критическую минуту патриарх сохранил самообладание. Он не стал отрицать подлинности предъявленных гра-

мот, но твердо заявил, что он абсолютно непричастен к начавшемуся восстанию народа против бояр и Владислава. Патриарх был по-своему прав. Он не поддерживал никаких связей с главными центрами земского движения в Рязани и Калуге. Мстиславский и его окружение получили повод к тому, чтобы низложить Гермогена. Но они не воспользовались этой возможностью. Бояре опасались, что суд над популярным церковным деятелем скомпрометирует их самих в глазах народа. Приняв к сведению оправдания Гермогена, Боярская дума сохранила за ним пост главы церкви.

Отдав Москву во власть наемного войска, боярское правительство потеряло гораздо больше, чем приобрело. Пропасть между верхами и низами расширилась. Московский договор не дал стране мира.

В Москве сопротивление завоевателям возглавили Василий Бутурлин и Федор Погожий. Они установили контакты с Прокофием Ляпуновым в Рязани.

Узнав о штурме Смоленска, Ляпунов прислал в Москву послание к боярам, составленное в самых суровых выражениях. Вождь рязанских дворян обвинял короля в нарушении договора и призывал всех патриотов к войне против иноземных захватчиков. Ляпунов грозил боярам, что немедленно сам двинется походом на Москву ради освобождения православной столицы от иноверных латинян.

Неизвестные лица в Москве составили и распространили обширное воззвание, озаглавленное «Новая повесть о славном Российском царстве, о страданиях святейшего Гермогена и новых изменниках». «Из державцев земли, — писали авторы воззвания, — бояре стали ее губителями, променяли свое государское прирождение на худое рабское служение врагу; совсем наши благородные оглупели, а нас всех выдали».

Открытые выступления патриарха против предательства бояр снискали ему популярность. Авторы «Новой повести» пытались подкрепить свои призывы авторитетом Гермогена и обещали патриаршее благословение всем, кто встанет на защиту родины. «Мужайтесь и вооружайтесь и совет между

собой чините, как бы нам от всех врагов избыти. Время подвига пришло!» — писали патриоты.

Многие надеялись на то, что Гермоген возглавит нарождавшееся освободительное движение. Авторы прокламации разделяли эти надежды и в то же время видели затруднительность его положения. Призывая народ к оружию, они предупреждали своих единомышленников, что не следует ждать от патриарха действий, несовместимых с его саном. «Что стали, что оплошали? — значилось в «Новой повести». — Али того ждете, чтобы Вам сам великий тот столп (Гермоген. — *Р.С.*) своими устами повелел дерзнуть на врагов? Сами ведаете, его ли то дело повелевать на кровь дерзнути».

Официальное положение главы церкви прочно привязывало Гермогена к боярскому лагерю. Калужский лагерь уже давно вел вооруженную борьбу против захватчиков. Но патриарх не желал иметь дела ни с калужскими казаками, ни с восставшими рязанцами.

В конечном итоге Гермоген пришел к выводу, что борьбу за спасение страны должен возглавить Нижний Новгород, население которого не участвовало ни в каких «воровских» выступлениях. В глубокой тайне патриарх составил обширное послание к нижегородцам. Твердо и безоговорочно Гермоген объявил им, что как первосвященник он отныне освобождает всех русских людей от присяги Владиславу. Глава церкви заклинал нижегородцев не жалеть ни жизни, ни имущества для изгнания из страны неприятеля и защиты своей веры. «Латинский царь, — писал Гермоген, — навязан нам силой, он несет гибель стране, надо избрать себе царя свободно от рода русского!»

Бояре имели соглядатаев при Патриаршем дворе и вызнали о письмах владыки. Получив донос от бояр, Гонсевский велел устроить засаду на дорогах. Гонец с патриаршими письмами был схвачен.

Будучи пленником поляков, Филарет поддерживал тайную переписку с участниками земского освободительного движения, подталкивая их к сопротивлению.

Если Ляпунов опирался на Рязань, Гермоген возлагал особые надежды на Нижний Новгород, то Романов ориентировался на Ярославль. Польские послы заявляли русским в 1615 году, что Филарет «с под Смоленска смутные грамоты в Ярославль и в иные города писал», и «они ж бы от Москвы на время отложилися и стали заодно против нас, людей королевских».

Восстание Ляпунова и рязанцев явилось искрой, брошенной в пороховой погреб. Почва для восстания была давно готова. На огромном пространстве от Северщины до Казани на востоке и Вологды на севере города один за другим заявляли о поддержке освободительного движения. Ляпунов не раз оповещал города о своем решении выступить к Москве, но каждый раз откладывал поход. 13—14 февраля 1611 года калужские воеводы пригласили к себе рязанцев для выработки общих планов наступления на Москву. В руки повстанцев перешли Коломна и Серпухов. Восставшие вышли на ближайшие подступы к столице.

СОЖЖЕНИЕ МОСКВЫ

Семибоярщина и поляки страшились мятежа в столице и готовились подавить его силой. Они распорядились перетаскать пушки со стен Белого города в Кремль и Китайгород. Отныне эти пушки держали под прицелом весь московский посад.

Гусары Гонсевского патрулировали улицы и площади столицы. Всем русским запрещено было выходить из домов с наступлением темноты и до рассвета. Тех, кто нарушал запрет, убивали. Москвичи не оставались в долгу. Фактически в столице шла необъявленная война.

Влияние правительства Мстиславского неуклонно падало. В центральных кварталах столицы бояре еще чувствова-

ли себя достаточно уверенно. Зато на окраинах население не скрывало вражды к ним.

Приближалась Пасха. Этот праздник неизменно собирал в столице множество народа из окрестных сел и деревень. Гонсевский боялся чрезмерного скопления народа в Москве и требовал запрещения пасхального шествия. Мстиславский не решился исполнить его волю. Он опасался усугубить возмущение горожан и прослыть слугой безбожных еретиков.

17 марта наступил день Пасхи. Под перезвон сотен больших и малых колоколов Гермоген выехал из ворот Кремля во главе праздничной процессии. Обычно сам царь шел пешком и вел под уздцы осла, на котором гордо восседал владыка. Вместо государя осла под Гермогеном вел дворянин, которому бояре поручили исполнять обязанности отсутствовавшего Владислава.

Михаил достиг совершеннолетия и имел теперь возможность исполнять службу во дворце вместе с другими стольниками. На Пасху он со сверстниками наблюдал за красочным шествием.

Двадцать нарядных дворян шли перед патриархом и устилали его путь дорогой тканью. За ослей везли сани с дровом, обвешанным яблоками. Сидевшие в санях певчие мальчики распевали псалмы. Следом шло духовенство с крестами и иконами, бояре, в их числе Иван Никитич.

Но над столицей витали вражда и ненависть. В Кремле и Китай-городе конные и пешие роты наемников стояли в полной боевой готовности с оружием в руках. Бояре и столичная знать лишились поддержки народа и видели в наемном воинстве главную опору.

К марту 1611 года недовольный столичный люд не сомневался более в том, что боярское правительство доживает свои последние дни. Со всех сторон к Москве двигались отряды земского ополчения. Москвичи деятельно готовили восстание в самой столице. Они незаметно стягивали в город воинские силы, доставляли вооружение.

Боярское правительство издало указ об изъятии у москвичей оружия. Гонсевский помог претворить этот указ в

жизнь. Его солдаты отбирали у посадских людей не только пищу и сабли, но и топоры и ножи. Тех, кто нарушал запрет, ждала смертная казнь. На городских заставах стража тщательно обыскивала обозы.

С утра 19 марта Мстиславский, Салтыков и Гонсевский стали готовить внутренние крепости к боевым действиям. Солдаты свозили отовсюду орудия и устанавливали их на стенах Кремля и Китай-города. Один из ротмистров, руководивший установкой пушек возле Водяных ворот, распорядился привлечь к работам извозчиков, наблюдавших за солдатами издали. Извозчики отказались помогать солдатам. Началась драка. Много русских было убито на месте.

Кремлевские часовые дали знать о происшествии Гонсевскому. Тот попытался положить конец драке. Но, увидев множество убитых москвичей, он махнул рукой и, по словам польского очевидца, предоставил наемникам «докончить начатое дело». Стычка вскоре превратилась в общее побоище.

Роты в боевом порядке атаковали безоружную толпу. Им приказано было занять Белый город. Однако тут они с первых шагов столкнулись с организованным сопротивлением. Натолкнувшись на баррикады и завалы, роты были вынуждены отступить в Китай-город и Кремль. На их место заступили отряды немецких наемников.

Несмотря на то что бояре давно ждали народных выступлений и готовились их подавить, события застали их врасплох. Преодолев замешательство, они стали помогать полякам. На совещании у Гонсевского члены думы громко бранили людей без роду и племени, решившихся на бунт. Епископ Арсений, ставший одним из главных руководителей церкви, заверил польское командование, что посадские мужики «ударили в набат без воли бояр и священнослужителей».

На Сретенке, подле Лубянки, главным очагом восстания стала Стрелецкая слобода. Собрав стрельцов и посадских людей, князь Дмитрий Пожарский принудил наемников отступить.

Против Ильинских ворот сопротивление возглавил Иван Бутурлин со стрельцами.

Попытки Гонсевского захватить Белый город провалились. Наемники не дошли до Тверских ворот и, неся потери, повернули вспять. «Видя, что исход битвы сомнителен, — доносил Гонсевский королю, — я велел поджечь Замоскворечье и Белый город в нескольких пунктах». Русские летописцы уточняют, что решение поджечь Москву подсказали Гонсевскому Салтыков и его товарищи.

В нескольких местах над посадом показались столбы дыма. Вскоре огонь охватил целые кварталы. Москвичи прекратили бой и начали тушить разгоравшийся пожар.

Ветер гнал пламя в глубь Белого города. Следом за огненным валом по сгоревшим кварталам шли вражеские солдаты. Лишь на Лубянке врагу не удалось осуществить свой замысел. Князь Пожарский непрерывно атаковал неприятеля, пока не «втоптал» его в Китай-город.

Всю ночь в городе, не замолкая ни на минуту, гудели колокола. Повстанцы послали в Коломну и Серпухов за помощью. Земские воеводы немедленно откликнулись на призыв. Иван Плещеев наспех отправился к Москве из Коломны с казаками и рязанцами.

Отряды ополчения ночью вступили в Замоскворечье и соединились с восставшими. Однако вскоре стало известно о подходе к столице с запада польских войск.

Под самыми стенами Кремля, у Чертольских ворот, собралось около тысячи стрельцов. Жители помогли им перегородить площадь баррикадами.

Далеко за полночь Гонсевский созвал в Кремле военный совет. На нем присутствовали многие знатные московские дворяне. Члены боярского правительства получали вести из разных концов города и были лучше осведомлены насчет истинного положения дел, нежели польское командование. На военном совете они настойчиво рекомендовали Гонсевскому бросить все силы в Замоскворечье, чтобы прорвать кольцо восставших предместий и очистить путь для королевских войск, подошедших из района Можайска.

Утром 20 марта из Китай-города к народу выехали бояре. С ними не было ни литвы, ни немцев. Приблизившись к завалам, Мстиславский, Иван Романов с товарищами принялись упрашивать москвичей прекратить сопротивление и немедленно сложить оружие. Народ отверг призывы Семибоярщины.

Гонсевский отвел боярам незавидную роль. Они должны были отвлечь внимание москвичей.

Пока Мстиславский вел переговоры с народом, отряды немцев-наемников, продвигаясь по льду Москвы-реки, зашли в тыл стрельцам, оборонявшим Чертолье, и зажгли кварталы, примыкавшие к баррикадам. Отрезанные от своих стеной огня, стрельцы отступили.

Полк Струся был остановлен у ворот Деревянного города. Но на выручку ему пришли факельщики Гонсевского. С помощью изменников они скрытно пробрались к стенам Деревянного города и зажгли их изнутри. Струсю удалось соединиться с силами Гонсевского.

В первый день восстания пожар испепелил лишь небольшую часть города. На другой день погода выдалась ветреная, что облегчило поджигателям их дело. «Никому из нас, — писал в дневнике один поручик, — не удалось в тот день подраться с неприятелем; пламя пожирало дома один за другим, раздуваемое жестоким ветром, оно гнало русских, а мы потихоньку подвигались за ними, беспрестанно усиливая огонь, и только вечером возвратились в Кремль».

Отступая перед огненной стихией, отряды ополчения вместе с населением ушли из Замоскворечья. Не опасаясь более удара с юга, Гонсевский возобновил попытку разгромить силы повстанцев в Белом городе.

Москвичи успели выстроить на Сретенке подле Введенской церкви укрепленный острожек. Пожарский искусно руководил его обороной в течение дня. Наличие очага сопротивления в Белом городе беспокоило польское командование, и оно направило сюда подкрепления из других кварталов города. Силы оказались неравными. Наемники ворвались

внутри острожка. Большинство его защитников погибло. Пожарский был тяжело ранен.

Москва горела несколько дней. Ночью в Кремле было светло как днем.

Гонсевский получил известие о появлении сил ополчения на владимирской дороге. Опасаясь, что сопротивление москвичей возобновится, он выслал из Кремля солдат с приказом сжечь восточные кварталы города.

Земская армия вступила в предместья столицы после полудня 21 марта. Впереди следовали казаки, за ними полки Измайлова, Мосальского и Репнина. Однако воеводы были разгромлены поляками.

Ляпунову не удалось организовать одновременное наступление на Москву, и Гонсевский умело использовал разобщенность русских.

Поляки воспользовались случаем, чтобы отделаться от неугодных лиц. Боярин Андрей Голицын, находившийся под домашним арестом, был жестоко убит. Патриарха Гермогена бросили в темницу. Гонсевский не прочь был расправиться и с ним. Но влиятельные члены Семибоярщины настояли на том, чтобы перевести узника на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Там его сторожили польские приставы. Патриарха можно было низложить лишь после соборного суда над ним. Бояре не имели ни времени, ни охоты устраивать публичное разбирательство. Они ограничились тем, что отняли у Гермогена возможность какой бы то ни было деятельности, не снимая с него сана. Управление делами церкви дума передала греку Арсению.

Жестокость завоевателей принесла гибель многим тысячам мирных жителей. Резня, учиненная в Китай-городе, прекратилась, как только наемники получили отпор в Белом городе. Московский летописец засвидетельствовал, что иноплеменные «всех людей (русских. — *Р.С.*) побиша в Кремле да в Китае», а «в Белом городе мало людей побиша».

Солдаты жадно взирали на богатства «царствующего града», который они рассматривали как свою законную добы-

чу. Они лишь ждали случая, чтобы заняться грабежом. В первый же день восстания они разгромили сотни лавок и мастерских в Китай-городе. Ландскнехт Конрад Буссов, находившийся в Москве, не без хвастовства заметил, что солдаты захватили в тот вечер «огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными камнями».

Обширный город за два-три дня превратился в груды развалин и пепла. Тысячи москвичей, лишившись крова и имущества, разошлись во все стороны.

Прошло несколько дней, и в городе, покинутом населением, началась подлинная вакханалия грабежей. Никакая сила не могла удержать наемников в их казармах. С утра они отправлялись за добычей и к вечеру возвращались с мешками награбленного. На пожарище они разрывали подвалы в поисках спрятанного добра и винных погребов. Захваченное имущество распродалось в полковых манежах. В храме Василия Блаженного и других церквях мародеры забрали всю золотую и серебряную утварь, сорвали оклады с икон, разломали раки чудотворцев. Не довольствуясь Белым городом, шайки мародеров в ночное время принялись грабить Кремль. Караулам пришлось применить оружие, чтобы унять их.

В опричнину татары сожгли Москву. Чтобы снять с себя ответственность, Грозный объявил, что татар навели его бояре, что было сомнительно. При царе Владиславе бояре не только «навели» иноземцев в Кремль, но и помогли им, словом и делом, погубить город пожаром. Предательство было совершено на глазах у всех, и народ знал, кого надо винить.

В мятеже против царя Владислава приняли участие не все посадские люди. Но пожар не разбирал, чьи дворы «изменничьи», а чьи — верноподданных горожан.

Подворье Мстиславского в Кремле, так же как двор Романовых в Китай-городе, не пострадало от огня. Но «большие» московские дворяне и рядовые дети боярские жили в массе в Белом и Земляном городе и в Замоскворечье.

Лишившись крова и имущества по воле Семибоярщины, «меньшие» люди и дети боярские спешили присоединиться

к земскому движению. Ситуация в столице претерпела разительную перемену в считанные недели.

При поддержке наемных войск боярское правительство удержало Москву. Но народ окончательно отвернулся от «латинского» царя Владислава и верной ему знати.

ПЕРВОЕ ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Еще в январе 1611 года боярское правительство направило в королевский лагерь Ивана Салтыкова с тем, чтобы добиться повиновения от послов Голицына и Филарета и осуществить решение о сдаче Смоленска. Подвергшись нажиму из Москвы, князь Василий Голицын выдвинул компромиссный план. Смоляне должны были впустить в город небольшой отряд королевских солдат и присягнуть Владиславу сразу после того, как король снимет осаду. В начале февраля послы виделись с представителями Смоленска и договорились с ними о размещении в городе 200 польских солдат. Уступки Голицына и Филарета, однако, не приблизили долгожданного мира.

Польские сенаторы предложили свои условия соглашения о Смоленске. Суть их сводилась к следующему. Король снимет осаду, когда смоляне принесут повинную и исполнят его требования, а именно: впустят в крепость 350 солдат, выставят у ворот смешанную стражу из поляков и русских, передадут второй комплект ключей от города в руки начальника польского отряда. Смоленск останется в составе Русского государства временно, до заключения окончательного договора. Город должен возместить все убытки, понесенные королевской казной во время полугодовой осады Смоленска.

Шеин созвал земских представителей и весь народ для обсуждения предложений Сигизмунда. Лишь немногие высказались за прекращение сопротивления. Но среди них был

местный архиепископ. «Что меч не истребил, то поветрие истребляет, — заявил он, — лучше нам поддаться за присягою их, хотя бы нас потом перебили». Даже архиепископ не верил тому, что после сдачи Сигизмунд пощадит жителей.

Собравшиеся на площади перед воеводской избой хорошо понимали, что речь идет о сдаче крепости неприятелю. Собор подтвердил, что 200 солдат будут допущены в город лишь после того, как Сигизмунд выведет все свои войска из пределов России.

Великий посол Филарет был потрясен, узнав о сожжении Москвы. Его худшие опасения оправдались. 8 апреля канцлер Сапега сообщил послам, что патриарх Гермоген посажен под стражу на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Москве. Романов, обливаясь слезами, заявил: «припомните наши слова, мы на всех съездах говорили, чтобы королевское величество велел все статьи утвердить по своему обещанию и по договору, иначе людям будет сомнение и скорбь».

Обсуждая вопрос, что делать дальше, Филарет сказал, что защитники Смоленска ни за что не откроют ворота, узнав о том, что поляки выжгли столицу. Он предложил, чтобы король подтвердил статью договора о Смоленске и точно назначил время отхода своего в Польшу. Со своей стороны Филарет обещал уведомить об этом патриарха, бояр и всех людей Московского государства, чтобы прекратить боевые действия и прислать для новых переговоров «людей из всех чинов».

Пять дней спустя послов взяли под стражу и повезли как арестантов в Польшу.

Послы прибыли в лагерь в сопровождении огромного обоза. Из лагеря их отправили на нескольких судах. Припасы, не поместившиеся в трюмах, были выброшены за борт. Вещи получше присвоены приставами. Оказавшие сопротивление слуги перебиты.

На корабле, перевозившем послов и дворян, караул несли солдаты с заряженными ружьями. Людей, служивших послам, везли на двух отдельных судах.

Пленников провезли через Минск и Вильнюс и доставили в Каменку под Львовом. Там для надзора за ними был оставлен пристав Мясковский.

Переход на сторону короля сулил Романову свободу, почести, возвращение из плена на родину. Но он, как и князь Василий Голицын, не поддавался давлению со стороны поляков и Семибоярщины.

Царь Владислав дал свое толкование поведению митрополита. В 1616 году в окружной грамоте он писал, что Филарет, будучи послом, якобы нарушил данный ему наказ, потому что «прочил и замышлял на Московское государство сына своего Михаила».

Рискуя карьерой и головой, Филарет продолжал настаивать на выполнении договора о личной унии России и Речи Посполитой. Между тем уния грозила обратиться в жестокое завоевание.

Михаил, воспитанный в правилах Домостроя, в почтении к отцу, с детских лет был насильственно разлучен с родителем. Налицо были обстоятельства, осложнявшие взаимоотношения в романовской семье.

Попав в плен к тушинцам, Филарет и его сын оказались в разных лагерях, разделенных войной. Окружение Михаила не могло одобрять действия «воровских» войск, осаждавших Москву по благословению Романова-старшего. Ситуация повторилась, когда митрополит попал в плен к полякам. Михаил Романов испытывал страх перед мятежным народом. Филарет стоял у колыбели земского бунта.

Романов-младший, находясь в осажденной столице, разделял настроения среды, в которой ему пришлось жить. Олицетворением этой среды были первые сановники государства в лице Федора Мстиславского, дяди Ивана Никитича и других членов Семибоярщины.

Выработать свое особое отношение к боярскому правительству Михаилу едва ли было под силу. Его первая служба, связанная с наступлением совершеннолетия, была служба царю Владиславу.

Филарет не побоялся пойти против течения и оказал неповиновение Семибоярщине.

ПАДЕНИЕ СМОЛЕНСКА

Земское движение набирало силу. Не позднее 23 марта в предместья Москвы прибыл Прокофий Ляпунов с рязанцами. Заруцкий с казаками и Трубецкой со служилыми людьми запоздали, но ненадолго.

Подготавливая наступление на Москву, города старались подбодрить друг друга и внушить противнику преувеличенные представления о своих силах. Ляпунов широко оповестил страну о том, что на помощь ему идет сорокатысячная рать. Поляки полагали, что Ляпунов привел под Москву восемьдесят тысяч воинов, в целом же ополчение якобы насчитывало более ста тысяч воинов. Подобные цифры недопустовы. Засевшим в Кремле наемникам казалось, что их осадили несметные полчища. Шведы располагали более точной информацией. Посланец Ляпунова доверительно сообщил им, что состав ополчения под Москвой не превышает шести тысяч человек.

27 марта Гонсевский вывел свои войска из Яузских ворот и попытался потеснить силы ополчения и повстанцев в окрестностях Симонова монастыря. Его наступление не имело успеха.

Последняя стычка принесла ощутимый успех русским. Их энергичный и дружный натиск привел к тому, что наемники бросились бежать с поля боя.

В ночь на 1 апреля ратники ополчения, не встречая сопротивления противника, перешли реку Яузу и освободили почти всю территорию Белого города.

Наступила долгая пауза в военных действиях. Московский люд оказал ополчению огромную помощь. Но повстанцы не обладали военными навыками и были плохо вооружены. Ляпунов и его сподвижники не имели ни многочисленного войска, ни тяжелой артиллерии. Мало того, что Кремль и Китай-город располагали беспримерной по мощности системой укреплений. В руки наемников попала вся столич-

ная артиллерия. Вожди земского ополчения рассчитывали воспользоваться восстанием в Москве и освободить ее одним ударом. Сожжение столицы разрушило все их планы. Земская рать принуждена была перейти к длительной осаде. С наступлением лета внешнеполитическое положение России стало быстро ухудшаться.

Озабоченный ходом военных действий под Москвой, Сигизмунд III собрал все силы и бросил их на штурм Смоленска.

На рассвете 3 июня 1611 года мощный взрыв потряс город. Подле северо-восточной Крылошевской башни взлетела на воздух часть стены. Большинство защитников Смоленска погибли с оружием в руках на улицах крепости. Воевода Шеин оборонялся в одной из западных башен и там был взят в плен. Немногие уцелевшие жители затворились в Богородицком соборе в центре Смоленска. Находившиеся в соборе люди предпочли погибнуть под обломками здания, но врагу не сдаться. Они взорвали под собой пороховой погреб.

Король приказал подвергнуть Шеина пытке. Во время допроса и пытки воеводу спросили: кто ему советовал и помогал так долго держаться в Смоленске? Шеин отвечал: никто в особенности, потому что никто не хотел сдаваться. После пытки Шеин был увезен в Литву. Там его держали в тюрьме в железных оковах.

После взятия Смоленска все ждали, что Сигизмунд немедленно двинется на Москву. Но король не желал рисковать с трудом добытой победой и спешил отпраздновать триумф. Его казна была обременена огромными долгами, армия понесла большие потери и практически не могла возобновить наступление.

Под Москвой земские воеводы перерезали все пути, связывавшие столицу с провинцией. В мае наемники уведомили Сигизмунда о том, что они продержатся в Москве не более трех недель, если им не будет оказана немедленная помощь и если они не получают фураж для лошадей.

ШВЕДСКИЙ ПРЕТЕНДЕНТ

Новгород не сразу признал власть Владислава и категорически отказался пустить в крепость литовских людей. Семибоярщине пришлось направить туда польский отряд и Ивана Салтыкова с ратными людьми. Когда поляки подступили к Новгороду, новгородцы отбили их нападение, а Салтыкова посадили на кол.

Новгород открыто примкнул к освободительному движению. Его жители известили Ляпунова, что немедленно отправляют под Москву воевод с воинскими людьми и артиллерией. Но им не суждено было осуществить свои планы из-за шведского вмешательства.

Избрание на царский трон польского претендента повлекло за собой крушение русско-шведского союза, направленного против Речи Посполитой. Шведский король Карл IX спешил использовать ослабление России. Он засыпал дружескими письмами вождей земского ополчения и новгородцев и одновременно секретной инструкцией предписал Делагарди без промедления нанести удар по Новгороду и занять его.

Обращения шведского короля внушили большие надежды Ляпунову. Он просил новгородцев как можно скорее договориться с Делагарди об отправке в Москву шведского вспомогательного войска.

В марте король Карл IX обратился к новгородцам с универсалом, обещая им союз и помощь против польско-литовских войск.

Подталкиваемые с двух сторон — из Москвы и Стокгольма, — новгородцы в конце апреля прислали в шведский лагерь послов «с полной формулой соглашения». Послы добились подтверждения союзного договора между Россией и Швецией и возобновления совместных военных действий против Речи Посполитой.

Ляпунов не получил своевременной и точной информации о действиях шведов и не оценил угрозы, таившейся в их

вторжении. Земский совет повторил ошибку Василия Шуйского. Уповав на то, что шведы помогут освободить Москву, вожди ополчения проявили готовность пойти на территориальные жертвы, чем оттолкнули от себя новгородцев. Посол Василий Бутурлин намекнул шведам, что и московские чины, и новгородцы согласятся принять на царский трон шведского принца, если «Карл IX сохранит им православную веру». Слова насчет принца должны были ускорить оказание военной помощи ополчению. Швеция немедленно отрядила гонцов под Москву. Вопрос о шведской кандидатуре на трон был передан на обсуждение Земского собора.

Медоточивые заявления короля произвели на членов собора благоприятное впечатление. Однако многие из присутствующих решительно восстали против шведского проекта. Они резонно указывали на то, что слова шведского короля решительно расходятся с его делами, и высказывались против любых переговоров насчет шведского королевича. Ляпунов все еще надеялся на шведскую военную помощь и поэтому настоял на принятии осторожного решения. Соборные чины решили послать в Швецию послов для переговоров об избрании шведского королевича. Перед тем как разойтись, они скрепили подписями соборный приговор.

Делагарди тешил новгородцев разговорами о близком слиянии Швеции и России в неразрывный союз. Тем временем солдаты завершили последние приготовления к штурму. На рассвете 16 июля они ворвались в Новгород и учинили там кровавую резню.

Шведы овладели внешними крепостными стенами города на Софийской стороне. Но Новгородский кремль оставался в руках воевод. Замок обладал несравненно более мощной системой укреплений, нежели внешний город. Однако новгородская цитадель оказалась абсолютно не подготовленной к осаде. Шведы были буквально ошеломлены, когда несколько позже они обшарили весь кремль и не нашли там даже малых запасов провианта и пороха.

Русское командование не сомневалось в том, что врагу не удастся прорвать городские укрепления. Неоправданная

самоуверенность сменилась паникой. Воевода князь Одоевский созвал военный совет в осажденном кремле. После боя много ратников отступило в кремль. Еще больше тут собралось мирных жителей, спасавшихся от врагов. Кормить их было нечем. Кремлевские житницы пустовали. Молчали крепостные орудия из-за того, что не было пороха.

Под влиянием панических настроений военный совет вынес решение о прекращении борьбы и призывании на «Новгородское государство» шведского принца. После многократных совещаний с митрополитом Исидором, дворянами и лучшими людьми главный воевода выслал к шведам своего представителя и объявил им о принятом новгородцами решении. Делагарди ввел в неприступную цитадель полк королевской лейб-гвардии.

За две недели до падения Новгорода туда прибыл гонец из-под Москвы. Он привез грамоту земского ополчения относительно продолжения переговоров со шведами и условий избрания на царство шведского принца. Новгородский митрополит Исидор и воеводы пытались использовать этот факт для оправдания своих действий. Они утверждали, будто подписали соглашение относительно избрания в цари шведского принца, следуя воле всей земли.

Приговор подмосковного Земского собора попал в руки к шведам, и они сделали его дословный перевод. «Все чины Московского государства, — значилось в этом переводе, — признали старшего сына короля Карла IX достойным избрания великим князем и государем Московской земли». Признание шведского принца достойным кандидатом в цари, конечно же, не было равнозначно его избранию.

Заключая соглашение с Делагарди, новгородские верхи взяли на себя инициативу и ответственность за провозглашение шведского претендента русским царем. Главный пункт новгородско-шведского договора гласил: «Митрополит Исидор и Священный собор, боярин князь Одоевский, воеводы, князья, бояре, купцы, крестьяне избрали шведского принца в цари и великие князья над Новгородским княжеством, а также над Владимирским и Московским, если последние по-

желают присоединиться к Новгородскому княжеству». Образованное под эгидой безымянного шведского принца «Новгородское государство» фактически отделилось от России. Номинальным главой «государства» стал потомок удельных князей боярин князь Одоевский. Правители Новгородского княжества знали о близившейся решающей битве за освобождение Москвы. Но они и не подумали включить в договор со шведами пункт о посылке вспомогательного войска на помощь земским людям. Фактически Новгород порвал с земским освободительным движением.

Одоевский сдал кремль, не получив от шведов никаких гарантий территориальной целостности «Новгородского государства». Его правительство предало города, которые с оружием в руках продолжали борьбу с иноземными захватчиками.

Карлу IX не довелось насладиться плодами своего успеха. Он прожил три месяца после покорения Новгорода. Шведский трон перешел к его наследнику — семнадцатилетнему Густаву Адольфу. Сын продолжал политику отца в отношении России, неуклонно ведя дело к ее расчленению и закреплению за Швецией Новгорода и Пскова.

ЗЕМСКАЯ ВЛАСТЬ И РОМАНОВЫ

Новая власть, возникшая в повстанческом лагере, набирала силу. В апреле 1611 года воеводы провели присягу в полках. Ратные люди поклялись, что будут стоять заодно с городами против короля, королевича и тех, кто с ними столковался; очистят Московское государство от польских и литовских людей; не будут подчиняться указам бояр из Москвы, а служить государю, который будет избран всей землей.

До выборов власть в ополчении осуществлял постоянно действующий Земский собор — «Совет всея земли». Собор выделил из своего состава комиссию, по традиции называв-

шуюся боярской. С первых дней осады дела в ополчении решались «по боярскому и всей земли приговору».

В действительности прирожденных бояр в ополчении было немного, а из всех членов думы наибольшим влиянием пользовался думный дворянин Прокофий Ляпунов. Встав во главе освободительного движения, он приобрел большую популярность. Города и частные лица чаще всего обращались за решением неотложных дел именно к нему.

Не позднее мая «Совет всея земли» решил сосредоточить власть в руках трех высших воевод — Ляпунова, князя Дмитрия Трубецкого и Ивана Заруцкого. Земское дворянство представлял один Ляпунов, казаков — двое лиц, получивших боярство в воровском лагере. Объяснить это можно тем, что по численности казацкое войско далеко превосходило дворянские отряды.

30 июня 1611 года «Совет всея земли» утвердил обширный приговор, ставший своего рода земской конституцией.

В русской истории соборы возникли как расширенные совещания при Боярской думе и Священном соборе. Дума и представители высшего духовенства имели решающий голос во всех соборных делах. «Совет всея земли» появился на гребне освободительного движения и не включал ни официальное боярское руководство, ни князей церкви. Впервые большинство на Земском соборе принадлежало не боярам и столичной знати, а провинциальным дворянам и их союзникам из народа.

Триумвират не получил от Земского собора никаких привилегий. Триумвиры не могли решать самые важные государственные дела, а также выносить смертные приговоры без согласия «Совета всея земли». Их полномочия носили временный характер. Собор имел право в любой момент заменить любого члена боярской комиссии другим лицом, «кто будет более к земскому делу пригодится».

Земская конституция 1611 года показала, что в России народилась новая власть, не стесненная опекой Боярской думы и подотчетная лишь сословным представителям. Члены комиссии получили полномочия «промышлять» ратны-

ми и прочими делами, а главное — «строить землю». Для осуществления правительственных функций при Совете были образованы органы приказного управления — Поместный, Разрядный и прочие приказы.

Мелкое дворянство, пользовавшееся в Совете значительным влиянием, использовало власть для того, чтобы разрешить в свою пользу земельный вопрос. В годы реформ Ивана Грозного дворянские публицисты неоднократно выступали с проектами «землемерия» — более равномерного распределения земель внутри дворянского сословия. В 1611 году дворяне могли надеяться на осуществление своих давних желаний.

Раздел о землях занимал центральное место в земской конституции 30 июня 1611 года. «А которые до сих пор сидят на Москве с литвой, — было записано в приговоре, — а в полки не едут своим воровством, и тем поместий и вотчин не отдавать». Закон об отчуждении земельных владений имел в виду в первую очередь членов Семибоярщины и Государева двора, правивших страной именем царя Владислава и сидевших с поляками в Кремле. Конфискованные родовые вотчины не должны были перейти в руки младших отпрысков боярских фамилий, участвовавших в земском движении. Земский собор разрешил им лишь получить оклад из поместных владений родичей бояр, которые «воруют на Москве с литвой».

Романовы занимали видное место среди тех, кто «воровал» с Литвой, иначе говоря, был пособником иноземных завоевателей. Боярин Иван Никитич Романов усердствовал в службе царю Владиславу.

Стольник Михаил жил на подворье Романовых в Китай-городе у дяди. Инокня Марфа была при сыне. Стольник не проявлял желания перебраться за стены Кремля и перейти на сторону земских воевод и народа, как то делали сотни дворян.

Отец Михаила Филарет, как монах, не мог владеть светскими вотчинами. Но после возвращения из ссылки он, надо

полагать, позаботился о том, чтобы закрепить родовые владения за наследником-сыном.

Земская конституция поставила вне закона «изменных» бояр, что молчаливо предрешило судьбу местничества. Назначение казачьего боярина Заруцкого членом комиссии грозило стать первой ступенькой на пути к полному упразднению устаревшей местнической системы.

Конфискованные у аристократии земли предполагалось передать разоренной служилой мелкоте, участникам освободительной борьбы. Земский собор постановил «испоместити наперед дворян и детей боярских бедных, разоренных, беспоместных». Никто не вправе был требовать своей доли, «покаместа бедных и разоренных всех не поместят». Первыми землю должны были получить служилые люди захваченных пограничных уездов, жертвы «литовского разорения».

Приговор 30 июня 1611 года призван был удовлетворить интересы преимущественно казачьих верхов и давно служивших казаков. Земская конституция гарантировала атаманам и «старым» казакам небольшой поместный оклад либо хлебное и денежное жалованье. Недавних холопов, крепостных крестьян и прочий люд, пополнивший отряды ополчения ко времени осады Москвы, собор рассматривал как «молодых» казаков. На них привилегии служилого сословия не распространялись.

Когда города снаряжали ополчение в поход, считалось само собой разумеющимся, что шапку Мономаха следует отдать истинно православному русскому человеку. Общее настроение очень четко выразил игумен влиятельного Соловецкого монастыря. «Земля наша, — писал он в ответ на шведский запрос, — единомышленно хочет выбрать царя из прирожденных своих бояр, а из иных земель иноверцев никого не хотят».

С начала боев ополчения за Москву земским людям волей-неволей пришлось пересмотреть свои взгляды насчет престолонаследия. Все «великие» прирожденные бояре, среди которых только и можно было найти кандидата на трон, сидели в осаде с «литвой» и не помышляли о переходе на

сторону земского освободительного движения. Надежды на соглашение с боярами испарились окончательно. В голову невольно закрадывалось сомнение. Неужто земские люди проливали свою кровь лишь для того, чтобы передать корону одному из пособников жестокого врага?

Царское избрание наталкивалось на множество препятствий. Едва члены собора принимались обсуждать конкретные кандидатуры, среди земских дворян вспыхивали яростные разногласия. Сподвижник Ляпунова Бутурлин четко объяснил шведам возникшую ситуацию. «Мы на опыте своем убедились, — сказал он, — что сама судьба Московии не благоволит к русскому по крови царю, который не в силах справиться с соперничеством бояр, так как никто из вельмож не согласится признать другого достойным высокого царского сана». Совет вынес постановление насчет возможного избрания шведского королевича. Но это вызвало негодование казаков и московского «черного» люда. Страна не успела избавиться от одного иноверца, как ей навязывали другого. Люди, много лет служившие под знаменами самозванцев, теперь не прочь были противопоставить шведскому еретику православного «царевича», находившегося под рукой в Коломне. Заруцкий исподтишка поддерживал их. Его не покидала надежда на то, что трон в конце концов достанется калужскому «царенку». Будучи любовником Марины Мнишек, атаман вполне мог рассчитывать на пост правителя при ее малолетнем сыне. Некогда удалой казак Ивашка Заруцкий женился на «девке», которая была ему ровней во всех отношениях. Получив боярский чин, он стал подумывать о том, чтобы приискать себе знатную супругу. При первом же удобном случае Заруцкий порвал с опостылевшей женой и затворил ее в монастырь. Своего сына он тут же пристроил ко двору Марины Мнишек в Коломне. Недоброжелатели атамана пустили слух, будто он хочет жениться на Мнишек и вместе с нею занять трон.

Бояре и патриарх внимательно следили за всем, что происходило в недрах ополчения. Едва опальный Гермоген проведal об агитации Заруцкого в пользу «воренка», он немед-

ленно разразился обличением. В грамоте к нижегородцам патриарх заклинал паству не желать на царство «проклятого паньина Маринкина сына» и отвергнуть его, если казаки выберут его на царство «своим произволом».

Ляпунов первым осознал необходимость объединения всех патриотических сил. Но ему не удалось преодолеть недоверие казаков, и он не сумел сплотить дворянский лагерь. Земская знать не скрывая выражала недовольство по поводу власти, доставшейся неродовитому думному дворянину. Как писал позже столичный летописец: «Ляпунов не по своей мере вознесся и гордость взял, много отцовским детям позору и бесчестья делал, не только боярским детям, но и самим боярам». Человек гордый и крутой, Ляпунов в самом деле не выказывал почтения к знати. Те, кто приходил к нему на прием, простаивали подле крыльца по многу часов, ожидая своей очереди.

Многие пункты конституции 30 июня решительно не удовлетворили родовитых дворян. Они будто бы составили заговор против Ляпунова. Другой заговор возник в казацком войске.

С первых дней осады Москвы земское правительство сталкивалось с большими трудностями, пытаясь наладить снабжение армии продовольствием. Казаки оказались в наихудшем положении после того, как власти запретили им самостоятельно заготавливать корм. В Подмоскovie появились «разбои», грабившие население.

Воеводы пытались жестокими мерами пресечь грабежи. Воевода Плещеев приказал утопить 28 казаков, пойманных с поличным. Кто-то успел дать знать атаманам, и те отбили осужденных. Казаки собрали круг и опротестовали действия Плещеева.

Ляпунов неоднократно призывал в Разрядную избу Заруцкого и совещался с ним, как бы прекратить самочинные реквизиции. Попытка навести порядок вызвала недовольство казацкой вольницы.

Однажды в земский лагерь было привезено письмо, составленное от имени Ляпунова. Письмо предписывало го-

родским властям ради пресечения разбоя хватать повсюду казаков-воров и побивать их на месте либо присылать под Москву. Когда содержание грамоты предали гласности, в таборах поднялась буря. Казаки спешно собрали круг и потребовали думного дворянина к ответу.

Созванный казачий круг признал Ляпунова виновным. Казаки зарубили главу земского правительства, следуя закону самосуда, без розыска и суда. Вслед за тем они бросились в ставку разнести в щепы Разрядную избю.

Известие об убийстве Ляпунова произвело тягостное впечатление на страну. Многие высказывали мысль, что воеводу погубили «начальники» ополчения, составившие заговор с казаками и подделавшие злополучную ляпуновскую грамоту. Одни называли в качестве главы заговора Ивана Шереметева, другие — Заруцкого. Очевидцы гибели Ляпунова были введены в заблуждение.

Правда раскрылась лишь после того, как за перо взялись сотоварищи Гонсевского. Один из них откровенно поведал миру, как Гонсевский, не имея сил одолеть ополчение в открытом бою, решил погубить отважного мужа Ляпунова обманным путем, натравив на него казаков. В распоряжении Гонсевского было много дьяков и писцов, и для них не представляло труда изготовить нужную грамоту насчет истребления всех «казаков-воров». Подпись Ляпунова на документе была ловко подделана. Доставить грамоту в таборы взялся некий атаман Сидорка, побратима которого Гонсевский велел выпустить из плена.

Московский летописец ничего не знал об откровениях польского шляхтича. Но ему было известно, что на круг мнимые листы Ляпунова принес атаман Сидорка Заварзин. Совпадение имени удостоверяет подлинность польской версии.

Ляпунов был талантливым воеводой. Именно он нанес поражение полкам Мстиславского и Шуйских у села Троицкого осенью 1606 года, что позволило Болотникову осадить Москву. Атаманы, участвовавшие в мятеже Болотникова, а потом служившие в Тушино и Калуге, не забыли того, что Ляпунов предал их в решающий момент и перешел на сто-

рону царя Василия. Атака Ляпунова решила исход сражения на реке Восме под Тулой, когда был истреблен весь цвет армии Болотникова. Таким был послужной список одного из лучших военачальников Смутного времени.

Пути Ляпунова были извилистыми. Но в его судьбе очень точно отразилась судьба мелкого российского дворянства в Смутное время. Собственный опыт все больше убеждал Ляпунова, что борьба с Семибоярщиной и чужеземными завоевателями приведет к успеху лишь в том случае, если земское дворянство сможет опереться на поддержку более широких слоев населения, включая вольное казачество. В своих обращениях к казанскому посаду глава ополчения развивал грандиозные планы, касавшиеся казачьих окраин. Пусть казанцы, наказывал он, напишут от имени всей земли атаманам и казакам, живущим на Волге и на «запольских реках». Надо, чтобы все вольные казаки выступили на помощь к Москве, где их ждут жалованье, порох и свинец. «А которые боярские люди крепостные и старинные, — писал Ляпунов, — и те б шли без всякого сомнения и боязни: всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам. А бояре и воеводы и вся земля по общему приговору выдадут им грамоты». Ляпунов понимал, что есть только одно средство поднять против боярского правительства вольные казачьи окраины. Он сулил долгожданную свободу всем казакам, будь то вчерашние холопы или крепостные крестьяне. По иронии судьбы он погиб под казацкими саблями.

Конституция земской рати предусматривала, что смена членов комиссии осуществляется лишь по решению Совета всей земли. Она грозила суровым наказанием тем, кто составит «скоп» и заговор и кого-нибудь «убьет до смерти по недружбе». Убийцы Ляпунова нарушили постановление земли. Однако Совет не осмелился расследовать обстоятельства дела и покарать виновных. Земское правительство обнаружило свое бессилие.

Беззаконное убийство Ляпунова было на руку Семибоярщине. Те, кто ранее помышлял о разрыве с властью Мстиславского, стали сомневаться, можно ли найти спасение в

земском лагере, или там их ждет самосуд низов. Приговор 1611 года оказался клочком бумаги. Казачий круг, взяв верх над «Советом всея земли», запятнал себя кровавым произволом. Надежды на то, что гражданская война пойдет на убыль в обстановке нараставшего иноземного вторжения, не оправдались.

ОСАДА МОСКВЫ

Вожди ополчения опасались, что из Смоленска король поведет свою армию на Москву. Но король после занятия Смоленска уехал в Польшу. Завершение восточной кампании он намеревался доверить польскому коронному гетману Жолкевскому. Но тот решительно отклонил предложение. Тогда король поручил дело Яну Каролу Ходкевичу, стяжавшему славу одного из лучших полководцев Речи Посполитой. Имея под начальством пять тысяч солдат, он наголову разгромил восьмитысячное шведское войско в Ливонии. Командовавший армией Карл IX едва избежал плена.

Узнав о приближении армии Ходкевича, казаки Заруцкого предприняли штурм и ворвались в Китай-город. Огромное превосходство в артиллерии и первоклассные крепостные укрепления позволили Гонсевскому отразить приступ. Однако дисциплина в наемных войсках рухнула, и гетман расформировал отряд немецких рейтар, деморализованных мародерством.

Предвкушая близкую победу, Ходкевич мечтал о дипломатическом триумфе. Царскую корону он надеялся сложить к ногам короля в качестве военного трофея. Гетман плохо знал страну, в которой ему пришлось воевать. Даже запуганная Гонсевским Семибоярщина отказалась короновать Сигизмунда III.

Литовский гетман нисколько не сомневался в том, что разношерстное и терзаемое внутренними раздорами ополче-

ние не сможет противостоять его закаленной в боях армии. Но он не учел того, что теперь ему противостоял вооруженный народ. В сентябре войско Ходкевича обрушилось на казачий острожек на Яузе, но было отбито с большими потерями.

Планы Сигизмунда III потерпели крушение. Русское освободительное движение одержало победу.

Гетман пытался пресечь мародерство в гарнизонных частях. Он примерно наказал нескольких наемников-немцев. Его приказ едва не вызвал бунт. От намерения навести порядок в войсках пришлось отказаться. Ходкевич пополнил московский гарнизон и довел его численность до двух с половиной тысяч. Части, охваченные волнениями, получили разрешение покинуть Москву.

Блокада обрекла солдат гарнизона на голод. Казалось, что земским людям надо сделать последнее усилие и изгнать неприятеля из Кремля. Однако и земское ополчение израсходовало свои силы и ресурсы.

Вопреки легендам гибель Ляпунова не привела к повальному бегству дворян из-под Москвы. Даже сын Прокофия счел безопасным для себя остаться в таборах после гибели отца. Но осенью дворяне начали разъезжаться по домам. Таяло поместное ополчение, и вместе с тем рушился фундамент, на котором зиждилась власть земского дворянского правительства.

Изменилось само лицо «Совета всея земли». Погиб Ляпунов, который был душой его. Погибли или разъехались многие из его сподвижников. По численности казацкие полки теперь далеко превосходили дворянские отряды. Преобладание казацких элементов в ополчении неизбежно сказалось на составе руководства.

Как самый знатный из земских бояр, князь Дмитрий Трубецкой числился главой ополчения, как и при Ляпунове. Но всеми делами при нем распоряжался вездесущий Заруцкий. Он стал подлинным главой земского правительства. Земский совет все больше обретал черты казацкого круга.

К концу зимы в освобожденных кварталах столицы начался голод. Вслед за дворянами потянулись на зимовье в дальние волости казаки. Боевые действия в Москве замерли до весны.

Тем временем в Пскове произошли события, грозившие развалить земское движение. Псковичи отказались присягнуть на верность царю Владиславу. Прошло некоторое время, и на Псковщине появился новый самозванец — Лжедмитрий III.

ЛЖЕДМИТРИЙ III

Кем он был, неизвестно. Русские летописи называли его то Матюшкой, то Сидоркой. Говорили, что он жил в Москве, откуда бежал в Новгород. Там он занялся мелкой торговлей, но быстро разорился и стал просить милостыню. Пребывая в крайней нужде, Матюшка собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское» имя. Толпа осыпала новоявленного царя бранью и насмешками.

Самозванец бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев. Они приняли «царя» и три дня палили из пушек в честь долгожданного спасителя.

Простым людям «царек» казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым по характеру и находчивым краснобаем. В самом деле, «вор» без устали повторял всем желающим историю своего спасения. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он — жив и невредим стоит перед всеми.

Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры с псковичами.

Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как в Пскове. Подняв восстание против царя Василия Шуйского, «меньшие» люди изгнали из

города воевод, дворян и лучших людей. После свержения Шуйского Семибоярщина так и не смогла добиться покорности от псковичей. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава.

Находившиеся в Пскове казаки пригласили Лжедмитрия III в город. Но псковичи не сразу открыли перед ним ворота. В сентябре 1611 года стало известно о приближении шведских отрядов и ополчения новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков.

«Меньшие» люди Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли предложение о сдаче. «Новгородское государство» тщетно убеждало псковичей последовать его собственному примеру и отдаться под покровительство Швеции.

Шведские наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Но псковичи отбили приступ.

Вскоре псковская земля подверглась нападению войск Ходкевича, прибывших из Ливонии. Гетман не забыл о поражении короля Батория у стен Пскова и не отважился атаковать город. Зато его войска в течение полутора месяцев осаждали Псково-Печорский монастырь. Не добившись успеха, гетман отступил.

Псков давно заявил о поддержке земского освободительного движения. В помощь псковичам «Совет всея земли» послал воеводу с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единомышленников. Шведы получили достоверные сведения о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана Дмитриевича. Но царевич был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении Дмитрия в новгородских пределах вызвала возбуждение среди казаков. Легковерные люди все больше свыкались с мыслью о спасении сына Грозного. Новооб-

ращенные большой толпой присоединились к отряду, направленному в Псков вождями ополчения.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковская «чернь» пригласила в город нового «вора».

4 декабря 1611 года «царь» прибыл в Псков. Жители устроили ему радушную встречу. Воеводы не имели сил противиться общему порыву. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в Псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Казаки созвали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении Дмитрия. Наконец было решено отправить в Псков особую делегацию для опознания царя.

Лжедмитрий III устроил посланцам ополчения торжественную встречу. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, нисколько не похожий на их прежнего «царика». Но вооруженная стража Матюшки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности «Дмитрия».

Грамота полномочных послов всей земли вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно верили тому, чему хотелось верить. Их добрый царь в который раз вновь спасся от злых бояр.

Последующие события развивались под действием неустойчивых стихийных сил. 2 марта 1612 года казачий круг, на котором присутствовало также много «черных» людей — москвичей, провозгласил государем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казака-

ми принесли присягу на имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы, занимавшие позиции подле Тверских ворот, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

Некогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести их на освобождение Москвы. Присяга Лжедмитрию III разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов, стал свершившимся фактом. Переворот в Москве был осуществлен «черным» людом Москвы и казаками.

С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 года. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груды развалин. С помощью вновь воскресшего «Дмитрия» низы надеялись рассчитаться наконец с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий» били челом государыне Марине Юрьевне и государю царевичу всея Руси Ивану Дмитриевичу. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы посадить на трон «воренка».

Переворот получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, некогда сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато города Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль, Кострома встретили избрание Лжедмитрия III

как незаконный акт, противоречащий воле земли. Земское ополчение пережило трагедию. Сначала казаки убили Ляпунова, а затем признали царем нового самозванца. Известия о событиях в лагере наполнили тревогой сердца осажденных в Кремле людей. В числе последних был и Михаил Романов с дядей.

Власти сочинили легенду, будто поляки теснили старицу Марфу и ее сына Михаила — «во всякой крепости и за приставы крепкими держали». Окружать их стражей не было никакой нужды. Романовым попросту некуда было бежать.

Появление на арене Лжедмитрия III укрепило намерение кремлевских сидельцев любой ценой посадить на московский трон царя Владислава.

ВТОРОЕ ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

Еще в августе 1611 г. посадские люди Казани и Нижнего Новгорода выработали соглашение и предупредили подмосковные власти, что отвергнут любого государя, посаженного на трон казаками без согласия на то земли. Недоверие к земскому руководству оказалось столь сильным, что посадские миры постановили не пускать к себе казачьи отряды из таборов.

Соглашение между двумя городами послужило прологом к организации второго ополчения.

Нижний Новгород не имел своего епископа и находился в непосредственном ведении патриаршего дома. По этой причине нижегородцы решили обратиться за духовным советом к своему покровителю Гермогену. Они снарядили в Кремль посланца Мосеева с «советной челобитной». Посланец проник в осажденный Кремль к опальному Гермогену, заточенному в Чудов монастырь.

Гермоген внимательно выслушал Мосеева и заявил о поддержке нижегородского почина. Обращение низложенного

владыки к Нижнему Новгороду стало его политическим завещанием. Гермоген просил нижегородцев связаться с казанским митрополитом, рязанским владыкой и иерархами других городов. Когда князья церкви сочинят «учительные грамоты» к земским боярам, тогда их надо собрать воедино. Гермоген заклинал бесстрашного человека Мосеева доставить грамоты под Москву и огласить их, даже если казаки будут угрожать ему смертью. Таким путем глава церкви пытался повлиять на выборы царя и помешать Заруцкому и казакам посадить на трон одного из самозванцев. «Проклятый сын паньи Маринки, — писал в сердцах Гермоген, — на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас».

Мосеев благополучно доставил патриаршую грамоту по адресу.

Нижний Новгород был одним из крупных центров городской жизни. По словам путешественников, там проживало до восьми тысяч жителей. Осенью 1611 года посадский мир собрал сходку и избрал земским старостой Кузьму Минина.

В разгар Смуты выборные посадские люди пользовались исключительным влиянием на дела.

Кузьма происходил из богатой посадской семьи. Его отец держал соляной промысел в Балахне и владел несколькими деревнями. Сам Кузьма жил в Нижнем Новгороде, держал мясную лавку и вел прибыльную торговлю.

Обсуждая изо дня в день положение под Москвой, нижегородцы пришли к выводу, что только созыв нового земского ополчения может решить исход битвы за «царствующий град».

Добровольные пожертвования положили начало сбору средств в фонд нового ополчения. Вслед за тем Минин и его сподвижники провели в жизнь постановление о чрезвычайном военном налоге. Посадский мир утвердил сбор пятой деньги со всех доходов и имуществ «на жалованье ратным людям».

Пост воеводы Второго земского ополчения занял князь Дмитрий Пожарский. В дни восстания в Москве князь был

тяжело ранен, после чего оставался на излечении в своей нижегородской вотчине. Впоследствии воевода, вспоминая былое, говорил, что его к великому делу «вся земля сильно приневолила», а если бы был тогда кто-нибудь из «столпов» вроде боярина Василия Голицына, его бы все держались, а он, князь Дмитрий, мимо боярина за такое дело не принялся бы. Слова насчет боярина служили простой отговоркой. Василий Голицын находился в плену, а прочие «столпы» сидели с поляками в Кремле.

Ядром Второго ополчения стали отряды смоленских детей боярских, лишившихся своих поместий после падения города. Они были приглашены в Нижний. Помимо них Пожарский призвал под свои знамена вяземских и дорогобужских помещиков, стоявших по деревням в нижегородских дворцовых волостях. Военские люди, собравшиеся к 6 января 1612 года, были одарены денежным жалованьем. Щедрость имела свои причины и оправдание. Разоренные помещики были попросту небоеспособны. Надо было как следует вооружить их и посадить на хороших лошадей, прежде чем отправить на войну.

Весть о нижегородском пожаловании вскоре облетела соседние уезды. Служилые люди потянулись на земскую службу.

План Пожарского состоял в том, чтобы возможно скорее собрать отовсюду военные силы и не мешкая отправиться с ратью на помощь к Москве. Осуществление плана, однако, натолкнулось на неожиданные трудности.

Подмосковные бояре и приказные считали, что только они имеют право распоряжаться сбором ратных людей и казны по всему государству.

В письмах к городам нижегородцы сообщали о появлении в Пскове нового «вора» — Лжедмитрия III и о рассылке Мариной Мнишек «смутных грамот» от имени «царевича» Ивана Дмитриевича. До смерти своей, писали земские люди, они не согласятся на избрание псковского «вора» или коломенского «воренка».

Планы Минина и Пожарского приобрели полную ясность и определенность. Сосредоточив в Суздале городские ополчения, они намеревались с их помощью нейтрализовать сторонников самозванных «царей» в казачьих таборах. В Суздале предполагалось созвать новый Земский собор, на котором будет широко представлена вся земля. Представительному собору и надлежало решить задачу царского избрания. «Как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, — писали нижегородцы, — мы всею землею выберем на Московское государство государя, кого нам Бог даст».

До того никто не сомневался, что законного царя можно выбрать только на Москве. Почему Пожарский собирался перенести выборы в древний Суздаль?

Москва была осаждена казаками. Город был истреблен огнем, а «черное» население посада тяготело к союзу с казачьим войском. Вместе казаки и «чернь» составляли военную силу, господствовавшую в столице. Они, таким образом, должны были определить исход выборов.

Минин и Пожарский детально разработали план похода на Суздаль и созыва там собора. Но Заруцкий успел стянуть к Суздалю послушные ему части.

Агитация Заруцкого в пользу «воренка» и посылка делегации к Лжедмитрию III в Псков обострили борьбу внутри ополчения и ускорили размежевание сил. Земское правительство и нижегородский совет готовились вступить в открытое противоборство подобно враждующим братьям. Не сумев занять Суздаль, нижегородцы обратили взоры в сторону Ярославля.

Войско Пожарского насчитывало немногим более тысячи ратников. Воевода надеялся, что прибытие казанской рати сразу удвоит его силы. Но отряды из Казани не прибыли.

Между тем стало известно о появлении в Ярославле казачьих разъездов из Подмоскovie. 23 февраля 1612 года Пожарский отдал приказ о выступлении на помощь ярославцам.

На пути ополченцы узнали о том, что 2 марта казаки, «черные» люди Москвы произвели переворот и избрали на царство псковского «вора» Лжедмитрия III.

Казаки Заруцкого покинули Ярославль, чтобы избежать боя. Нижегородские полки вступили в город под звон колоколов. Никто из людей не предвидел того, что ярославское стояние Пожарского продлится долгих четыре месяца.

ЯРОСЛАВСКИЙ СОВЕТ

Под знамена Пожарского стекались служилые люди. На содержание их требовались средства. Ранее собранные деньги быстро разошлись. Найти средства в разоренной стране оказалось делом трудным, почти невозможным. Финансовая система давно находилась в полном расстройстве. Население, привыкшее к военному грабежу, спрятало имущество и затаилось, видя, что каждая новая власть приносит с собой лишь новые поборы. Жители городов разбредались по деревням. Торговля пришла в упадок.

Переворот в таборах смешал все планы Минина и Пожарского. Надежды на скорое освобождение Москвы рухнули. Пожарский не мог выступить к столице, пока там распоряжались сторонники самозванца. Государевым «изменникам», не желавшим признавать доброго «Дмитрия», грозил суд казацкого круга.

Ярославль стал подлинной Меккой для земских городов, отказавших в поддержке «вору». Замосковные, волжские и поморские посады посылали в Ярославль свои военные силы либо запрашивали к себе воевод с подкреплениями. Ратники Пожарского направились в разные стороны — в Тверь, Владимир, Ростов, Касимов. Они взяли под контроль дороги, связавшие Ярославль с Севером. Поморье стало базой снабжения нового земского ополчения.

Раскол земского освободительного движения привел к распаду территории земщины. Объединив вокруг себя многие города, ярославский Совет поневоле должен был взять на себя управление ими. Нижегородский мещанин Минин

стал душой нового правительства. Его титул звучал необычно и внушительно — «выборный всею землею человек».

В течение короткого времени Минин заново организовал систему управления уездами, отказавшимися признать власть Лжедмитрия III. В Ярославле стали действовать свои приказы. В город стекались дворяне, стрельцы, пушкарки. Воеводы производили смотр вновь прибывшим и определяли им жалованье. Поместный приказ приступил к раздаче земель оскудевшим дворянам.

Новая власть взыскивала налоги повсюду, где было возможно. В Ярославле был организован Монастырский приказ. Монастыри обладали крупными богатствами, и Минин охотно обращался к ним за займами. Большую помощь Второму ополчению оказали солепромышленники Строгановы, предоставившие заем в четыре тысячи рублей. Несколько московских купцов дали тысячу рублей.

Вместе с пожертвованиями Казенный приказ ополчения получил немало серебряных вещей. Кузьма мгновенно оценил ситуацию и устроил в городе Денежный двор. Мастера переплавляли вещи и били монету, которую казна тут же использовала на жалованье ратным людям.

Для решения наиболее важных дел Минин и Пожарский постоянно вызывали к себе выборных. В этих случаях города получали наказ «по всемирному своему совету присылать из всяких чинов людей человека по два (и по три) и совет свой отписать за своими подписями».

Пожарский делал все, чтобы сплотить патриотические силы страны. В состав ярославского Земского собора входили престарелый боярин князь Андрей Петрович Куракин, бояре Василий Морозов, князь Владимир Долгорукий и окольный Семен Головин. Родственники Куракина и Головина входили в Семибоярщину, а сам Долгорукий сидел в Кремле с «литвой» до марта 1611 года.

Членами Совета в Ярославле стали князь Никита Меньшой Одоевский, князь Петр Пронский, князь Иван Черкасский, князь Иван Троекуров, князь Дмитрий Черкасский, братья Шереметевы и другие.

Земское правительство возлагало большие надежды на поддержку со стороны казанцев. Но «Казанское государство» отказалось повиноваться ярославскому Совету земли и вернулось в Казань. Раздор едва не привел к кровопролитию.

Совет стремился ограничить размах военных действий, чтобы сохранить силы для московского похода. Когда стало известно о появлении запорожцев в Старой Руссе и Бежецке, против них был послан князь Дмитрий Черкасский. Запорожцы отступили, а воевода не стал их преследовать. Позднее он был послан против казаков Заруцкого, стоявших в Угличе, и разгромил их.

Минин и Пожарский помнили о судьбе Ляпунова и не помышляли о возрождении триумvirата. Под текстом соборной грамоты князь Дмитрий приложил руку десятым, признав тем самым местническое превосходство девяти других более знатных бояр и стольников. Впрочем, своим «чином» Пожарский мог поспорить с любым влиятельным лицом — «по избранию всей земли Московского государства всяких чинов людей у ратных и у земских дел стольник и воевода князь Пожарский».

В дни ярославского стояния земские люди учредили новый герб. Начиная с Отрепьева самозванцы неизменно выступали под знаменами с двуглавым орлом. Ополчение избрало другую эмблему — льва. Большая земская печать несла изображение «двух львов стоячих», меньшая дворцовая печать — «льва одинокого».

Земский совет, функционировавший в Ярославле, непрестанно повторял в грамотах к городам, что «земля» должна без промедления избрать себе законного царя. «Сами, господа, все ведаете, — писали руководители собора, — как нам ныне без государя против общих врагов — польских, и литовских, и немецких людей, и русских воров стояти? И как нам без государя о великих о земских делах со окрестными государи ссылатися и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно!» Надо спешить, говорили земские люди, чтобы от свалившихся бед Московское государство без государя до конца не разорилось.

Ярославские власти приступили к практической подготовке дела царского избрания. Они предложили городам выработать специальные решения — «приговоры» и прислать их со своими представителями, «чтобы нам (собору) с совету всего государства выбрали, общим советом государя».

Ляпунов обличал Семибоярщину в предательстве и предлагал отбирать у них великие вотчины и поместья. Ярославский Совет возлагал всю вину на изменника Михаила Салтыкова и ни словом не упоминал об ответственности главных бояр. «Ляпунов, — писали члены Совета, — литовских людей в Москве осадил и тесноту им великую учинил». Члены боярского правительства словно бы и не сидели в осаде с «литвой» и не сражались против земских людей. В отличие от Ляпунова второе земское правительство считало, что великих бояр нельзя отстранить от дела царского избрания.

Минин и Пожарский удалили из соборных постановлений об избрании царя все, что могло компрометировать московскую думу.

В поисках кандидата, который мог бы устроить всех, члены Совета обратили взоры в сторону шведского принца.

Митрополит и бояре, сдавшие шведам Новгородский кремль, шли по стопам московской Семибоярщины. Новгородская трагедия повторила московскую. Послы Новгорода Великого выехали в Швецию, чтобы привезти оттуда шведского принца и посадить его на «Новгородское государство». Но их задержали в Стокгольме на полгода. В Швеции на трон взошел Густав II Адольф. Делагарди клялся, что шведское правительство во исполнение договора немедленно пришлет в Новгород принца Карла Филиппа. Но Густав Адольф, подобно своему двоюродному брату Сигизмунду III, желал сам занять русский трон. В начале марта 1612 года он обескуражил новгородцев сообщением о том, что вскоре лично прибудет в Новгород и постарается найти средства к умиротворению Русского государства. Густав ни словом не упомянул об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа. Власти Новгорода были встревожены перспективой превращения их «государства» в шведскую про-

винцию, оккупированную коронными войсками. Вмешательство Густава Адольфа испортило игру, которую вел Делагарди. Ему потребовалось немало времени, чтобы успокоить встревоженных новгородцев.

Военачальники Густава Адольфа действовали в Новгороде совершенно так же, как полковники Сигизмунда III в Москве. Они щедро жаловали боярам земли за измену собственному народу. Главный воевода князь Иван Одоевский получил от Делагарди огромный погост с 4500 четвертями пашни неподалеку от самого Новгорода.

Новгородские верхи вскоре оказались в полной зависимости от шведских военных властей. Бояре и митрополит слезно упрашивали Делагарди не отлучаться из Новгорода. В противном случае, говорили они, неизбежно возникнет раздор между войском и народом, некому будет подавлять «смуты», и народ отпадет от Швеции.

Бояре помогли шведам утвердить свое господство на всей обширной территории Новгородской земли. Где не действовали уговоры, шведы пускали в ход оружие. В разных концах «Новгородского государства» гремели выстрелы и лилась кровь. Брошенные на произвол судьбы, пограничные замки не могли выстоять в одиночку. Пали Орешек и Ладога. Угроза шведского завоевания нависла над русским Поморьем.

Угроза со стороны шведов носила реальный характер, и земскому правительству пришлось взяться за укрепление обороны северного края.

Война со Швецией могла разразиться со дня на день. Швеция и Речь Посполитая на время отложили свои споры из-за Ливонии. Покидая Ливонию, Ходкевич заключил перемирие со шведами. Недавние смертельные враги спешили использовать бедственное положение России, чтобы завершить раздел пограничных русских территорий.

Ляпунов вел переговоры об избрании шведского принца, чтобы заручиться военной помощью Швеции. Пожарский ставил более скромную цель. Он понимал, какую опасность для земского освободительного движения таит в себе

перспектива одновременной борьбы с Речью Посполитой и Швецией.

Второе земское ополчение не могло начать поход на Москву, пока существовала непосредственная угроза захвата шведами русского Севера. Утрата Севера лишала ополчение главной базы снабжения.

Чтобы нейтрализовать угрозу с тыла и избежать столкновения со Швецией, Пожарский прибегнул к сложной дипломатической игре. Ярославский Совет снарядил в Новгород посла Степана Татищева, а с ним 15 членов Земского собора — представителей главнейших русских уездов.

Русское государство стояло на грани распада и гибели. Земским дипломатам приходилось пускаться во все тяжкие, чтобы добиться союза или хотя бы перемирия с соседями. Очевидная слабость их позиций отнимала надежду на успех. Единственным козырем в их игре оставался вопрос о замещении царского трона. Не слишком опытные дипломаты пускали в ход этот козырь неоднократно.

Памятуя о фатальной неудаче Ляпунова, Пожарский избегал прямых переговоров со Швецией, зато использовал посредничество новгородцев. В Новгороде посол Татищев постарался уверить руководителей «государства», будто избрание на трон крещеного шведского принца является для ярославского Совета вопросом почти что решенным. Земские вожди писали, что, как только они узнают о содержании новгородского договора, о его соблюдении, о решении перекрестить принца, тогда они, обсудив дело с новгородскими представителями, пошлют к королю послов от всей земли бить челом о «государе королевиче» и примут необходимые постановления «о государственных и о всяких земских делах».

Как бы мимоходом Татищев потребовал, чтобы новгородцы не предлагали более северным и поморским городам присоединиться к своему «государству» без ведома ярославского Совета.

Татищев удачно завершил трудные переговоры и 1 июня 1612 года вернулся в Ярославль. Он без обиняков заявил,

что от Новгорода нечего ждать добра. Если бы Совет предал гласности достоверную информацию о шведском вторжении и захватах, дальнейшие дипломатические переговоры с Новгородом стали бы невозможны. Земское руководство понимало это и обнародовало ложный отчет о посольстве. «Степан Татищев, — объявил Совет, — в расспросе сказал, что в Великом Новгороде от шведов православной вере никакой порухи, а христианам никакого разорения нету: все живут безо всякой скорби; принц же Карло по прошению Новгородского государства будет в Новгороде вскоре, а дается на всей воле Новгородского государства людей».

10 июня Пожарский известил города о начале переговоров с Новгородом и просил незамедлительно прислать в Ярославль «для общего земского совета из всяких чинов человека по два и по три» с наказом об избрании царя «всею землею, кого Бог даст». Новгородские власти прислали в Ярославль полномочных представителей во главе с князем Федором Оболенским и дядей первого самозванца Смирным-Отрепьевым.

Во время переговоров с новгородскими послами князь Дмитрий Пожарский категорически отверг мысль о снаряжении Земским собором послов в Стокгольм и прямых переговорах со шведским королем. Москва, заявил он, уже посылала послов за польским королевичем, но все они томятся на чужбине в литовском плену. Когда шведский принц прибудет в Новгород и переменит веру, тогда ополчение готово начать переговоры «о соединенье» с «Новгородским государством», а иноверного принца земля Русская не примет.

На этот раз Пожарский четко и недвусмысленно выразил свое отношение к новгородско-шведскому договору. Сигизмунд, заявил Пожарский, хотел дать на царский престол сына своего, манил с год и не дал; а теперь вы (новгородцы) знаете, что делают ляхи с Московским государством. «Шведский Карлус король, — закончил свою речь князь, — также на Новгородское государство хотел сына своего отпустить вскоре, да по ся места, уже скоро год королевич в Новгороде не бывал».

Князь Дмитрий письменно предупредил новгородцев, что Земский собор согласен ждать лишь до исхода лета. Если шведский королевич не прибудет в Новгород к концу лета, тогда люди во всех русских городах придут в сомнение, потому что «великому государству без государя долгое время стоять нельзя».

Поскольку шведская королевская семья не помышляла ни об отпуске в Новгород принца Карла Филиппа, ни о его крещении в православие, переговоры между Ярославем и Новгородом носили беспредметный характер. Речь шла о том, какая сторона извлечет больше выгод из дипломатической дуэли.

26 июля 1612 года новгородские послы были отпущены из Ярославля с поручением заключить формальное перемирие с «Новгородским государством».

Едва угроза шведского вторжения была устранена, Пожарский немедленно выступил с главными силами к Москве.

СУДЬБА ЦАРСКИХ СОКРОВИЩ

Войска Сигизмунда III удерживали смоленскую дорогу. Но в зимнее время передвижение по ней затрудняли как снежные заносы, так и действия многочисленных русских партизан — «шишей».

Трудная зима ослабила силы вражеского гарнизона в Москве. Терпя недостаток в продовольствии, ежедневно теряя людей, наемное войско роптало и отказывалось повиноваться своим командирам.

Летом 1612 года Гонсевский бежал из сожженного и разграбленного им города. Перед тем как покинуть Кремль, он потребовал, чтобы Мстиславский полностью рассчитался с «рыцарством» за два года службы. Его солдаты обшарили весь Казенный приказ.

Чтобы удержать наемников в Москве, польское командование несколько раз объявляло о повышении их жалованья. Оклады достигли фантастических размеров. Помощники Гонсевского сделали помету в ведомости казенного расхода: «Гайдукам счесть по триста рублей в месяц...» Прежде казна выплачивала по триста рублей только немногим членам Боярской думы, притом не на месяц, а на год. Но солдаты распоряжались в Москве как в завоеванном городе.

Когда из сокровищницы нечего было больше взять, наемники взялись за дворец, усыпальницу московских государей и монастыри.

Солдаты изыали из сокровищницы царские регалии и разделили их между собой. На долю Гонсевского и солдат, покидавших Россию, достались две самые богатые короны. Одна принадлежала Борису Годунову, а другую начали делать для Отрепьева, но не успели закончить.

«Шапку» Годунова украшали два огромных камня, сверкавших искусно отшлифованными гранями. Корону Отрепьева украшал алмаз необыкновенной величины. В гнезде над алмазом красовался редчайший изумруд.

Боярское правительство не смело перечить Гонсевскому и поневоле согласилось передать вещи солдатам впредь до выплаты жалованья. Московский договор не предусматривал вывоза царских регалий за границу. Однако Гонсевский, покидая Москву, придрался к тому, что казна не полностью расплатилась с его солдатами, и объявил, что заберет регалии с собой на границу. Пусть бояре пришлют деньги вдогонку на рубеж, сказал он, и залог будет возвращен. Полковник вовсе не намерен был выпускать из рук сокровища. После вывоза за границу солдаты поделили сокровища между собой. Короны и прочие вещи были разломаны на части. Самый крупный камень с царских венцов, а также золотой царский посох присвоил себе Гонсевский.

Заруцкий зорко следил за тем, что происходило в стане врага, и использовал первый же подходящий момент, чтобы перейти от обороны к наступлению. Несколько тысяч казаков и ратных людей предприняли штурм Китай-города. Но

прорвать неприступную линию укреплений им не удалось. Штурмующие понесли огромные потери.

Подмосковные таборы были обескровлены. Они не могли своими силами освободить Кремль. Но у Заруцкого были свои счеты с Ярославлем, и он пытался добиться решающего успеха до подхода Минина и Пожарского.

Переворот в пользу Лжедмитрия III посеял рознь и смуту в самом подмосковном лагере. Боярин Трубецкой и окружавшие его дворяне, оправившись от испуга, пытались организовать тайный заговор против самозванца. Пожарский не доверял Трубецкому и отверг его обращение. Он понимал, что немедленное выступление против казачьего «царька» сплотит сторонников самозванца и усугубит смуту.

Своей агитацией в пользу коломенского «воренка» атаман Заруцкий сам подготовил почву к успеху Лжедмитрия III. Но «вор» готовился прибыть в столицу и предъявить права на Марину Мнишек в качестве ее супруга и отца ребенка.

До сих пор атаман пользовался безраздельным влиянием на Марину Мнишек. «Царица» видела в нем свою последнюю опору. Воскрешение «законного» супруга грозило ниспровергнуть все достижения атамана. Но он был не таким человеком, чтобы без борьбы уступить власть неизвестному бродяге.

Впрочем, не одни только личные мотивы побуждали атамана отказать в поддержке новому «царьку». Заруцкий понимал, что попытка навязать стране псковского «вора» может окончательно погубить власть первого земского правительства.

В апреле 1612 года ополчение прислало в Псков боярина Ивана Плещеева с посольством, чтобы окончательно «досмотреть», истинный ли это государь.

Плещеев повел дело с большой осторожностью. Не желая рисковать головой, он, будучи допущен к руке «царя», громогласно признал его истинным Дмитрием. В течение месяца бывший тушинский боярин усердно разыгрывал роль преданного слуги, а тем временем тайно готовил почву для переворота.

Воздвигнув в Пскове призрачный трон, «царек» усвоил все повадки своих предшественников. Он спешил взять от жизни все что можно, бражничал и предавался разврату.

Недовольных в Пскове было более чем достаточно, и Плещееву удалось втянуть в заговор несколько старших воевод, много дворян и торговых людей.

18 мая самозванец был разбужен в своем доме посреди ночи. Кто-то ломился к нему в ворота. «Вор» бежал из крепости, но был схвачен и посажен «в палату» под стражу.

В начале июня 1612 года Совет Первого ополчения постановил считать присягу псковскому «вóру» недействительной. Недолгому «царствованию» лжецаря Матюшки пришел конец.

В таборах казаки не дали казнить «вора», а посадили его на цепь для всеобщего обозрения.

Без отлагательства подмосковный Совет снарядил в Ярославль послов, и известили Пожарского о низложении Лжедмитрия III. Совет предложил ярославскому правительству немедленно объединиться «во всемирном совете», чтобы избрать царя всем вместе сообща.

Обращение подмосковных властей вызвало разногласия в Ярославле. Одни настаивали на соглашении с таборами, другие категорически возражали против союза с атаманом Заруцким.

После «воцарения» Лжедмитрия III Совет земли сжег все мосты к примирению с вождем казаков, публично заклеив его как убийцу Ляпунова.

Какими бы извилистыми путями ни шел Заруцкий, его заслуги перед освободительным движением были неоспоримы. Он сумел сплотить казачьи таборы и вдохнуть в них веру в победу. Более года казаки держали в осаде некогда грозного врага. Мертвой хваткой вцепились они в московскую землю, и никакие потери не могли сломить их.

Загнанный в угол, Заруцкий подослал в Ярославль казаков с приказом убить Пожарского. Покушение не удалось.

Авантюра Заруцкого обернулась против него самого. Почва под его ногами заколебалась. Атаман давно уже не по-

лагался на своего сотоварища Трубецкого, который вел за его спиной переговоры с Ярославлем.

Ходкевич знал о затруднениях Заруцкого и задумал толкнуть его на предательство. В земский лагерь явился лазутчик и передал атаману письмо от гетмана. Заруцкий не дал ответа полякам. Но при этом он не только не арестовал лазутчика, но и позволил ему остаться в таборах как бы на земской службе. Он решил сохранить возможность тайных сношений с поляками. Но тайное стало явным. Лазутчик поделился своими секретами с несколькими поляками, находившимися на земской службе. Один из них, ротмистр Хмелевский, подал донос Трубецкому и членам подмосковного Совета. Лазутчика арестовали и погубили на пытке, чтобы замять дело. Хмелевскому пришлось бежать в Ярославль к Пожарскому. Но толки о великой измене вождя больше не прекращались ни на день.

Прошло время, когда казаки многое прощали своему предводителю за его отчаянную храбрость и везение. По законам вольного казачества выборный атаман считался первым среди равных. Некогда все так и было. Но со временем от равенства не осталось и следа. Казаки провели суровую снежную зиму в наспех вырытых землянках. Они жили впроголодь и вовсе обносились. Их же вождь не только не знал нужды, но использовал трудную годину для беззастенчивого обогащения. За особые заслуги Заруцкий добился пожалования ему во владение обширной Важской земли, некогда принадлежавшей правителю Борису Годунову. Атаман метил в правители при малолетнем «царевиче» Иване и его матери. Став великим господином, атаман усвоил истинно боярские манеры.

Вести о передвижении Ходкевича заставили Пожарского отдать приказ о выступлении в поход.

Благословение земские воеводы получили от митрополита Ростовского Кирилла, а это значит, что пленный митрополит Ростовский Филарет, представлявший на переговорах с поляками Семибоярщину, лишился своего сана. Не

могло быть двух святителей на одной епископской кафедре, как не могло быть двух московских патриархов.

В середине июля к Москве были посланы четыре сотни конных дворян. Выступление войска из Ярославля ускорило раскол, давно назревавший в подмосковных таборах.

Заруцкий приказал казакам сняться с лагеря и отступить по коломенской дороге. За ним последовало более двух тысяч человек.

Вскоре же к Москве подошли воеводы из Ярославля. Борьба за освобождение Москвы вступила в заключительную фазу.

СРАЖЕНИЕ ЗА МОСКВУ

Пожарский понимал, сколь важно добиться от таборов согласия на создание объединенного командования до похода к Москве. Армия не могла иметь сразу двух главнокомандующих. Рознь бояр грозила погубить дело. Но переговоры с Трубецким не дали результата.

Русские ждали удара с запада, где начиналась большая смоленская дорога. На самом опасном направлении Пожарский и расположил свой полк.

Гетман Ходкевич учел опыт предыдущих боев и постарался укрепить свою армию пехотой. Король Сигизмунд прислал ему в подкрепление полторы тысячи солдат. В наступлении приняли участие около восьми тысяч запорожских казаков.

Ходкевич поддерживал постоянную связь с командирами осажденного гарнизона. В решающий момент они должны были нанести русским удар с тыла.

С Трубецким в таборах осталось не более трех-четыре тысяч ратников и казаков. Нет никаких точных данных насчет численности ярославской рати. Судя по тому, что передовые силы Пожарского не превышали тысячи чело-

век, армия в целом насчитывала едва ли более десяти тысяч воинов.

Полк Трубецкого расположился в районе Крымского двора, выдвинув дозоры к Донскому монастырю. Пожарский направил свои разъезды к Новодевичьему монастырю.

Поутру 22 августа конница Ходкевича переправилась через Москва-реку под Новодевичьим монастырем. Навстречу гетману устремилась конница Пожарского. Гетман ввел в дело пехоту. Не выдержав натиска, дворянские сотни отступили.

После полудня Ходкевич ввел в бой все свои силы, пытаясь прорвать русскую оборону в районе Тверских ворот и на Арбате. Стрельцы, засевшие во рву и на стенах Каменного города, вели убийственный огонь по наступавшим. Те понесли тяжелые потери и прекратили атаки.

Бой вступил в критическую фазу, когда Струсь предпринял вылазку и ударил в тыл ополчению у Алексеевской башни и Чертольских ворот. Пожарский давно ждал этого удара и для отражения его держал большое число стрельцов на внутреннем кольце обороны.

Деморализованные осадой и голодом, гарнизонные роты дрались вяло и бежали в крепость под ударами русских.

Сражение у стен Кремля продолжалось. Ходкевичу удалось отсечь часть русского войска и прижать его к берегу Москва-реки. Отрезанные от своих, ратники пытались спастись, переплыв реку. Их появление вызвало растерянность в ставке Трубецкого.

Накануне битвы Пожарский прислал в Замоскворечье несколько сотен. Их командиры настаивали на том, чтобы оказать помощь ярославскому ополчению. Но Трубецкой отклонил их требования. Не отличаясь храбростью, боярин думал исключительно о том, как бы уберечь от поражения свое войско. Дворянские сотни, однако, отказались подчиниться приказу воеводы. Они начали переправу.

Трубецкому не удалось удержать в повиновении и казаков. Не обращая внимания на его приказ, четыре казачьи сотни покинули Крымский двор и переправились за Моск-

ва-реку вслед за дворянскими сотнями. Появление свежих сил численностью около тысячи человек решило исход битвы. Подвергшись внезапному удару с фланга, Ходкевич прекратил атаку и поспешил вывести из боя свои силы. Потери с обеих сторон были огромные.

Ходкевич отступил за Новодевичий монастырь и разбил там лагерь. Ему на помощь пришли московская Семибоярщина и ее приспешники. В ставку к гетману явился дворянин Григорий Орлов, который взялся провести польский отряд в Кремль. Под покровом ночи пятьдесят гайдуков вышли из лагеря и, обойдя места, где располагались казачьи караулы, прошли в глубь Замоскворечья к Егорьевской церкви. Перед рассветом гайдуки, получив поддержку из крепости, с нескольких сторон атаковали стоявший на их пути казачий острожек. Застигнутые врасплох, казаки не смогли отбиться от неприятеля.

Трубецкой не придавал должного значения известию о появлении польской пехоты в его тылу и не пытался вернуть острожек. Его беспечность ободрила гетмана. 23 августа Ходкевич перенес свой лагерь к Донскому монастырю и стал готовиться к тому, чтобы нанести удар по Замоскворечью.

В Замоскворечье русские располагали слабыми позициями. Стены Деревянного города сгорели до основания. На пожарище от Большой Ордынки до церкви Святого Климента располагался казачий острожек. Второй острожек, прикрывавший позиции казаков со стороны Кремля, оставался в руках поляков.

Накануне решающего сражения Пожарский разделил свои силы. Часть сил он переправил в Замоскворечье, другой поручил оборону Крымского брода.

На рассвете 24 августа Пожарский выслал против гетмана конные сотни. Они завязали бой с польской конницей и запорожцами на поле между Донским монастырем и Земляным городом. Трубецкой повел наступление с другой стороны, но действовал вяло и нерешительно.

Это позволило Ходкевичу бросить против Пожарского большую часть своих войск. Чтобы сдержать натиск непри-

ятеля, Пожарский ввел в дело все свои силы. Но успех сопутствовал полякам. Прижатые к реке, русские сотни стали в беспорядке отступать через Крымский брод на левый берег Москва-реки.

Гетману, однако, не удалось развить успех. На переправе путь ему преградил Пожарский со своим полком.

Пока на правом фланге земское ополчение вело кровопролитный бой, отряды Трубецкого на левом фланге понесли потери и отошли к Большим Лужникам. Поляки приступили к штурму центральной позиции русских подле Серпуховских ворот.

Ходкевич принужден был прекратить бой в районе Крымского брода и направил отряды к Серпуховским воротам, с тем чтобы пробиться к Кремлю по Большой Ордынке.

После упорного пятичасового боя поляки захватили казачий острожек на Ордынке и открыли себе путь в Кремль. Не теряя времени, Ходкевич тут же ввел в Замоскворечье повозки с продовольствием для осажденного гарнизона. Огромный обоз, включавший более четырехсот повозок, заполнил всю Ордынку.

Выбитые из острожка русские ждали благоприятного момента, чтобы возобновить бой. Когда поляки вывесили хоругвь на Климентовской церкви, казаки не стали терять времени.

Подобравшись к острожку, они подняли сильную ружейную пальбу. Испуганные лошади опрокидывали телеги, сбивали с ног людей. Пользуясь общим замешательством, казаки ворвались внутрь укрепления.

Наемники повернули вспять и попытались пробиться к ставке гетмана.

После полудня в боевых действиях наступила длительная пауза. Потери подорвали боевой дух наемных солдат. Гетман не решился ввести в бой уцелевшие роты.

С наступлением вечера Пожарский атаковал поляков в Замоскворечье. Возглавить атаку вызвался Кузьма Минин. После недолгого смотра он отобрал три дворянские сотни, менее других потрепанные в утреннем бою. С небольшими

силами он перешел вброд Москва-реку и напал на роты противника у Крымского двора. Атака явилась полной неожиданностью для наемников, и они обратились в бегство.

Ходкевич не надеялся более на успех. Он лишь предпринимал отчаянные попытки к тому, чтобы спасти с трудом снаряженный обоз.

В сумерках Ходкевич отступил к Донскому монастырю. Его кавалерия провела ночь в седле, ожидая новых атак. Позже гетман перенес лагерь на Воробьевы горы, а оттуда ушел по смоленской дороге на литовский рубеж. Отступление Ходкевича обрекло на гибель гарнизон, засевший в Кремле.

ВЕЛИКИЙ ГРАБЕЖ

Земское ополчение добилось победы, сражаясь бок о бок с казацкими таборами. Но едва бои стихли, раздор между ополчениями возобновился. Благодаря стараниям Минина земские люди не испытывали недостатка в продовольствии и одежде. Совсем иное положение сложилось в казачьих сотнях. Там царилла нужда. Полтора года провели казаки в осадных землянках. Деньги им выдавали не слишком исправно, а потом и вовсе перестали платить. Пока стояли жаркие дни, ратники могли биться «наги и босы». Но подули осенние ветры, надвинулись холода, и казаки заволновались. Затруднения с хлебом поставили их в невыносимое положение. Понуждаемые голодом, казаки стали силой отбивать обозы, направлявшиеся в ополчение из разных мест.

Двум земским правительствам трудно было ужиться в одном стане. Дворяне, засевшие в Кремле, предсказывали развал освободительной армии.

В дни боев под Москвой князь Дмитрий Трубецкой подтвердил репутацию бездарного военачальника. Победу добыл Пожарский. Но родовитый Трубецкой и слышать не

желал о признании авторитета неродовитого стольника. Более того, боярин стал настаивать на том, чтобы Пожарский подчинялся всем его приказам. Троицкие монахи предложили свои услуги, чтобы примирить соперничавших воевод.

Архимандрит Дионисий обратился к «двум князем Дмитрием» с обширным посланием. В нем он поминал всех святых и многословно убеждал воевод соединиться: «О благочестивые князи Дмитрие Тимофеевич и Дмитрие Михайлович! Сотворите любви над всею Российской землею, призовите в любовь к себе всех любовью своею».

Повсюду крепло убеждение, что лишь полное объединение всех воинских сил может обеспечить победу. Переговоры между представителями Земского совета и таборов продолжались несколько дней, прежде чем стороны достигли согласия. Трубецкому пришлось пожертвовать своими амбициями. Он не настаивал более на том, чтобы Пожарский ездил к нему в ставку и там выслушивал его распоряжения. Приговор о создании единого командования предписывал воеводам основать ставку на новом месте — у Неглинной на Трубе. Там был выстроен новый Разрядный приказ.

В последних числах сентября Трубецкой и Пожарский известили города о том, что ныне они объединили свои усилия, подчинившись приговору всех чинов людей. Речь шла о возрождении триумvirата в новом составе. «Ныне, — писали воеводы, — меж себя мы, Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский, укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства достигать».

Имя Трубецкого писали первым. Номинально он сохранил пост главнокомандующего. На деле его влияние не стало большим, чем было. Триумвиры формально не участвовали в выработке примирительного соглашения. Не они, а соборные чины поставили подписи на договоре.

Объединение рати принесло поражение бывшим тушинским боярам. В грамотах к городам Пожарский клеймил как «старых заводчиков зла» князя Григория Шаховского, Ивана Плещеева и других. Никто из них не подписал примирительной грамоты.

Еще в начале сентября Пожарский обратился к польскому гарнизону Кремля с предложением о сдаче. Он указывал на то, что положение осажденных безвыходно, рассчитывать на помощь после разгрома Ходкевича им не приходится и их ждет голодная смерть.

Обращение русского командования было выдержано в почтительных тонах. Оно начиналось словами: «Всему рыцарству князь Дмитрий Пожарский челом бьет!» Наемники не оценили вежливости русских. Они ответили заносчиво и грубо. «Впредь не обращайтесь к нам со своими московскими сумасбродствами, — писали полковники, — а лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей, пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп знает церковь, Кузьма пусть занимается своей торговлей!»

Командование гарнизона решительно отклонило предложение о сдаче, ссылаясь на свою неколебимую верность Сигизмунду и истинно рыцарские подвиги во имя бессмертной славы.

Что всерьез волновало солдат и определяло их действия, так это судьба московских сокровищ. Гонсевский увез в Польшу самые дорогие короны. В залог неоплаченного жалованья оставшиеся в Москве роты удержали «нужные при коронации регалии этого государства и другие драгоценности». Действительно, на долю «рыцарей», оставшихся в Кремле, достались вещи вроде шапки Мономаха и нескольких других венцов Грозного.

Московская сокровищница должна была стать после коронации Владислава его собственностью. Но наемное войско разграбило ее. В письмах Сигизмунду III солдаты намекали, что он не сможет обойтись без царских регалий при коронации сына, и предлагали своему государю «приказать выкупить их у нас уплатой причитающихся нам денег». Такова была цена верности наемников королю.

Обедневшая шляхта, продававшая свое оружие тому, кто больше заплатит, расхитила сокровища, которые прежде она не видела даже издали. Не преданность королю, а алчность

удерживала их от капитуляции. Сдача привела бы к мгновенной утрате всех несправедливо добытых богатств.

Семья Михаила Романова пережила осадное время в Кремле с первых до последних дней. Испытывали ли они голод? Едва ли. Но нужда постучала и в их двери. Жизнь в ссылке при Борисе теперь должна была показаться им идиллией.

Романовы оставались на своем подворье. Но даже самые прочные стены не могли отгородить их от бедствий, обрушившихся на осадных сидельцев.

Голод в Кремле приобрел катастрофические масштабы к началу сентября 1612 года. Цены на продукты поднялись неслыханно. Воловью шкуру продавали за полтора, а потом за три рубля. Хлебец стоил более трех рублей. Со временем хлеб исчез, и за лепешку с лебедой давали около рубля. Голодающие съели всех собак и кошек.

С 4 сентября начали умирать с голода солдаты, переброшенные в Кремль гетманом. Они прибыли без запасов и без денег и фактически были брошены полковниками на произвол судьбы. По словам очевидцев, новая пехота почти вся вымерла в первые недели голода. В начале октября выпал снег, и сохранившиеся кое-где трава и корни оказались погребены под снежными сугробами. Даже мышь считалась теперь большим богатством, а за дохлую ворону платили около рубля.

Стремясь предотвратить окончательную гибель гарнизона, полковники прибегли к мерам, поразившим даже выдавших виды мародеров. Они распорядились вывести из тюрем всех пленных, забить их насмерть и отдать на съедение гайдукам.

Начав с пленных, солдаты, обезумевшие от голода, стали убивать друг друга. Полковник Будила пометил в своих записках, что в дни ужасного голода его «пехота сама себя съела и ела других, ловя людей». Признание это тем более важно, что оно исходило от одного из командиров осажденного гарнизона.

Пополненный гайдуками польский гарнизон насчитывал около трех тысяч человек. Спустя два месяца в нем осталось не более полутора тысяч человек, но и те утратили боеспособность.

Гонсевский требовал, чтобы патриарх Гермоген отлучил от церкви вождей нижегородского ополчения. Но глава церкви отлучил «окаянных московских изменников». В наказание он был заточен в подземную тюрьму в Чудовом монастыре. Его сторожили приставы. Когда Гермоген умер, повсюду распространились слухи, что первосвященника утомили мученической смертью. Но наибольшего доверия заслуживает версия «Сказания о пресвятейшем Гермогене». Автор Сказания знал точную дату смерти патриарха — 17 февраля 1612 года — и рассказал о его последних днях с наибольшими подробностями. Патриарх умер от голода, хотя ему и не было отказано в пище. Приставы доставляли мученику «на неделю сноп овса и мало воды». Гермогену минуло восемьдесят лет, и его физические силы были истощены. Он не выдержал тюремного заключения.

Смерть Гермогена произвела сильное впечатление на осадных сидельцев. Гибель пастыря нанесла удар честолюбивым замыслам Романовых.

Первоначально командование гарнизона старалось удержать в Кремле членов семей бояр, дворян и гостей в качестве заложников. Но когда в крепости усилился голод, полковник Струсь решил избавиться от лишних ртов.

В операции участвовал сам Струсь с наемными солдатами, а из русских — думный дворянин и казначей Федор Андронов и думный дворянин и ловчий Иван Безобразов.

Они обходили русские дворы в Кремле и Китай-городе и повсюду проводили обыск. Покидая дом, агенты Семибоярщины уводили с собой престарелых мужчин, женщин и детей.

Польское командование объявило о повсеместной реквизиции продовольствия. Дело не ограничилось продовольствием. В обстановке страшного голода те, за кем стояла сила, творили любые беззакония. Лица, проводившие обыс-

ки в домах, забирали вместе с продуктами золото, серебро, жемчуг, парчу и прочие ценности.

После смерти Гермогена его преемником стал грек Арсений, служивший при царских гробах в Архангельском соборе в чине архиепископа. Арсений служил Гонсевскому не за страх, а за совесть. Он побуждал к сдаче защитников Смоленска, сыпал проклятия на головы земских людей. Пришел день, когда грек с горечью записал в своем дневнике: «Староста Струсь с воинами и с русскими с Федором Андроновым и Иваном Безобразовым изгнали из Москвы всех немощных — старцев, жен, мальчиков и девочек, отняли у русских всякий провиант, вещи — серебро, золото, одежды золототканые и шелковые, отняли все доходы и у блаженнейшего архиепископа архангельского и немало вещей и денег».

Невзирая на заслуги перед поляками, глава церкви Арсений подвергся насилию и грабежу.

Лишь немногие из русских бояр осмелились протестовать против произвола поляков. Известно, что под стражу был взят член Семибоярщины князь Иван Васильевич Голицын. Но дисциплина в польском гарнизоне давно рухнула, и верные слуги царя Владислава дрожали за свою жизнь.

Мародеры не оставили в покое даже главу Семибоярщины. Двое солдат пробрались в дом Мстиславского и в поисках пищи перевернули там все вверх дном. Боярин принялся усовещивать их, но получил такой удар по голове, что едва не умер. Струсь велел повесить мародеров, которые зашли слишком далеко. Но их казнь уже не поправила дело.

Избивая боярина, грабители, сами того не подозревая, оказали ему неоценимую услугу. Пособник иноземных завоевателей использовал увечья, чтобы предстать перед соотечественниками в качестве жертвы. Прошло совсем немного времени, и боярин объявил Пожарскому, что в Кремле он находился неволею и «литовские люди били его чеканами и голова у него во многих местах избита». Боярин лгал: его ранили не чеканами, а обломком кирпича. Памятный удар вразумил удельного князя и поставил последнюю точку в истории Семибоярщины.

Современники упоминали о притеснении Романовых. Очевидно, они подверглись грабежу наряду с Мстиславским и главой церкви Арсением.

Старица Марфа и Михаил Романов покинули Кремль вместе с другими выселенными семьями.

Снедаемые страхом за своих близких, Мстиславский, Романов и прочие члены боярского правительства направили особое послание Пожарскому. Бояре умоляли, чтобы земские ратные люди приняли без позора членов их семей.

Еще во времена Ляпунова казаки и московский «черный» люд требовали сурового наказания изменных бояр и членов их семей. И теперь казаки, узнав о предстоящем исходе боярынь из Кремля, предложили отобрать у них все имущество.

Однако Пожарский позаботился о том, чтобы принять боярские семьи с подобающей честью. Он лично выехал к крепостным воротам и провожал толпу женщин и детей в земский лагерь. Там беженцев разобрали к себе земские дворяне и посадские люди по родству и свойству.

Можно предположить с большой долей вероятности, что Марфу забрал к себе ее племянник Борис Салтыков, служивший в земской рати Пожарского.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Голод в Кремле усиливался, смерть косила гарнизон. Надежды на помощь «царя» Владислава иссякли. Полковникам пришлось подумать о спасении собственной жизни и оставшихся в живых солдат гарнизона.

22 октября 1612 года Семибоярщина и поляки начали мирные переговоры с земскими воеводами. Переговоры не ладились с первых дней. Русские требовали безоговорочной капитуляции. «Рыцарство» еще не окончательно рассталось с прежним гонором и требовало различных уступок.

Кто знает, сколько времени продолжались бы переговоры, если бы в дело не вмешался народ. Казаки первыми потеряли терпение. Они ударили в колокола и, подняв хоругви, пошли «силою великой» к стенам Китай-города. Действия казаков застали врасплох и «литву», и земских воевод. Когда воеводы съехались для переговоров с неприятелем, записал летописец, «и в ту пору некий человек кликнул казаков, стоявших на Кулишках у храма всех Святых на Ивановском лужку». В своих записках полковник Будила подтвердил, что русские пошли на приступ с батареей Трубецкого.

Казаки много раз штурмовали Китай-город. Они пролили много крови на приступах. На этот раз удача сопутствовала им. Приставив лестницы, ратные люди во многих местах взобрались на крепостную стену. Наемники дрогнули и бежали в Кремль.

Поражение окончательно подорвало моральный дух гарнизона. Полковники поторопились завершить переговоры о сдаче. На этот раз делегацию гарнизона возглавил полковник Струсь, а боярское правительство представлял Мстиславский. Они выходили из Кремля в «застенки» для встречи с Пожарским и Трубецким. Забыв о прежней гордости, Мстиславский повинулся, бил челом всей земле.

В тупике у закопченной кремлевской стены Пожарский достиг соглашения с боярским правительством, которое определило будущее царского трона. Компромисс казался неизбежным. Земские руководители не могли без примирения со знатью достигнуть давней цели — избрать государя.

Мир с думой не был результатом свободного выбора. Из Речи Посполитой поступали сведения о больших военных приготовлениях. Королевич Владислав поднялся в поход, чтобы занять московский трон. Россия не могла окончательно избавиться от иноземного царя, пока Боярская дума поддерживала его как законного главу государства.

После трехдневных переговоров земские вожди и боярское правительство заключили договор и скрепили его присягой. Бояре получили гарантию того, что им будут сохране-

ны их родовые наследственные земли. Сделав уступку знати, вожди ополчения добились огромного политического выигрыша. Боярская дума, имевшая значение высшего органа монархии, согласилась аннулировать присягу Владиславу и порвать всякие отношения с Сигизмундом III. Земские воеводы молчаливо поддержали ложь, будто «литва» держала бояр в неволе во все время осады Москвы.

По условиям договора бояре, дворяне, дьяки, купцы и прочие люди, сидевшие в Кремле с «литвой», обязались немедленно отдать все деньги и ценности, взятые из государственной казны или из земщины. Пожалования Владислава и Сигизмунда были объявлены недействительными.

Соглашение с иноземным гарнизоном состояло из одного-единственного пункта. «Мы, — писал Будила, — принуждены были войти с русскими в договор, ничего не выговаривая себе, кроме того, чтобы нас оставили живыми». То была безоговорочная капитуляция.

26 октября 1612 года наемники выслали из Кремля бояр и прочее население. На другой день утром земские воеводы приняли капитуляцию от вражеского гарнизона. Солдаты из полка Струся вышли в Китай-город в распоряжение отрядов Трубецкого и там были разоружены казаками. Будила с полком вышли из Кремля в Белый город и сдались Пожарскому.

В честь победы вожди ополчения устроили парад. Земская рать построилась на Арбате, а оттуда торжественным маршем проследовала в Китай-город. Отряды Трубецкого, собравшиеся за Покровскими воротами, вступили в крепость с другой стороны. Войска сошлись на площади подле Лобного места, откуда двинулись через Спасские ворота в Кремль.

Страшная картина предстала перед глазами москвичей, проникших за кремлевские ворота. Повсюду царила мерзость запустения. Церкви были ограблены и загажены, большинство деревянных построек разобрано на дрова и сожжено.

Летом 1612 года король Сигизмунд III завершил приготовления к новому походу в Россию. В те дни окончательно решилась судьба царя Василия Шуйского, заточенного с братьями в Гостынский замок в Польше.

Царь Василий встретил свой смертный час 12 сентября 1612 года. Его брат Дмитрий был умерщвлен пять дней спустя. Трупы умерших тайно предали земле, чтобы никто не догадался о местонахождении могил.

Завоевательная война несла разорение народам и России, и Речи Посполитой. Сейм все более сдержанно относился к продолжению войны и в особенности к дальнейшим чрезвычайным налогам. Сигизмунду пришлось отказаться от попытки занять московский трон и включить Россию в состав коронных владений по праву завоевателя.

18 августа 1612 года Сигизмунд выступил в московский поход, объявив, что намерен посадить на царский трон сына Владислава. Как и накануне наступления на Смоленск, он побоялся созвать сейм, опасаясь его противодействия.

В конце октября Сигизмунд еще ничего не знал о катастрофе, постигшей его гарнизон в Кремле. Однако и земское правительство не подозревало о появлении неприятельских сил на ближних подступах к столице. Весть об этом повергла русских в замешательство.

Положение Москвы было достаточно трудным. По обыкновению, дворяне «в осенину» стали покидать полки и разъезжаться по поместьям. Чтобы разрешить продовольственные трудности, воеводы не препятствовали разъезду дворян. За считанные недели из четырех тысяч дворян в Москве осталось не более половины.

Роспуск части войск не разрешил трудности. Столица не имела никаких запасов продовольствия на случай осады.

Едва переступив границу, Сигизмунд обратился с воззванием к московскому населению. Он вновь утверждал, что его войска несут России умиротворение и благоденствие. На подходе к Москве король послал Мстиславскому извещение о том, что он отпустит Владислава на царство, как только бояре пришлют к нему послов для договора.

Король предусмотрительно захватил с собой низложенного патриарха грека Игнатия. Ему предстояло короновать Владислава в Успенском соборе в Кремле.

В Москве обращение короля вызвало бурю возмущения. Народ не допустил возобновления переговоров с поляками. Упорно толковали о том, что члены Семибоярщины втайне готовы вновь сдать столицу королю. В руки поляков попал дворянин Философов из рати Пожарского. На допросе он сказал: «На Москве у бояр, которые королю служили, и у лучших людей хотение есть, чтобы просить на королевство великого господаря королевича Владислава Жигимонтовича, а именно-де о том говорить не смеют, боясь казаков».

В новой завоевательной войне короля на каждом шагу преследовали неудачи. Его солдаты были отбиты от стен крохотной крепости Погорелое Городище. Местный воевода то ли всерьез, то ли в насмешку посоветовал королю идти прямо к Москве. «Пойди под Москву, — сказал он, — будет Москва за тобою, и мы готовы быть твои». Пока же воевода велел угостить незваных гостей огнем из всех орудий.

Подойдя к Москве, поляки предприняли попытку проваться в Белый город. Завязался бой, завершившийся отступлением королевских авангардов.

Ходкевич не искал нового генерального сражения. Он пригласил Сигизмунда в свой старый лагерь в селе Федоровском, где сам провел всю предыдущую зиму.

Позиция в Федоровском имела одно уязвимое место. На путях из Федоровского в Москву стояла крепость Волоколамск. Король отдал приказ взять городок любой ценой, но приказ не был выполнен. Казаки, оборонявшие крепость, отбили все приступы.

Народная война грозила захватчикам со всех сторон. Окрестное население прятало хлеб и скрывалось в лесах. Наступили сильные морозы со снегопадами.

27 ноября Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении. Переход до Смоленска оказался на редкость тяжелым. Морозы несколько раз сменялись оттепелями, снегопады — проливными дождями. Многочисленные речки и болота стали труднопроходимыми для обозов. Наемная армия бесславно бежала из России, теряя по пути людей, оставляя на дороге повозки и снаряжение.

ТРИУМВИРАТ

Новое правительство оповестило города, что силу имеют только грамоты от двух главных воевод — боярина Дмитрия Трубецкого и стольника Дмитрия Пожарского, а кто из них двух «учнет писать вам о каких делах нибудь грамоты, а имя будет в грамоте одного из них, кого-нибудь, и вам бы, господа, тем грамотам не верить». Сын боярский Философов сообщил полякам, что ныне «делает всякие дела» князь Трубецкой, князь Пожарский, «да Куземка Минин».

По требованию народа власти арестовали предателя Федьку Андропова, думного дворянина Ивана Безобразова и нескольких дьяков. Земские власти взяли на учет все имущество, найденное в Кремле, и принялись за розыск исчезнувшей царской казны. Наконец стало понятно, почему полковники оставались в Кремле в течение суток после сдачи бояр и почему они задержали при себе Андропова и нескольких других доверенных лиц. Избавившись от лишних свидетелей, Струсь и его люди оборудовали тайники, куда и спрятали остатки царской сокровищницы и прочее награбленное добро.

Триумвиры велели пытать дьяков, чтобы выяснить местонахождение сокровищ. Трое арестованных умерли во время дознания. Федор Андронов имел влиятельных покровителей, и ему удалось бежать из-под стражи. Власти подняли на ноги всю Москву, чтобы отыскать королевского приспешника. Андронову не удалось скрыться от возмездия. Вторично попав на пытку, он указал тайники в Кремле, оборудованные им по приказу его хозяев. Из тайников извлекли старые царские короны, которыми во время раздела казны завладели отряды Струся и Будилы. Без венца невозможно было короновать царя, которого предстояло избрать.

Смута невероятно запутала поземельные отношения. Члены Семибоярщины беззастенчиво использовали власть для личного обогащения. На заре освободительного движения Земский собор постановил конфисковать земли у правите-

лей-бояр и одновременно не допустить чрезмерного обогащения бояр и воевод, возглавивших освободительное движение. Земские бояре не имели права владеть землями сверх оклада, установленного для всех бояр законными царями Иваном IV и Федором. Тушинские приобретения, превышавшие оклад, подлежали отчуждению в пользу неимущих патриотов-дворян. Этот закон, записанный в конституции 30 июня 1611 года, не был выполнен.

Едва ли не самым значительным документом, исходившим из канцелярии земской власти, был Земляной список, содержащий сведения о чинах и землевладении членов думы, стольников и московских дворян.

В списке указана дата его составления — «В нынешнем 121 году» и упомянуто о «московском взятии». Документ был составлен не ранее ноября 1612 года и не позднее июля 1613 года, так как в нем не нашли отражения пожалования чинов по случаю коронации Михаила Романова.

Ко времени составления Земляного списка Мстиславский лишился титула конюшего и слуги, пожалованного ему королем. Из думы были изгнаны лица, введенные в думу поляками. Такая мера серьезно ослабила позиции пропольской партии в Боярской думе. Думных титулов лишились окольничие князья Звенигородские, князь Федор Мещерский, Тимофей Грязной, братья Ржевские, постельничий Безобразов и другие лица, пущенные туда «литвой». Боярина Ромодановского понизили из бояр в окольничие. Вместе с титулами эти лица лишились земель, пожалованных им королем.

Как следует из списка 7121 года, земские власти аннулировали все королевские жалованные грамоты на земли. Потери ничем не компенсировались.

В годы гражданской войны одни и те же имения имели одного, двух, а иногда и более владельцев, получивших дачи от разных властей. Передел земель был чреват раздорами и насилием. Триумвиры искали выход и нашли его. Свидетельством тому служил Земляной список 7121 года.

Список пестрит пометами о пожаловании земель дворянам «при боярех». Что означают эти пометы? Против имени

Мирон Вельяминов в списке значится, что села он получил «при боярех в 119 году». Можно установить, что в конце 7119 (ранее 1 сентября 1611) года воевода служил в ополчении Трубецкого и оставался в таборах до весны 1612 года. Помета «при боярех» означала «при Трубецком».

Окольничий Артемий Измайлов получил земельное пожалование «при боярех под Москвою в полках ...из дворцовых сел до московского строенья». Измайлов покинул таборы — полки ранее февраля 1612 года. Он получил землю до очищения столицы и до «московского строения».

В Земляном списке наименование «московское строение» получили земельные меры, проведенные триумвиратом после освобождения Кремля.

Земляной список составлялся наспех, на основании «сказок» и «челобитных» дворян, «по челобитной и по росписи, какову подали государю дворяне». Жалуя волости, бояре иногда сами не знали, сколько в них пашни.

Пометы «за московское взятие», «за московское очищение» наводят на мысль, что передел земель приобрел широкие масштабы сразу после победы, что вполне соответствовало традиции. Всякая победа сопровождалась пожалованиями титулов и земель.

Земские власти нашли способ избежать раздоров. Участники земского движения получали новые владения по большей части из фонда дворцовых и черных земель.

Князь Дмитрий Пожарский был пожалован за победу вотчиной и поместьями: «новые дачи, что ему дали бояре и всею землею, как Москву взяли, в Суздале вотчины из дворцовых сел...». Член триумвирата был всего лишь стольником, а потому его награда была сравнительно скромной — 2500 четвертей. Боярин Трубецкой получил в десять раз больше.

В ходе «московского строения» пересмотрены были незаконные дачи — земельные пожалования самозванцев. В Первом земском ополчении служили многие бывшие тушинцы, получившие от «царька» жалованные грамоты на обширнейшие земли.

Составители списка четко выразили свое отношение к тушинским приобретениям. Против фамилии Казарина Бегичева, фаворита Лжедмитрия II, в списке значится: «а воровских дач за ним было много, и те воровские дачи у него все поиманы...».

Тушинцы не желали расстаться с богатствами, приобретенными на службе у «царя Дмитрия». Однако лишь немногие из них сохранили эти богатства. Так, «при боярех» за бывшим тушинским боярином Матвеем Колодкой-Плещеевым было закреплено село Плещеево, полученное им «по тушинской даче».

Власти утвердили земельные дачи, полученные дворянами от царя Василия за «московское сидение», то есть оборону Москвы от тушинцев. Последние же лишились земель, пожалованных им за осаду столицы при Шуйском.

Эта мера была достаточно рискованной. В Первом земском ополчении служило много дворян-тушинцев. Они не простили Трубецкому «московского строения». Фактически глава триумvirата предал товарищей по оружию, почему и утратил их поддержку, столь необходимую ему в период междоусобицы.

Трубецкой употребил доставшуюся ему власть, чтобы закрепить за собой все приобретенные ранее земли. Составители списка 7121 года старательно перечислили все доставшееся ему владения под Москвой, на Рязани и в Мещере с пашней 12 596 четвертей. В угоду правителю дьяки не уточнили, от кого он получил грамоты на земли, от «царька» или в таборах под Москвой, какие земли даны были ему в вотчину, а какие — в поместье. В конце строки значилось: «Да за ним же город Вага с волостями».

После освобождения Москвы князь Дмитрий Пожарский остался на Арбате. Он лишь перебрался из тесной избы в Воздвиженский монастырь. Зато Трубецкой торжественно переехал на подворье Бориса Годунова в Кремль. Он продемонстрировал земщине, кто является подлинной властью в столице. Совет земли и духовенство объявили о передаче ему в наследственное владение Важской земли.

Долгое время Важское «наследное» княжение было яблоком раздора в думе. Изменник Михаил Салтыков выхлопотал «княжество» у короля Сигизмунда. Земское правительство объявило о передаче земли «боярину» Заруцкому. Салтыков укрылся за рубежом, Заруцкий порвал с освободительным движением. Вага осталась без владельца, и Трубецкой потребовал ее себе.

Дарственная грамота на Вагу была составлена как соборный приговор. Трубецкой получил землю от духовенства, служилых «царей», бояр, стольников, дворян и детей боярских, гостей, торговых и «всяких чинов людей Московского государства». Парадный экземпляр грамоты был украшен золотыми прописями.

Документ подтверждал положение Трубецкого как верховного правителя России: «бояре собрались подле князя и «за его разум и премудрость, и за дородство, и за храбрость, и за правду и за ревнительность по святым Божиим церквям, ...по великородству его в Московском государстве правителем избрали».

Грамоту Трубецкого подтвердили своими подписями князь Дмитрий Пожарский, Василий Бутурлин, сподвижник Ляпунова князь Иван Андреевич Голицын, князь Юрий Сулешев, Иван Биркин; бывшие тушинские бояре Михаил Бутурлин, князь Дмитрий Черкасский, князь Федор Борятинский. Из рядовых дворян только один удостоился чести подписать грамоту — захудалый Игнатий Михнев. Он был любимым спальником у Лжедмитрия II. В рукоприкладстве не участвовали Кузьма Минин, гости, казачьи атаманы.

Сказался раскол, царивший в верхах освободительного движения. Видные земские бояре, законно получившие думные чины, умыли руки. В грамоте отсутствовали автографы бояр Василия Морозова и князя Владимира Долгорукова, окольных Семена Головина и Артемия Измайлова, земских дворян и воевод князя Федора Волконского, Ивана и Василия Шереметевых, Исаака Погожего, князя Ивана Одоевского и многих других лиц.

Трубецкой располагал достаточной властью в столице, и духовенство не думало ему перечить. Дарственную грамоту скрепили престарелый митрополит Кирилл, троицкий архимандрит Дионисий, рязанский архиепископ Феодорит, хитрый Арсений и десяток чиновных монахов.

Духовенство и земские воеводы вручили грамоту Трубецкому подле московских святынь в Успенском соборе. Торжественная церемония в Кремле готовила почву к избранию главы ополчения на трон. Грамота недаром начиналась со слов о том, что прежде Вагой владел царь Борис.

Передел земельных владений оказал непосредственное влияние на исход выборов монарха в России.

Значительную роль в последующих событиях сыграла армия.

Земские воеводы осаждали в Кремле не одну Семибоярщину с поляками. Вместе с боярами там находились многие служилые люди из состава Государева двора, остававшиеся верными Семибоярщине.

Старшие бояре были высланы из Москвы, а дворяне сами поспешили покинуть город, опасаясь мести казаков и спасаясь от голода. В этом была главная причина того, что в решающие дни дворян в столице оказалось совсем мало.

Дворянин Б. Дубровский был свидетелем падения Кремля. Он прибыл в Москву в ноябре, а уехал в середине декабря 1612 года. Будучи послом «Новгородского государства», он располагал первоклассной информацией. По его данным, детей боярских в Москве было «около 4000», но потом большая их часть была распущена по поместьям и городам.

Сын боярский Философов показал, что «дворяне и дети боярские разъехались по поместьям, а на Москве осталось дворян и детей боярских всего тысячи с две, да казаков с полпята тысячи, да стрельцов с тысячу человек, да мужики, чернь». Дети боярские, по обыкновению, разъезжались из полков с приближением зимы. Но стрельцы были прочно привязаны к своим слободам, занимаясь разнообразными промыслами. Гонсевский исподволь расформировал стрелецкий гарнизон, насчитывавший в начале века до 10 000 чело-

век. К 1612 году стрелецкое войско в столице сократилось в десять раз.

Раскол дворянского ополчения и Государева двора, а также падение численности стрелецкого войска дали решительный перевес вооруженным отрядам казаков и «черни». В этих отрядах служило, по разным сведениям, от 4500—6000 до 11 000 человек. Причиной расхождения было то, что точное исчисление казаков и в особенности неупорядоченных отрядов, состоявших из «меньших людей» посада и мужиков, было попросту невозможно. Шведские агенты доносили из Москвы, что численность земской рати не превышает 20 000 воинов. Посол Дубровский называл цифру в 17 000—18 000, что было, по-видимому, ближе к истине. Основную массу земской рати составляли казаки и вооруженный народ.

Казачество не было однородной массой. С XVI века государство предпринимало усилия к тому, чтобы привлечь на государеву службу вольных казаков. Его старания дали результаты. Многие казачьи атаманы получили небольшие поместья и перешли со своими сотнями в разряд служилых казаков. Эту категорию власти именовали лучшими казаками в первую очередь. Вольные казаки исполняли в таборах те же обязанности, что и служилые. Но различия между ними все же сохранялись.

Очевидцы живо описали то, что видели на улицах освобожденного города: «...хожаху казаки в Москве толпами, где ни двинутся гулять в базарь — человек 20 или 30, а все вооруженны, самовластны, а менши человек 15 или десяти никакo де ни двинутся». Дело было, конечно же, не в самовластии казаков. В течение длительного времени не одни казаки, но и население подавляющей части Москвы — Белого и Земляного города, а также предместий вынуждены были жить на поле боя. Наемники делали постоянные вылазки из Кремля. С запада к ним на помощь шли через городские кварталы подкрепления, пробивались гонцы и фуражиры в сопровождении солдат. Жители, отважившиеся передвигаться по городу в одиночку, рисковали жизнью.

Казаки, даже если их численность доходила до 6000 человек, не могли бы полтора года держать в осаде Кремль и оборонять внешние стены Земляного города без поддержки вооруженного населения столицы — всей «черни». В этом ключ к объяснению событий, происшедших в период междоусобицы.

На пороге зимы в Москве не было запасов продовольствия. Земским властям пришлось позаботиться о снабжении войска. Казакам был назначен месячный корм, включавший четыре пуда муки и сухарей, мясо, овес, соль и другие продукты. Таким был оклад. Но царские житницы пустовали.

Фактически Совет земли сохранил порядок, сложившийся в Первом ополчении при Заруцком. Власти поручили атаманам самолично руководить сбором кормов. Известный сподвижник Заруцкого Степан Ташлыков и его отряд в 1140 сабель получили на прокормление Балахну. Другие атаманы собирали продовольствие в Вологде и других северных уездах. Пожарский предложил вологодским дьякам выдать казачьим атаманам «роспись сошному письму», чтобы те сами могли разверстать между крестьянами сборы.

Если казаки от голода с земской службы разойдутся, писал Пожарский в города, земскому великому делу учинится великая поруха: некому будет оборонять Москву.

Власти предприняли попытку упорядочить казачью службу. Было решено составить списки «старых» казаков с тем, чтобы отделить казацкое войско от «беспорядочных отрядов». Казаки, попавшие в реестр, получили право на сбор кормов в назначенных уездах.

Многие казаки начинали карьеру в Тушино и были осведомлены о миллионах, заслуженных иностранными наемниками. Сначала Лжедмитрий II, а затем глава ополчения князь Дмитрий Трубецкой, желая удержать казаков в своем стане, обещали обогатить их после завоевания Москвы и овладения царской сокровищницей. Однако казна была опустошена поляками, и Кузьме Минину пришлось проявить

немалую изобретательность, чтобы расплатиться с казачьим войском.

Попытка выделить «лучших» казаков натолкнулась на сопротивление. Позднее казаки четко выразили свое отношение к «разборам» такого рода: «А разбору им, что их разобрать и дать жалованье лутчим, не хотят для того, чтобы им не разрознитца, а говорят де все (казаки), что смерть или живот — всем бы вместе, а не врозь».

По сообщению посла Дубровского, «старым» казакам было выдано жалованье — на человека по восемь рублей деньгами, оружием и вещами. По крайней мере часть вооруженной чем попало «черни» добилась зачисления в чин казаков. Ее вооружение имело многообразные последствия.

Сумма выданного «найма» никак не соответствовала ожиданиям ветеранов, рассчитывавших получить если не миллионы, то сотни рублей за долгую службу и «московское взятие». Полученные деньги были быстро истрачены. Спаситель Лжедмитрия I атаман Карела спился в московских кабаках. Освободители Москвы также усердно посещали питейные заведения. Авраамий Палицын писал: «Казацкого же чина воинство многочисленно тогда бысть и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшеся блуду, питию и зерни, и пропивше и проигравше вся своя имения...»

Надвинулась зима, и казаки имели причины торопить собор с выбором царя, от которого ждали полного расчета.

Несколько тысяч ратников не попали в списки «лучших» казаков и не получили «найма». Им власти «позволили построиться в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов». Позднее был издан царский указ, позволявший боярским холопам, посадским людям, стрельцам, «которые были в казаках», по своей воле возвращаться в прежние чины.

Еще глава первого триумвирата Ляпунов обещал свободу вчерашним холопам, служившим в казаках в рядах земского ополчения. Это обещание было выполнено.

КАНДИДАТЫ НА ТРОН

С освобождением Москвы земские люди получили возможность приступить к избранию главы государства. В ноябре 1612 года Философов сообщил полякам, что казаки в Москве стоят за избрание на трон кого-нибудь из русских бояр, «примеривают Филаретова сына и воровского калужского», тогда как у бояр, которые на Москве служили королю (у Семибоярщины), а также «у лучших людей хотение есть, чтоб просить на господарство» королевича Владислава, но «имянно о том говорить не смеют, боясь казаков, а говорят, чтобы обрат на господарство чужеземца».

Избрание на трон Владислава принесло Москве неслыханные беды и страдания. Поляки сожгли столицу, и народ не желал более слышать о королевиче.

Бегство Сигизмунда III из России завершило поражение польской партии в думе. Окольничий князь Данила Мезецкий и дьяк Иван Грамотин были известны как вернейшие слуги короля. Будучи посланы в Москву, чтобы уговорить бояр принять законно избранного царя, они бежали из королевских обозов во время отступления.

Кандидатура Владислава более не обсуждалась на избирательном соборе.

Мстиславский с товарищами ориентировались на Речь Посполитую, земское ополчение — на Швецию. Различие заключалось в том, что в Москве не было влиятельной шведской партии. Не имея достаточных сил, Прокофий Ляпунов завязал переговоры со шведами, домогаясь прежде всего присылки шведских отрядов под Москву. Пожарский преследовал те же цели. После захвата шведами Новгорода он старался убедить шведские власти, что по-прежнему считает Швецию союзницей, что ополчение готово принять шведского принца на трон. Ближайшая задача заключалась в том, чтобы не допустить захвата шведами бывших новгородских владений — Поморья и Севера.

Члены собора в Москве обсуждали кандидатуру герцога Карла Филиппа. Осведомленные об этом шведские агенты многократно доносили из России, что бояре твердо стоят за избрание герцога. Отчасти их сообщения были результатом преднамеренной дезинформации со стороны земских властей. Семибоярщина по-прежнему ориентировалась на Владислава, а Трубецкой и Пожарский добивались царской короны для себя. Про Пожарского говорили, будто он истратил двадцать тысяч рублей, «докупаясь государства». Трубецкой истратил на те же цели много больше денег.

Швеция навязывала военную помощь России со времен Бориса Годунова. Помощь обернулась катастрофой. Клушинская битва была одним из самых крупных военных поражений России в эпоху средневековья.

Все это объясняет непопулярность шведской кандидатуры в России. Миф о том, что бояре то ли избрали, то ли готовы избрать Карла Филиппа, был сотворен в дипломатических целях.

Будучи в Ярославле, Пожарский выставял в качестве неперемного условия избрания шведского принца переход его в православие. Если верить Брюнно, в ходе обсуждения на Земском соборе в январе 1613 года только часть бояр высказалась за крещение Карла Филиппа. Позднее это условие вовсе исчезло из переписки со шведами. Шведскую кандидатуру более не воспринимали всерьез.

Почему в Москве заговорили о Михаиле Романове? Обычно указывают на то, что отец Михаила Филарет был тушинским патриархом и казаки его знали. Однако они не могли забыть и того, что Филарет предал их, когда тушинский лагерь стал разваливаться.

После свержения Шуйского народ склонен был поддерживать претензии Романовых на корону. Это обстоятельство благоприятствовало их успеху. В 1612 году «чернь» и казаки вспомнили о Михаиле.

Одним из соперников Романова был «воренок». Прокофий Ляпунов искал союза с калужским лагерем, а потому он не мог требовать выдачи «царевича» Ивана. Между тем сре-

ди «черни» и бывших тушинцев оставалось много приверженцев «внука» Грозного, находившегося в Коломне.

Казаки вспомнили о нем в минуту крайней опасности, когда Сигизмунд III попытался ворваться в Москву. За спиной коломенского «царевича» стояло войско Заруцкого. Атаманы надеялись, что в критическую минуту давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались.

В час испытаний боярин Заруцкий не побоялся развязать братоубийственную войну. Вместе с Мариной Мнишек и ее младенцем сыном он явился к стенам Рязани и попытался захватить город. Рязанский воевода Михаил Бутурлин выступил навстречу и обратил его в бегство.

Попытка Заруцкого добыть для «воренка» Рязань не удалась. Города давно выразили свое отрицательное отношение к кандидатуре «Ивана Дмитриевича». Агитация в его пользу стихла сама собой.

По традиции высшей курией любого Земского собора на Руси была Боярская дума. Освободительное движение внесло новшества в соборную практику. Совет земли, созданный ополчениями, действовал без думы и, более того, вел длительную войну с думой.

Вожди ополчения уже 6 ноября известили города о московском взятии и судьбе главных бояр, которые сидели в Кремле «в неволе» у поляков. Они обещали провести розыск и уведомить доподлинно, «кто из бояр и из^о всяких чинов на Москве как жил и нужу и тесноту терпел», а «кто с польскими и литовскими людьми в одном совете был». Легенда о мученичестве великих бояр могла бы преодолеть раскол в думе. Но великие бояре не поддержали честолюбивых замыслов Трубецкого, и мир был нарушен.

После низложения Василия Шуйского Мстиславский с товарищами навязали Земскому собору решение не выбирать на трон никого из российских подданных и тем самым расчистили путь для Владислава. Судя по показаниям Философова, они склонны были повторить маневр в 1612 году. Но их намерения вызвали негодование в земщине.

Можно уточнить время земской опалы на Семибоярщину. По свидетельству посла Дубровского, сначала главным боярам не доверяли, но теперь они «вполне примирились с военачальниками»; «часть их отправилась в Нижний Новгород и Казань собирать деньги и ратных людей». Первые санкции не коснулись руководителей боярского правительства.

Таким было положение в середине декабря 1612 года, когда Дубровский покинул Москву. Однако некоторое время спустя, видимо, в конце декабря, настала очередь Мстиславского с товарищами. Им предложили покинуть столицу и отправиться в Ярославль. Земство поддержало эту меру: «О том вся земля волновалась на них, чтобы им в думе не быть с Трубецким, да с Пожарским».

Не желая окончательно рвать с думой, руководители собора объявили, что бояре разъехались на богомолье. Но очевидцы утверждали, что бояре принуждены были на некоторое время скрыться с глаз, «потому что боялись, чтобы казаки не причинили им какого-нибудь насилия». Прибежищем для изгнанников стал Ярославль, недавняя столица Пожарского. Там бояре могли чувствовать себя в безопасности от казаков Трубецкого.

Самым деятельным членом боярского правительства был боярин Федор Шереметев. Вожди ополчения постарались перетянуть его на свою сторону. Шереметев не был выслан из столицы и, более того, получил 25 ноября 1612 года от Трубецкого и Пожарского обширное дворовое место в Кремле, «чтобы на том месте двор строить». В дни осадного сидения Шереметев возглавлял Казенный приказ и после сдачи крепости мог оказать важные финансовые услуги земщине.

Избирательный собор должен был принять решение без великих бояр Мстиславского со товарищи.

В ноябре земские власти разослали грамоты по городам с предписанием прислать в Москву для царского «обирания» представителей разных чинов — духовенства, посадских и уездных людей, крестьян из дворцовых и черных волостей.

Местной администрации и населению предлагалось выбирать по десять человек «лучших и разумных и настоятельных людей» и снабдить их «полным и крепким достаточным приказом», чтобы говорить им о царском избрании «вольно и бесстрашно». Раздор с Семибоярщиной побуждал Совет земли искать поддержку в самых разных слоях населения.

Первое заседание собора было назначено на 6 декабря 1612 года. Но к тому времени в Москву прибыли лишь немногие выборные. Им мешали не только плохие дороги и дальность расстояния. Распоряжения властей наталкивались на глухое сопротивление местных властей. На местах многие не могли взять в толк, зачем понадобилось приглашать для царского избрания «чернь» — тяглых людей.

Триумвиры прибегли к плохо скрытым угрозам, чтобы поторопить города. «А если вы для земского обирания выборных людей к Москве к Крещенью не вышлете, — писали они, — и тогда нам всем будет мниться, что вам государь на Московском государстве не надобен; а где что грехом сделается худо, и то Бог взыщет с вас».

Чтобы люди из дальних городов могли поспеть в столицу, открытие собора отложили на месяц с 6 декабря 1612 года на 6—7 января 1613 года. Перенесение срока осложнило дело. Выборные люди не могли оставаться в Москве месяц из-за чрезвычайной дороговизны. Они стали разъезжаться по домам. 31 декабря власти «общим великим советом» приняли решение и направили на Двину новое предписание. Вместо десяти человек двиняне должны были прислать на собор двадцать лиц с посадов и от уездных крестьян, по пять человек от стрельцов и священников. Земские власти явно стремились создать противовес буйной московской черни, упрочить свои позиции на соборе. Составители грамоты не могли не понимать, что новые выборные никак не смогут приехать в столицу к началу января. Видимо, они допускали возможность того, что совещание не начнется в срок.

ЗЕМСКИЙ СОБОР

В январе Земский собор приступил к выборам. Очевидцами этого события были два русских купца и шведский агент Брюнно, приехавшие в Новгород из Москвы в середине февраля 1613 года. Земские власти отпустили их из Москвы, преследуя дипломатические цели. Шведский лазутчик и москвиты были допрошены в Новгороде, и с их слов Делагарди записал чрезвычайно важные показания. В Москве бояре склоняются к избранию Карла Филиппа, но помеха для них — казаки, которые выдвигают кандидатов из русской знати.

Первые же недели заседаний собора показали, что выборы грозят затянуться на долгое время. На корону претендовали многие знатные фамилии, и никто не желал уступить дорогу другому.

Выборщики разбились на множество групп, и всяк ратовал за своего избранника. «Много было волнения всяким людям, — писали очевидцы, — каждый хотел по своей мысли делать, каждый про своего говорил». Большинство из вельмож, желавших царствовать, отметил летописец, подкупали людей, «дающе и обещающе многие дары».

Обсуждение кандидатов зашло в тупик. При таких обстоятельствах все большее значение стали приобретать требования казачества, сохранившего единство.

По свидетельству Брюнно, на соборе казаки предложили избрать в цари князя Дмитрия Трубецкого. Члены собора отклонили его. Тогда казаки назвали имя Михаила Романова.

На соборе обсуждали многие кандидатуры, но предложение относительно Михаила, видимо, привлекло наибольшее внимание. Двое купцов, покинувших Москву не ранее середины января, упомянули об этом эпизоде и подчеркнули, что «бояре были совершенно против этого и отклонили это на соборе». Михаил носил титул стольника. Но среди членов собора было множество других стольников, далеко превосходивших знатностью Романова. Купцы указали на

позицию бояр, не упомянув о мнении прочих соборных чинов и народа.

Не добившись своего, казаки, как отметил Брюнно, «пошли на совет и решили между собой», что подадут голос за князя Дмитрия Черкасского. Показание шведа подтверждает, что решение о кандидатах в цари казаки принимали после обсуждения на совете, иначе говоря, на казацком круге, на котором решали дела «между собой». Мнение круга было отвергнуто.

Имя Михаила Романова было популярно в столице. Однако на первых порах наибольшие шансы на избрание имел, казалось бы, правитель, глава триумvirата. Он принадлежал к знати высшего разбора. В Тетради Дворовой Ивана Грозного Трубецкие были записаны в список удельных князей выше Воротынских, Одоевских и Черкасских. Они продолжали владеть родовыми землями, включая столицу удела Трубчевск.

В конце опричнины один из князей Трубецких занял высший пост в опричной армии. После смерти Грозного Трубецкие были единственными из знатных лиц, кто заступился за Богдана Бельского.

Царь Василий не жаловал Трубецких, и князь Дмитрий Тимофеевич бежал в Тушино, где сразу получил от «вора» боярский титул. Как самый знатный из слуг «Дмитрия», Трубецкой номинально возглавил его Боярскую думу. В Земском ополчении после гибели Ляпунова он занял пост главнокомандующего. Превосходя всех «породой», князь Дмитрий не отличался способностями и не блистал подвигами на поле брани. Летописец имел основание писать, что в ополчении Трубецкой не пользовался «честью».

«Воровские» бояре Трубецкой и Черкасский представляли на соборе Первое и Второе ополчения. Стольник Пожарский уступал им в знатности и должен был отступить в тень.

Москва приготовилась к выборам, и правитель постарался заручиться поддержкой казаков.

Архивы сохранили краткую повесть о событиях тех лет. Она получила наименование «Повесть о Земском соборе».

Авторы повести принадлежали скорее всего к низам общества, может быть, к казакам. Они были хорошо осведомлены о событиях, происходивших в казачьем войске, на улицах и в думе, безошибочно называют имена главных бояр. Более точно повесть можно назвать так: «Сказ об избрании царя Михаила».

По свидетельству авторов «Сказа», Трубецкой «учрежаще столы честныя и пиры многия» на своем дворе. Князь потчевал казаков в течение полутора месяцев, «моля их, чтоб были ему на Росии царем». Гости в глаза хвалили боярина, а за спиной смеялись над ним.

Казаки знали, на чьи деньги их вождь устраивал пиры. Взяв штурмом Китай-город, атаманы разгромили и ограбили двор Федора Андропова, ведавшего царской казной в Москве. В их руки попало, надо думать, немало денег. По словам осведомленного летописца, казаки вновь и вновь требовали себе жалованье, «а то себе ни во что поставиша, что всю казну Московскую взяша; и едва у них немного Государевы казны отняша». Дело чуть не привело к кровопролитию, когда казаки, по словам летописца, «хотеша побить начальников». Казаки завоевали город и не собирались отказываться от добычи.

Трубецкой стал утрачивать опору в армии, когда попытался вернуть в казну часть захваченной казаками казны и военной добычи.

Уже Иван Философов сообщил полякам, что на Москве «казаки бояром и дворяном сильны, делают что хотят».

Составители Сказа живо зарисовали уличную картинку: на улицах столицы казаки не кланялись знати, зато бояре в страхе уступали им дорогу: «От боярска же чина ништо же с ними в преки (в спор) глаголети не смеюще и на пути встречающе и бояр же в сторону воротяще от них, но токмо им главы своя поклоняюще».

Чтобы объяснить положение, сложившееся в Москве к концу 1612 года, надо заметить, что гражданская война разрозила общественные силы России и только одни казаки сохранили единство благодаря примитивной, но действен-

ной системе управления — казачьему кругу. Столкновение Земского собора и круга составило стержень избирательной кампании.

Состав собора был неопределенным, а процедуры принятия решений не разработаны. На круге казаки голосовали, бросая вверх шапки. Принятое таким способом решение было обязательным для всех.

Казачий круг нес полную ответственность за расправу с признанным главой Первого земского ополчения, талантливым воеводой Ляпуновым. В подмосковных таборах казачий круг пользовался не меньшим влиянием, чем Совет земли. В марте 1612 года казачий круг принял решение о признании царем псковского «вора» — Лжедмитрия III. Совет должен был подчиниться кругу.

Войско продолжало собирать круг на протяжении всей выборной кампании 1613 года. Когда прения на соборе зашли в тупик, повествуют авторы «Сказа», «советовав всем казачьим воинством и приступиша казаков до пяти сот и больше ко двору крутицкого митрополита, и врата выломали, и всыпали во двор, и глаголеша з грубыми словесы митрополиту: «Дай нам, митрополит, царя государя на Росию кому нам поклониться и служитьи и у ково жалованья просити, до чего нам гладною смертию измирати!» Митрополит же страхом одержим и бежа через хоромы тайными пути к бояром и сказа все по ряду бояром: «Казаки хотят мя жива разторгнути, а прошают на Росию царя»».

Митрополит Крутицкий Иона был старшим в столице иерархом ввиду кончины в тюрьме патриарха Гермогена. Поэтому казаки пытались использовать его авторитет, чтобы ускорить избрание государя. Свидетельство авторов «Сказа» позволяет объяснить действия казаков на соборе. Круг постановил поддержать того кандидата, у которого будут наибольшие шансы занять трон без всякого промедления. Видимо, круг далеко не сразу остановил свой выбор на Михаиле Романове.

Собор испробовал разные средства, чтобы избавиться от опеки круга. Разрядный приказ издал распоряжение об от-

правке казаков в поход на Заруцкого. Если бы воеводам пришлось иметь дело с отдельными сотнями, приказ был бы выполнен. Но воеводам приходилось иметь дело с «войском». Земский собор в грамоте казанцам сообщал: «А без государя (до избрания монарха) ратные люди — дворяне, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и всякие ратные люди, на черкас и на Ивашка Заруцкого идти не хотели».

Бунт в земской рати начался в тот момент, когда Заруцкий увел две с половиной тысячи казаков из осадного лагеря под Москвой. Мятеж получил продолжение, когда войско отказалось выступить против Заруцкого. Малочисленные дети боярские последовали примеру казаков, отказавшихся выполнить приказ командования и покинуть столицу до избрания царя.

Попытки казачьего круга диктовать свою волю полномочному Земскому собору вызвали возмущение земских выборных. Они постановили вернуть в Москву руководство Боярской думы, чтобы положить конец своеволию казаков.

Михаил утратил бы все шансы, если бы Семибоярщина сохранила единство. Но внутри боярского правительства единого не было и в помине.

ИЗБРАНИЕ МИХАИЛА

7 февраля собор прервал заседания на две недели, чтобы дожидаться бояр. Верхи должны были объединить свои силы, чтобы довести дело избрания царя до конца.

Кампания вступила в критическую фазу. Со времен воцарения Годунова на Руси сложились традиции выборов. Родня и сторонники кандидата собирали свой особый собор и составляли «хартию» с обоснованием его прав на корону. Годуновский собор был созван патриархом и был достаточно авторитетным.

В 1610 году митрополит Филарет склонил на свою сторону патриарха Гермогена и добился поддержки народа. Но спустя два года ситуация переменилась.

Церковные иерархи сторонились казаков после их налета на двор крутицкого митрополита. Сторонники Михаила обратились к келарю Троице-Сергиева монастыря Авраамию. Монастырь оказал неоценимую помощь казакам во время осады Кремля. Келарь не раз привозил в таборы казну для раздачи обнищавшему воинству.

Романовская партия созвала совещание на подворье у Богоявления на Торгу в Китай-городе. Троицкий келарь Авраамий Палицын описал сборище как очевидец. На Троицкое подворье, отметил он, явились «многие дворяне, и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы, и казаки».

Если бы на монастырском подворье присутствовал хотя бы один член думы — боярин или дьяк, хотя бы один князь, келарь непременно отметил бы это.

Иван Романов был единственным из членов Семибоярщины, получившим большие земельные пожалования «при боярех», что означало — от Трубецкого. Князь желал привлечь Романова на свою сторону и добился своего.

Иван Романов заболел и перенес удар в годуновской ссылке. По донесению приставов, он был болен «старою своею черной болезнью, рукою и ногою не владеет, и язык ся отнял»; «рукою не владеет, на ногу маленько приступает». Недуг сказался на характере и образе поведения калеки. Примечательно прозвище боярина — «Каша». В угоду Трубецкому и старшим членам Семибоярщины Иван Никитич выступил с возражениями против избрания племянника.

Подобно Романову высшие церковные иерархи не желали портить отношения с земским правительством. Троицкий архимандрит Дионисий поддерживал тесную дружбу с Трубецким в течение всей московской осады. На совещании у Богоявления он не присутствовал.

Хорошо известны имена лиц, которые провели выборную кампанию Бориса Годунова или Василия Шуйского.

Инициаторы избрания Михаила поименно неизвестны. Причина та, что ни претендент, ни его ближайшее окружение в избирательной кампании вовсе не участвовали или, как Иван Романов, выступили против родственника.

С некоторой неопределенностью Палицын пишет, что к нему на двор принесли писания, составленные от имени разных чинов — «койждо своего чину писание». Пришедшие просили келаря огласить на Земском соборе их «совет».

Казалось бы, Палицын должен был помнить имена тех, кто затеял дело вместе с ним. Но он припомнил только одно имя — калужского торгового человека Смирного Судовщикова. То был персонаж совсем маловажный, игравший незначительную роль даже в ставке Лжедмитрия II и его казацкого войска в Калуге. Тесные связи Судовщикова с войском и побудили его выступить на стороне Михаила.

Большое влияние сохраняли столичные гости. Но они не оказали поддержки Романовым и внимательно следили за тем, что происходит в думе, так как избрание царя помимо думы не имело законной силы.

Никто не верил в успех Романова, и потому составителям «хартии» в его пользу не удалось привлечь для выступления на соборе сколько-нибудь заметную личность.

Выступить от имени дворянской курии было поручено некоему сыну боярскому из Галича. Галич соседствовал с Костромой, где располагались родовые вотчины Романовых. Оратором на Земском соборе выступил, как видно, земляк претендента.

Имя казацкого выборщика «атамана с Дона» также не было названо, потому что само по себе имя не имело значения. Михаил был избран на трон казацким войсковым кругом, члены которого — «старые» казаки были равны и несли одинаковую ответственность за решения. Описанные обстоятельства объясняют полную пассивность Романовых в избирательной кампании. Михаил не только не доверял, но панически боялся тех, кто усадил его на престол.

Авраамий Палицын был одним из лучших писателей Смутного времени и, надо думать, участвовал в составлении

«хартии». В своем «Сказании» он не удержался от соблазна и приукрасил свое повествование ссылкой на чудо. По его словам, при утверждении царского избрания каждый чин представил свое писание, но когда их снесли воедино, «не обретется ни в едином словеси разньствия, но яко во едином собравшеся, написашя», «сие же бысть по смотрению единого всесильного Бога».

По чину одним из последних принес писание купец, и его писание совпадало с другими «хартиями».

Дословное совпадение наказов наводит на мысль, что разным чинам были переданы копии общего наказа, разработанного на совещании у Богоявления.

В назначенный день, 21 февраля, избирательный собор возобновил работу. В столице собралось множество выборных представителей земли: дворян, духовных лиц, посадских людей и даже государственных крестьян. Большой Кремлевский дворец был переполнен. В дворцовых палатах с трудом разместились земские чины. Вся площадь перед дворцом была заполнена народом.

По официальной версии, собравшиеся в общем порыве как бы едиными устами провозгласили царем Михаила Романова. Совершенно иначе трактовали дело осведомленные иностранцы. Шведские лазутчики доносили из Москвы, что казакам, ратовавшим за Романова, пришлось осадить Трубецкого и Пожарского на их дворах, чтобы добиться избрания удобного им кандидата. Новгородские власти также утверждали, будто казаки повлияли на выборы своим «воровством» без согласия бояр, дворян, лучших посадских людей. Польская информация как две капли воды походила на шведскую и новгородскую. Литовский канцлер Лев Сапега бросил в лицо пленному Филарету такую фразу: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки-донцы». То же самое сказал Александр Гонсевский боярину Воротынскому: Михаила «выбирали одни казаки». При избрании Михаила на трон, утверждали шведские эмиссары, казаки были «в московских столпах сильнейшии».

Воссоздать подлинные обстоятельства выборов 1613 года помогают показания непосредственных участников собора —

стольника Ивана Чепчугова и двух других дворян — Никиты Пушкина и Фоки Дурова, попавших в 1614 году в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, и их рассказы совпадали между собой во всех деталях. Недавние выборщики начали рассказ с того момента, когда собор решил вызвать в Москву всех знатнейших бояр и думцев, прежде уехавших оттуда.

Совершенно невероятно, чтобы Трубецкой и его сотоварищи направили приглашение главным боярам, не проведя предварительных переговоров и не выставив определенных условий. Показания Чепчугова подтверждают такое предположение. До открытия собора 21 февраля, когда в Москву стали съезжаться великие бояре, «некоторым говорили, что надо усердно помолиться Богу и затем бросить жребий между тремя лицами — князем Дмитрием Трубецким, князем Иваном Голицыным и Михаилом Романовым, кого из них Бог пожелает дать в государи». Предложение было хорошо обдуманно. Именно так, посредством избрания трех кандидатов с последующей жеребьевкой, на Руси выбрали первого патриарха Иова.

Боярское правительство явно искало компромисса, предложив или согласившись на список из трех лиц. Трубецкой представлял освободительное движение, Голицын — Семибоярщину, Романов пережил осаду вместе с Семибоярщиной.

Компромисс, вероятно, был достигнут до открытия собора. Еще 2 февраля 1613 года земское правительство направило в Польшу гонца, поручив ему добиваться освобождения из плена Филарета, Василия Голицына и их товарищей. Задержав большое число пленных поляков, среди них очень знатных лиц, русские власти рассчитывали быстро обменять их на задержанных в Польше послов Семибоярщины.

Предложение о трех кандидатах рассматривалось собором и было отвергнуто. Обсуждались и другие проекты. Об одном из них сообщают авторы «Сказа». Великие бояре предложили казакам список кандидатов, включавший «седем вельмож боярских», в своем роде новую Семибоярщину. В спи-

сок попали четыре члена Семибоярщины — Мстиславский, Воротынский, Иван Романов, Федор Шереметев; земские воеводы Трубецкой и Пожарский, а также Иван Черкасский. Первым кандидатом, в соответствии с местническими порядками, стал Мстиславский, а имя стольника Михаила Романова вообще не упоминалось.

Можно ли доверять известию об образовании новой Семибоярщины? Едва ли. Двое из названных в «Сказе» лиц — Пожарский и Черкасский — не имели боярского чина.

Отдельно авторы «Сказа» отметили, что к семи «вельможам боярским» присоединили кандидатуру князя Петра Пронского. Будучи стольником, князь Петр служил в помощниках Пожарского в Ярославле. Князя включили в список, видимо, в угоду рязанцам, сыгравшим выдающуюся роль в земском движении.

Земский собор отклонил все представленные ему списки, так же как и сам принцип жеребьевки. Компромисс не помог преодолеть разногласия.

Казаки выражали возмущение: «Они, казаки, выдержавшие осаду Москвы и покорившие ее, теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, поэтому хотят они немедленно получить государя, чтобы знать, кому они служат и кто должен награждать их за службу».

Шло время, и чаша весов все больше склонялась в пользу Михаила Романова. Москвичи четко помнили, что на соборе говорили «паче всех казаки, что быти Михаилу царем».

Характерная черта. Романова на первых порах не поддержал никто из влиятельных и хорошо известных деятелей. Причина была та, что Романовы в отсутствие Филарета не сумели склонить на свою сторону боярское руководство, и их избирательная кампания не шла ни в какое сравнение с кампанией Трубецкого. Немало значили местнические предрассудки. «Великие бояре», князья не могли признать превосходства стольника Михаила Романова.

Даже рьяные сторонники Михаила поверили в успех дела с запозданием. Никто из них не удосужился вызвать претендента в столицу.

Земский собор выслушал дословно совпадавшие «хартии» в пользу избрания Михаила и без задержки вновь отклонил его кандидатуру. Тупик преодолеть не удалось, и тогда раздались голоса, требовавшие не прерывать заседаний собора до избрания государя: «завещания полагают, да не отступят от места сего, преж даже не изберетца царь Московскому государству».

Во время прений выборщик от Галича зачитал выпись «о сродстве цареve, како благочестивый царь Федор Иоаннович, отходя сего света, вручил скипетр и венец братану своему боярину Федору Никитичу».

Казаки подхватили этот довод. Согласно «Сказу», они сослались на благословение христоролюбивого царя Федора Ивановича: «кому он, государь, благословил посох свой царской и державствовать на Росии князю Федору Никитичю Романова; и тот ныне в Литве полонен, и от благодобраго корене и отрасль добрая сын его князь Михайло Федорович».

Приведенные свидетельства полностью совпадают с показанием Чепчугова, Пушкина и Дурова: «Царю Федору Ивановичу» Михаил ближе всех «сродни»; умирая, царь Федор «поручил и приказал царство» отцу Михаила и его потомкам.

Бояре поручили переговоры с народом Ивану Романову. Содержание речи одинаково передано в «Сказе» и в показаниях Чепчугова, Пушкина и Дурова. По «Сказу», Иван «поглагола: “Тот князь Михайло Федорович еще млад, и не в полном разуме, кому державствовать?”»

По показаниям Чепчугова, Иван Романов высказал толпе «некоторые затруднения», указал на молодость претендента и просил ввиду его отсутствия «отложить решение вопроса до его прибытия, чтобы можно было лучше подумать над этим».

Слова Ивана Никитича несли печать двусмысленности. Боярин ссыался на молодость претендента, но отнюдь не ставил под сомнение права племянника на трон.

Иван Грозный, на долю которого также выпало сиротское детство, с обидой писал, что его недруги сомневались

в его умственных способностях. «Младенчествующий разумом» — так говорили о нем крамольные советники. Но царю было в то время тридцать лет, и он имел основание для обиды.

Слова Ивана Романова о «неполном разуме» племянника не имели оскорбительного оттенка. Они означали лишь то, что Михаил возмужает разумом с годами.

Сохранилось глухое предание о том, что Федор Шереметев якобы писал князю Василию Голицыну: «Выберем Мишу Романова; он еще молод и разумом не дошел, и нам будет повадно». Однако это предание лишено достоверности.

Речь Ивана Романова не произвела впечатления на членов Земского собора. Однако последнее слово осталось за народом. Ты стар, заявили казаки Ивану Никитичу, «в полном разуме» и «ему крепкий потпор будеши».

Толпа на площади требовала немедленного избрания государя. «Мы выдержали осаду Москвы и освободили ее, — заявляли казаки, — а теперь должны терпеть нужду и совершенно погибать, мы хотим немедленно присягнуть царю, чтобы знать, кому мы служим и кто должен вознаграждать нас за службу».

Неудача с избранием одного из русских претендентов побуждала членов собора вернуться к обсуждению вопроса, «выбрать ли государя из своего народа или из иностранных государей».

Как только весть об этом распространилась в народе, «казаки и чернь сбежались и с большим шумом ворвались в Кремль к боярам и думцам, напустились на них с сильными ругательствами»: «Бояре потому не выбирают в государи никого из здешних господ, чтобы самим править и одним пользоваться доходами страны, и, как случалось раньше, снова отдать государство под власть чужого народа».

Бориса Годунова привели на трон мирные шествия москвичей. На стороне Романова выступил вооруженный, бунтующий народ.

Насилие над думой стало апогеем мятежа в армии. По «Сказу», они тряслись от страха и «лица их кровию преме-

няющиеся». Знать помнила о судьбе Ляпунова. В страхе перед мятежом дума принесла присягу юному Романову.

Без приговора главных бояр избрание Михаила не могло считаться законным. Но казаки навязали думе присягу, что и заменило выборную процедуру на соборе. Формальное голосование в «низших» куриях стало излишним и, более того, невозможным. В силу традиции соборным чинам осталось присоединиться к «решению» думы.

Было ли проведено общее голосование на соборе? Сын боярский Федор Боборыкин в письме родственникам сообщал, что «московские простые люди и казаки по собственному желанию и без общего согласия других земских чинов выбрали великим князем» Михаила Романова. Слуга Боборыкина устно подтвердил это показание.

Видимо, «московские простые люди», располагавшие оружием, сыграли на выборах не меньшую роль, чем казаки.

Смута близилась к концу, но на пороге был бунташный век. «Казаки и чернь, — согласно показанию Чепчугова, Пушкина и Дурова, — не отходили от Кремля, пока дума и земские чины не присягнули» Михаилу Романову.

Не голосование выборщиков, а угроза мятежа определила успех Романовым. Земский собор не имел сил, чтобы подавить мятеж. Круг одержал верх над собором.

Конечно, Мстиславский с товарищами подчинились казакам не только из страха. Стольник Романов был в их глазах фигурой нейтральной, человеком, неизменно повиновавшимся им в течение всей московской осады, не замешанным ни в какие мятежи. Семибоярщина вполне могла рассчитывать на то, что при новом государе она вернет себе власть.

Казаки имели богатый опыт и могли в любой момент выдвинуть из своей среды прирожденного царевича или даже царя. Однако псковский «вор» был казнен в начале интриги, и это послужило грозным предостережением для авантюристов. Имело значение и то, что главные заводчики крамолы покинули таборы с Заруцким.

Члены думы из числа сторонников Михаила поторопились объявить о его избрании народу, надеясь таким путем положить конец разраставшемуся мятежу.

Старшие бояре предпочли остаться в тени. К народу вышел Василий Петрович Морозов, не принадлежавший к руководству думы. Боярин служил в ополчении Пожарского, но ничем особенным не проявил себя. Морозовы были в родстве с матерью Михаила.

С Морозовым к народу вышли рязанский архиепископ Феодорит и архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф.

В сопровождении келаря Авраамия Палицына и других персон Морозов проследовал на Лобное место и обратился с речью к народу. Он объявил об избрании Романова. Крики толпы были восприняты собравшимися как общее одобрение.

Сначала казаки принудили бояр «при себе» крест целовать, а вслед за тем присяга была перенесена на площадь. Туда вынесли шесть крестов: «поставиша казаком на целование». Замирение казаков было задачей первоочередной. Мятеж мог сорвать царское избрание.

Приказные наспех составили крестоцеловальную запись. Членам думы и собора ничего не оставалось, как утвердить ее. Присяга обязывала верно служить Михаилу, его царице, которой не было и в помине, и возможным детям. Подданные поклялись, что никогда не передадут трон ни литовским, ни шведским королям либо королевичам, ни боярам «из русских родов», ни Маринке и ее сыну.

Шведские лазутчики сообщали из Москвы, что «большая часть бояр» (очевидно, детей боярских) удалились из Москвы в свои поместья, чтобы уклониться от присяги Михаилу. Немало дворян, как видно, отказались подчиниться решению круга.

Характерно, что с 21 по 25 февраля грамоты по городам продолжали писать от имени двух правителей — Трубецкого и Пожарского, и лишь с 26-го числа в города был послан текст присяги и в грамотах обозначено имя великого государя Михаила Федоровича.

Грамота в Пошехонье с извещением об избрании Михаила от 25 февраля была подписана главой думы князем Федором Мстиславским, боярами Федором Шереметевым и

Андреем Нагим, окольничим Федором Головиным, князем Дмитрием Пожарским и Иваном Морозовым, а также выборными дворянами от Мценска и Погорелого Городища. Как видно, вслед за Мстиславским и Шереметевым к партии Романовых примкнул Пожарский.

Государство Русское переживало неслыханно трудные времена. Чтобы сладить с наседавшими отовсюду врагами и умиротворить страну, нужен был опытный вождь. Шестнадцатилетний Михаил менее всего походил на такого вождя. Но его избрание стало свершившимся фактом.

Возражая против кандидатуры Михаила, бояре указывали на то, что еще в бытность свою в Москве тот отвечал отказом на предложение занять трон. Казалось бы, в таких условиях надо было как можно скорее снарядить посольство к избранному государю. Однако прошло полторы недели, прежде чем посольство Земского собора покинуло столицу. Его должны были возглавить главные бояре. Только они могли наречь государя на царство. Но Мстиславский и другие руководители думы уклонились от такой чести. Миссия была возложена на Федора Шереметева, родню Романова. Шереметев и Романов были женаты на двоюродных сестрах.

Почему казаки, предлагая своих кандидатов, первым неизменно называли Трубецкого, но в конце концов настояли на избрании Михаила?

Исаак Масса кратко и точно указал на то, что Романов «избран войском». Это войско отличалось от разгромленной армии Семибоярщины. Земская рать была порождением гражданской войны. Помимо казаков, войско включало отряды вооруженных москвичей, численность которых была велика. Дети боярские и стрельцы также входили в состав войска, но сравнительно в небольшом числе.

Народ не забыл, что тушинский боярин Трубецкой осаждал их город, возглавляя «воровскую» рать. Результатом был голод, от которого более всего страдало малоимущее население столицы.

Объясняя причины своего участия в мятежах, казаки указывали на притеснения «лихих бояр»: «Государь (Лжедмит-

рий I), де, нас хотел пожаловати, да лихи, де, бояре, переводят, де, жалованье бояря, да не дадут жалованья».

Трубецкой не пользовался особым авторитетом у казаков. Но он окончательно погубил себя в их глазах, когда стал отбирать жалованье, а точнее, военную добычу и деньги, доставшиеся казакам после захвата Москвы. Казаки увидели в своем вожде «лихого боярина». Добрый царь пожаловал бы их, а Трубецкой отнимал у них то, что причиталось им в счет царского жалованья.

Будучи уверен в поддержке казачьего войска, Трубецкой не сомневался в победе. Неудача едва не свела его в могилу: «лицо у него ту с кручины почерне, паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего».

Михаил Романов был в малых летах, и от него легче было востребовать найм за все годы службы.

Некогда предки Михаила Захарьины слыли гонителями: они секли и вешали ни в чем не повинных новгородцев, готовились послать на костер Максима Грека. Со временем гонители превратились в гонимых. В годы опричнины подверглись казни более половины их потомков — шесть-семь членов рода. По приказу Грозного знаменитый Никита Романов был ограблен до нитки.

Царскому шурину Никите Романовичу суждено было стать героем народных сказов и былин. Грозный публично объявил, что намеревался после Новгорода разгромить боярскую Москву и лишить трона старшего сына. Из народных песен следовало, что именно Никита Романов защитил наследника и тем спас от Скуратова царствующий град. После смерти Ивана IV Романов, став опекуном, правил за слабоумного племянника царя Федора.

Дети Никиты были главными претендентами на трон после кончины царя Федора. Внук стал претендовать на корону после низложения Шуйского. Он унаследовал от отца и деда популярное имя.

Три избирательные кампании Романовых закончились поражением. Но каждая новая неудача понемногу прибли-

жала их к заветной цели. Многолетние усилия принесли плоды с запозданием, когда многим казалось, что звезда Романовых с пленением Филарета навсегда закатилась.

Рюриковичи имели несравненно больше прав на корону, чем Романовы. Но самодержавные порядки успели наложить печать на психологию народа.

Рожденный на троне, Иван Грозный считал, что власть русского самодержца выше власти польского короля, который получает трон путем выборов, «по многоятежному человеческому хотению». Бедствия Смутного времени подкрепили предрассудки самодержца. Составители Утвержденной грамоты об избрании Михаила сделали удивительное признание. Выборные цари, по их словам, принесли России несчастья.

Главный аргумент сторонников Михаила сводился к тому, что в отличие от выборных царей он избран не людьми, но Богом, так как происходит от благородного царского корени. Ссылка на Бога снимала вопрос о том, был ли Романов избран свободным волеизъявлением Земского собора.

Иосифлянское руководство церкви немало потрудились над тем, чтобы укоренить в головах людей идею божественного происхождения самодержавной власти главы православного царства — Третьего Рима.

Не родство с достославным Рюриком, но близость и родство с династией Ивана IV давали право на занятие его трона. Палицын изложил эту идею в кратких словах: достойно воистину быть царем Михаилу, «братаничу» великого государя Федора Ивановича, сыну Федора Никитича Романова.

Михаил происходит от царского благородного племени, «понеже он хвалам достойного великого государя Ивана Васильевича законная супруги царицы Анастасии Романовны родного племянника Федора Никитича — сын».

Мнимое родство вынесло Лжедмитрия на трон. Романовы были родней Грозного по его жене Анастасии Романовой. В Средние века родство по женской линии ставили ни

во что, тем более у царя Ивана было семь жен. Тем не менее это родство с самодержцем воспринималось всерьез.

Хутынский архимандрит Киприан объяснил шведам в Новгороде значение вновь избранного царя: «он таки прямой царский корень, да еще такого великого корени — грозного государя царя Ивана».

Беда претендента заключалась в том, что он был вовсе не подготовлен к роли великого государя. До четырех-пяти лет Михаил жил в боярском тереме, окруженный заботами родителей. Но в то самое время, когда начал формироваться характер отрока, семью постигла катастрофа. Михаил был разлучен с родителями, попал под стражу и был сослан в заточение на далекий Север. Столь гибельные перемены могли сломить любого. Мальчику пришлось приспособливаться, чтобы остаться в живых. В его характере появились такие черты, как смирение, склонность подчиняться чужой воле и приспособляться к любым неблагоприятным обстоятельствам, наконец, терпение. Эти качества не соответствовали представлениям о грозном самодержце. В хаосе Смутного времени стране нужен был решительный и опытный вождь. Михаил ни в коем случае не был таковым.

Годы, проведенные Михаилом в заточении на Белоозере, а затем в вотчине под Юрьевом, были безвозвратно потеряны для учебы, как и годы, проведенные в осаде в Кремле под выстрелами орудий земского ополчения. Михаил не мог получить образование в традиционных, весьма скромных рамках.

За несколько лет до воцарения Михаила голландец Исаак Масса написал одно из самых обширных и содержательных сочинений о Смуте в России. Он проявил редкую осведомленность о судьбах боярской семьи Романовых, которой симпатизировал. В 1614 году голландец писал о Михаиле следующее: «он вполне необразован и до такой степени, что мне неизвестно, может ли он даже читать письма».

Сохранились известия о том, что поляки заблаговременно узнали об избрании Михаила Романова и решили захва-

тить его в плен, но крестьянин Иван Сусанин спас царя ценой собственной жизни. О Сусанине повествуют исключительно поздние и легендарные источники. Единственное достоверное свидетельство — жалованная грамота царя Михаила 1619 года, выданная крестьянину Богдашке Сабинину, зятю Сусанина. В грамоте сказано, что польско-литовские люди схватили Сусанина под Костромой (там располагались вотчины Романова) и стали допрашивать его, где Михаил. «Про то (где Михаил. — *Р. С.*) ведая» и терпя немерные пытки, Сусанин «про нас (Михаила. — *Р. С.*) не сказал» и «за то польско-литовскими людьми был замучен до смерти».

Предположение, будто король Сигизмунд III, узнав об избрании Михаила Романова на трон, сумел опередить представителей Земского собора и королевские отряды прибыли под Кострому для пленения Романова ранее Федора Шереметева, кажется фантастичным. Сигизмунд III с армией бежал из России, где продолжалась гражданская война. При русском бездорожье новости распространялись по стране и за ее пределами чрезвычайно медленно. Вплоть до 2 марта 1613 года даже в Москве никто точно не знал, где находится претендент на трон. Федор Шереметев получил наказ ехать за Михаилом не в Кострому, а в Ярославль или же «туда, где он, государь, будет».

По всей вероятности, Иван Сусанин, староста принадлежавшего Романовым села Домнипа, спас не царя, а стольника Михаила Романова от одной из шаек, бродивших тогда по всей России.

В начале марта Земский собор сформировал многочисленное посольство к царю Михаилу и государыне его матери Марфе. В состав посольства вошли бояре Федор Шереметев, князь Владимир Бахтеяров-Ростовский, окольничий Федор Головин, дьяк Иван Болотников, другие лица и многочисленная стража. С Шереметевым отправились рязанский архиепископ Феодорит, три архимандрита, троицкий келарь Авраамий Палицын, соборные старцы.

Шереметев был одним из столпов Семибоярщины. То, что именно он объявил царю Василию о его низложении, а Михаилу Романову о его избрании, отнюдь не было случайностью.

В Москве не знали точно, где находится Марфа с сыном. По некоторым сведениям, она ездила на богомолье в Макарьевский Сунженский монастырь, видимо, уже зная об избрании сына.

Послы остановились на ночлег в селе Новоселки под Костромой, где их встречали местные воеводы со множеством народа. На другой день, 14 марта 1613 года, духовенство возглавило крестный ход в Ипатьевский монастырь.

В монастыре Феодорит подал Михаилу и его матери писание от Земского собора с извещением об избрании на трон.

Ход переговоров изложен в грамоте посольства в Москву. Надо полагать, сами переговоры шли не на народе, а в кругу родни — наедине с Федором Шереметевым, Владимиром Бахтеяровым, племянниками Марфы Борисом и Михаилом Салтыковыми.

На первых порах старица Марфа «с великим плачем рыданьем» отказалась благословить сына на царство. Она указывала на молодость сына, на ненадежность подданных: «Московского государства многие люди ...в крестном целовании стали нестойательны»; «всяких чинов люди по грехом измалодушествовались, дав свои души прежним государем, не прямо служили».

Вследствие полного разорения государства и отсутствия денег в казне невозможно «государевы обиходы полнити» для того, чтобы обеспечить достойное содержание царской семьи, чтобы жаловать служилых людей и воевать с королем.

Романовы высказывали особое беспокойство о судьбе плененного Филарета: узнав об избрании на трон Михаила, польский король тотчас велит «какое зло учинить» над его отцом.

Послы старались рассеять опасения Марфы. Относительно судьбы Филарета они объявили, будто власти уже послали

королю в обмен на него много польских и литовских людей, «кто им надобен», так что ждать владыку недолго, он будет освобожден «по своей к Богу великой вере и правде». Послы погрешили против истины, стремясь рассеять тревогу Марфы.

В конце концов Михаил с матерью согласились подчиниться приговору Земского собора. В тот же день Феодорит и бояре отвели Романова в Троицкий собор пригородного Ипатьевского монастыря и нарекли его на государство. Духовные лица передали ему царский посох.

ЦАРСКИЙ ПОЕЗД

Известие о наречении государя было получено в Москве 24 марта. Сторонники Михаила ждали его скорого возвращения в столицу. Но он надолго задержался в Ярославле. Недавняя столица Пожарского казалась более надежным прибежищем, нежели Москва, все еще находившаяся под властью казаков Трубецкого.

Пасху в 1613 году праздновали 4 апреля. При благоприятных обстоятельствах царь, избранный 21 февраля, мог поспеть в столицу к великому празднику. Но этого не произошло. В Ярославле Романовы пробыли с 21 марта по 16 апреля.

Всем памятно было, что претендента на трон Лжедмитрия I встречало в Серпухове все руководство Боярской думы, а Василий Шуйский, не встречавший государя, едва не лишился головы. В Кострому не приехал ни один из старших бояр, а посольство к Михаилу возглавили бояре, занимавшие последнее место в думе.

Соперничество между земскими воеводами и бывшей Семибоярщиной не стихло, и никто из вождей не хотел покидать столицу. Старшие бояре не пожелали ехать для встречи царя в Ярославль, который совсем недавно был для них местом ссылки.

Глава посольства к царю Федор Шереметев адресовал свои первые грамоты в Москву Мстиславскому, что отвечало придворному этикету, но не соответствовало реальному положению дел. Когда Михаил Федорович запросил московские власти, как обстоят дела с запасами для содержания царской семьи, Земский собор отвечал, что бояре Трубецкой и Пожарский тотчас сделали распоряжения о сборе кормов по городам.

Федор Шереметев был одним из умнейших и опытнейших государственных деятелей России, и, надо полагать, он представил родне достоверные сведения о ходе выборов.

Казаки пожелали иметь царя, от которого можно было потребовать заслуженные деньги. Михаил и его мать привыкли видеть в казаках извечных мятежников и заводчиков крови. Два года, проведенных в осажденном Кремле, не прошли даром. В голове молодого Романова глубоко укоренился страх перед бунтующим народом.

Земский собор отправил к царю представителей казачьего круга. В Костроме царю били челом «от атаманов и казаков, ото всего войска» Иван Толстой и Иван Ус с пятью казаками. Еще раньше в ставку прибыли казаки, входившие в состав посольства Шереметева.

Романов не участвовал в избирательной кампании и не обещал казакам великих милостей. Тем не менее казаки настаивали на выплате им денег.

В грамоте собору Михаил жаловался на то, что атаманы и казаки «беспрестани нам бьют челом и докучают о денежном жалованье и о своих и о конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего».

В распоряжении Романова не было ни денег, ни припасов, и ему нельзя было показаться в столице, где казачье войско потребовало бы у него то, чего требовали послы.

Пока царский поезд медленно продвигался к Москве, в окружении Марфы Романовой начал формироваться новый правительственный круг. Ранее других в него вошли Борис и Михаил Михайловичи Салтыковы, родня матери Михаила

Романова. По семейной близости они жили все вместе в Ипатьевском монастыре. Марфу всего более беспокоило отсутствие в разоренной Москве запасов для царской семьи и двора. В царской ставке был образован Приказ Большого дворца, во главе которого стал стольник Борис Салтыков, названный в Разрядах без чина дворецкого. Его брат Михаил Салтыков стал кравчим.

Государь распорядился прислать ему два посоха. Издавна посох в руках воевод был атрибутом власти.

Сановники, окружившие еще некоронованного государя, проявили редкое нетерпение. После наречения царя боярин Шереметев отправил Мстиславскому царский указ немедленно прислать «государеву печать и боярской список», так как, разъясняли авторы царской грамоты, «у нас, господа, за государевою печатью многие государевы грамоты стали». Боярская дума не выполнила указ. В грамоте, писанной после 17 марта, Шереметев пенял боярам, что уже «многажды» требовал присылки печати, но ответа не получил.

Когда печать была наконец прислана, Михаил и его окружение начали рассылать грамоты, скрепленные печатью. Земельные дела относились к числу неотложных.

Дворцовые кладовые были пусты и не могли обеспечить кормами не только казаков, но и царскую семью. Это было связано как с войной, так и с состоянием дворцовых владений. В грамоте Земскому собору от 8 апреля царь писал об этом с полной определенностью: «наши дворцовые села и черные волости розданы были в поместья и запустошены, а иные и ныне в роздаче. И на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба сбирати не с кого».

Московские власти прислали царю Земляной боярский список 7121 года. Документ удостоверил факт неслыханного расхищения дворцовых земель. Нимало не считаясь с интересами Большого дворца, земские власти по случаю победы над поляками и Семибоярщиной щедро раздавали дворцовые волости отличившимся воеводам и дворянам.

Раздача земли «по боярскому приговору» не считалась окончательной. Пожалования земли были прерогативой царя. По-видимому, земские власти рассчитывали на то, что государь утвердит составленный ими боярский Земляной список 7121 года и не внесет в него больших перемен. Но они ошиблись. В Земляном списке нет данных о его утверждении в целом, но в нем находим 36 помет типа «при государе», «пожаловал государь». Часть помет подтверждала пожалования «при боярех», другие обозначали новые дачи.

Боярин Федор Шереметев сидел в Кремле с поляками и не мог претендовать на награду. Но он возглавил посольство от Земского собора к вновь избранному государю и был щедро за это вознагражден, добился возврата родовых вотчин, некогда отобранных у его родни. Как значилось в Земляном списке, «вотчин за ним старых и с тем, что ныне его государь пожаловал старою вотчиною дядей его 9214 чети». Федор Шереметев стал одним из богатейших людей своего времени.

У некоторых воевод, сыгравших выдающуюся роль в освободительном движении, новые власти конфисковали владения, записанные за ними в земском Земляном списке.

Так, за бывшим тушинским боярином Матвеем Колодкой-Плещеевым числился посад Нерехта. Колодка был понижен из бояр в стольники, а Нерехта отписана на государя.

Бывший тушинский боярин Михаил Бутурлин владел городком Сапожок с 8000 четвертей пашни. Он также лишился боярства, а городок был «отписан на государя».

Крупные владения — 1200 четвертей, без обычной пометы «при боярех», получил чашник Афанасий Лобанов-Ростовский. Князь Афанасий служил в двух земских ополчениях и побывал в плену у поляков. Но сколько-нибудь заметной роли в земском движении не играл.

Без ссылки на земских бояр царь Михаил пожаловал земель кравчего Михаила Михайловича Салтыкова и его брата Бориса.

Членом посольства от Земского собора к царю был боярин Владимир Бахтеяров-Ростовский. Князь получил «но-

вые дачи, что ему дано при боярех» — более тысячи четвертей пашни. Сверх того «ныне пожаловал государь (ему) из роздачи» старую вотчину, прежде отобранную у Бахтеяровых и пущенную в раздачу.

Земские власти, почти два года распоряжавшиеся земельными пожалованиями, по-видимому, не собирались отказываться от этой практики. За решением возникших тяжб дворяне обращались к новому царю.

Стольник Владимир Татищев бил челом государю, что был послан Шереметевым в Кострому, а в его отсутствие бояре отняли у него поместье «без сыску» и передали Григорию Измайлову. Аналогичные жалобы поступали и от других лиц.

Царь сделал выговор думе и строго воспретил боярам и собору отбирать земли без сыска у всех дворян, в особенности же у служилых людей, находившихся с ним в московском походе. «Многие дворяне и дети боярские, — писал Романов Земскому собору, — бьют нам челом о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и отдаете в раздачу без сыску; и вам бы те докуки от нас отвести»; «во всяких делах розсправливать (чинить расправу) по сыску в правду, чтоб нам о том не били челом»; «а которые ныне у нас и к нам приехали с властью и мы у тех (дворян) поместий и вотчин до нашего указу отымать не велели».

Земское правительство теряло одну позицию за другой. Оно назначало воевод для действий против неприятеля и для управления и сбора кормов в городах, пока не выяснилось, что в ряде городов уже сидят воеводы, присланные из походной ставки царя. Властям пришлось обратиться к государю с вопросом: «мы, холопи твои, в города учили были воевод и (людей) для сбора кормов отпускать, и воеводы приходят к нам, ...а сказывают, что де во все города воевод ...отпускают от тебя, государя; и мы, холопи твои, в города воевод и для казачьих кормов сборщиков посылать без твоего государева указу не смеем».

Оставлять войско без «казачьих кормов» было опасно. Михаил милостиво разрешил собору впредь посылать вое-

вод в города «по приговору», раз известно станет, что в тех городах «без воевод быть немочно». В царской грамоте сообщалось, куда именно разосланы городовые и полковые воеводы. В Казань государь назначил князя Юрия Ушатого, в Свияжск — князя Василия Щербатого, под Псков — князя Семена Прозоровского, в Бежецкий Верх — Федора Плещеева. На воеводстве в Казани сидели обычно думные чины. Но таковых «в походе» при особе царя почти и не было.

При избрании Борис Годунов преодолел сопротивление думы, созвав в Серпухове все дворянское ополчение. На выборах Романова ситуация была иной. Выборные люди из Нижнего Новгорода после 21 февраля просили у Земского собора разрешения всем ехать без промедления к царю Михаилу. Но собор отказал им. Среди дворян прочих «город» такого единодушия не наблюдалось. К царю отправилось сравнительно немного дворян. Романов обратил на это внимание бояр, и собор вынужден был оправдываться: «дворян, государь, и детей боярских без твоего государева указу с Москвы мы никуда не отпускали, опричь тех, которые отпущены к тебе, государю, в челобитчиках».

Следуя советам опытных лиц, Михаил решил явиться в Москву не ранее, чем соберет достаточно многочисленное дворянское войско. Он отдал прямое распоряжение членам Государева двора — стольникам, стряпчим и жильцам быть на службе с ним «в походе к Москве». Наконец власти известили Романова, что больше «на Москве стольников и дворян больших и стряпчих нет никого»; «да и городовые, государь, дворяне многие поехали к тебе, государю». В самом деле, Михаилу удалось вызвать в ставку уездных детей боярских из близлежащих городов — Костромы, Ярославля, Ростова, Переяславля Залесского, Пошехонья и Романова. «Списки ести и неты» (явившихся на смотр и нетчиков) были 25 апреля отправлены в столицу.

Годунов устроил генеральный смотр дворянам в Серпухове, Романов — в селе Любилове 25 апреля 1613 года. Кажется бы, руководить проведением смотра должны были боя-

ре, находившиеся при особе государя. Но дело было поручено двум доверенным лицам, не имевшим думных чинов, — князю Афанасию Лобанову и Борису Салтыкову.

Царь Михаил на смотре не присутствовал. В тот день он находился в селе Сватково.

Смотр был проведен с соблюдением всех правил, после чего Михаил отправил смотренные списки боярскому руководству: «дворяне и стольники и стряпчие с нами все; а что с нами дворян больших и стольников и стряпчих и дворян выборных из городов, и мы к вам послали имянной список».

Тех, кто не выполнил царский указ и не явился в стан к государю, ждала суровая кара. Михаил приказал отписать у них в казну поместья и вотчины, людей их выслать вон из имений, «и крестьяном тех помещиков слушать ни в чем не велеть». К царской грамоте приложен был список нетчиков, среди которых были Бутурлин, Колычев, Головин, Гагарин и пр.

Смотр 25 апреля имел не менее важное значение, чем выборы 21 февраля. Собранные в царском лагере дворяне страны продемонстрировали полную поддержку вновь избранной династии. Те, кто выступил против Михаила Романова, не считали его избрание на трон делом окончательно решенным. Посылка смотренных списков в столицу должна была убедить всех, что избрание Михаила является фактом и пересмотру не подлежит.

Опора на дворян помогла Романовым преодолеть сопротивление аристократической думы. Навязанное казаками решение приобрело законную силу после того, как его поддержало столичное и провинциальное дворянство.

Избирательная кампания уже с первых дней обнаружила, что на стороне Романовых выступает меньшинство как в думе, так и на соборе. После 21 февраля романовская родня и сторонники отправились в ставку Михаила. Партия Романовых окончательно ослабила свои позиции. Поначалу немногие из власть имущих, оставшихся в столице, верили в успех казачьего кандидата. Федору Шереметеву понадобил-

ся незаурядный талант политика и дипломата, чтобы усадить Михаила на трон.

Земский собор уверял Романова, что в Москве все готово для его приема. Но известия, поступавшие из столицы, говорили совсем о другом. Царь бранил подданных за ложь: «Вы де нам били челом и говорили ложно всего Московского государства ото всех чинов людей, что всякие люди перестали ото всякого дурна и учинились в соединенье, и междоусобная кровь крестьянская перестала литься».

В самом деле, казаки продолжали волноваться, требовали платы и в любой момент могли учинить новый мятеж. В столице было неспокойно из-за недостатка продовольствия, постоянных грабежей и разбоя. В грамотах к боярам царь приказывал положить конец беспорядкам, «чтоб на Москве и по городам и по дорогам никому ни от кого грабежей и убивства не было».

Сложилась ситуация, при которой бояре не могли ничего потребовать от государя, тогда как царь предъявил думе и собору жесткие требования. Не располагая рычагами власти, окружение Михаила должно было идти привычным путем: возложить на Боярскую думу и собор исполнение самой насущной и трудноисполнимой задачи — немедленного восстановления безопасности и порядка в столице и по всей стране. Разрешить эту задачу в короткий срок было попросту невозможно.

Движение царского кортежа в Москву затрудняла весенняя распутица и еще больше — новые неблагоприятные вести. 23 апреля в царский лагерь в село Сватково под Троице-Сергиевым монастырем явились дворяне, везшие грамоту царю из столицы. В Подмоскovie они были ограблены казаками донага и изранены саблями. Несколько дней спустя «воровские» казаки ворвались на посад в Дмитров и учинили там грабеж. Было установлено, что ранее они служили в станице Степана Неустроева из полка Дмитрия Пожарского. Подняв бунт, казаки бежали из Москвы и выбрали себе нового атамана.

Строгие предписания на имя Мстиславского с товарищами о наведении порядка не давали желаемых результатов, и окружение Михаила искало поддержки тех сил, которые фактически располагали властью в столице. Будучи в Троице-Сергиевом монастыре, царь созвал собор с участием церковных властей, членов думы, дворян Государева двора и городских, голов и сотников стрелецких, атаманов и казаков. Царь выступил перед ними «с великим гневом и со слезами», жалуясь на злодеяния людей, которые чинят убийства и грабежи в столице, по городам и на дорогах. Говорилось, конечно же, о казаках. Но Михаил обличал «воров великих», не уточняя, о ком идет речь. Под конец государь грозил, что не поедет из Троицы к Москве до тех пор, пока в стране не будет наведен порядок и прекращен разбой на дорогах.

В надежде на награду в царский стан продолжали стекаться казаки. Им выдавали по 6 денег на атамана и 5 денег на казака в день и фураж на лошадей. Такое жалованье никак не могло устроить служилых казаков. Они прекрасно уразумели, против кого направлены были решения собора в Троице и заволновались. На другой день после собора многие из казаков побежали из царского стана к Москве, а «дорогой едучи, многих людей грабили». Михаил тотчас известил Мстиславского, что атаманы при нем «ныне все, а казаки в Троице остались немногие». Наибольшая опасность заключалась в том, что неповиновение царю оказали казаки, еще недавно ратовавшие за его избрание.

На троицком соборе решено было срочно отправить в Москву посольство во главе со стольниками Петром Ивановичем Шереметевым, князем Алексеем Львовым и архимандритом Чудова монастыря Авраамием. В состав посольства вошли представители всех соборных чинов. Посольство должно было предъявить Земскому собору в Москве требование немедленно унять разбой на дорогах и очистить путь государю в столицу. Соборные чины напоминали Земскому собору в Москве, что его члены по своей воле «обрали» царем Михаила и принесли ему присягу.

Михаил отправил с послами приказ арестовать мятежников-казаков, бежавших из-под Троицы, и бросить их в тюрьму. Послы привезли именной список «воров».

В Москве власти употребляли все средства, чтобы овладеть положением. Прежде всего они старались удалить из столицы казачьи сотни. 19 марта 1613 года на литовскую границу было отправлено 2323 казака из состава ополчения. Несколько сотен отправились в Псков.

Переписка двух соборов — троицкого и московского — показывала, что окружение Романова искало опору в столичном Земском соборе. Без собора коронация Михаила была невозможна.

Крайнюю тревогу в царском стане вызвали казанские вести. Утрата Новгорода и Смоленска подняла значение Казани как крупнейшего города после Москвы. Весной 1613 года казанцы собрали рать и послали ее по приказу земских властей в столицу. Весть о царском избрании застигла казанских воевод в Арзамасе. Посланцы Земского собора хотели, чтобы ратники немедленно принесли присягу Михаилу, но их предводитель дьяк Шульгин воспротивился присяге. Дьяк управлял Казанью с того времени, как народ по его указке убил Богдана Бельского, а Морозов ушел под Москву. Шульгин заявил: «Без казанского совета креста целовали, не хочу». С ближайшими «советчиками» дьяк решил спешно вернуться в Казань.

Выступление Казанского государства грозило поколебать позиции Романова. Поэтому власти постарались перехватить Шульгина в пути. Они снарядили погоню и арестовали дьяка в Свяжске. Позже его уморили в сибирской ссылке.

Михаил принял под свою высокую руку распадающееся царство. «Новгородское государство» перешло под власть шведов. России грозила война со Швецией и «Новгородским государством».

Государева свита росла по мере приближения царского поезда к столице. Михаил предписал думе прислать ему десять шатров. Для кого они предназначались? Для дворян из

его окружения или для членов думы, когда те наконец выедут навстречу великому государю?

Приказным удалось отыскать парадный шатер суконный, «четвероугольный». Кроме того, Мстиславский подарил царю два своих шатра полотняных, «двоеверх». Глава думы был много богаче Михаила Романова и мог позволить себе такие подарки.

Нашлись еще шатер кизилбашский (персидский) «белой, круглой», «палатка вишнева» и несколько других шатров.

Первоначально Михаил адресовал свои грамоты московскому собору, обозначая по имени только высшего иерарха церкви. После 7 апреля в ответах собора царю вместо безымянного перечня чинов (боярам и прочим) начинает фигурировать глава думы «холоп твои Федорец Мстиславский». В его грамотах исчезает ссылка на митрополита.

После 13 апреля Романов пишет грамоты в Москву, адресованные Мстиславскому с товарищами.

Составляя очередную грамоту, писец Земского собора по привычке написал было: «...мы, холопи твои, Дмитрий Трубецкой да Дмитрий Пожарский», но тут же спохватился и вычеркнул имена земских вождей.

В переменах такого рода усматривают доказательство того, что Семибоярщина вскоре же вернула себе власть в царствующем городе. Но это едва ли так. Обращение царя к Мстиславскому подкрепило претензии боярского руководства, но сам царь еще не был коронован, а Мстиславский, помогавший полякам жечь Москву и проливший кровь земских ратников и москвичей, утратил всякий авторитет в народе. Пока Мстиславский добился лишь соблюдения этикета, а подлинная власть была у тех, кто мог опереться на войско.

Примечательно, что в апреле Михаил получил из Москвы два запроса, когда и где его встречать. Один запрос был сделан Федорцем Мстиславским, а другой отдельно Митькой Трубецким и Митькой Пожарским.

Окружение Михаила хорошо рассчитало свои действия. Если бы после наречения Михаил без промедления явился в

столицу, он неизбежно стал бы игрушкой в руках земских вождей и казаков, на стороне которых была сила.

С большим запозданием 30 апреля Земский собор постановил выслать навстречу царю боярина князя Ивана Воротынского. Князь занимал в думе особое положение. Мстиславский с товарищами по требованию Гонсевского изгнали его из Семибоярщины. Но и в земский лагерь он не перешел.

Воротынского сопровождали боярин Василий Петрович Морозов, окольный князь Данила Мезецкий, девятнадцать дворян и тридцать семь атаманов и казаков, а также десять конных стрельцов. Состав посольства давал некоторое представление о составе столичного гарнизона.

1 мая 1613 года послы прибыли в село Братошино и били челом старице Марфе и ее сыну, чтобы царь соизволил идти в столицу.

Внутри московского гарнизона соотношение сил стало постепенно меняться. Это позволило властям приступить к разработке жестких мер. 30 апреля митрополит и бояре получили царскую грамоту о пресечении воровства. На основании грамоты власти «заказ учинили крепкой, а атаманы и казаки меж себя говорили, что у одного атамана чрез день его станицы казаков смотреть дву атаманом, и которое воровство сыщут, и его, не потояв, тотчас про него скажут, и за воров в челобитчиках быти не хотят».

Царскую грамоту и боярский приговор огласили в Успенском соборе Кремля в присутствии казаков.

Ляпунов пытался бороться с беспорядками и грабежом и погиб под казацкими саблями. В расправе с ним участвовало все войско — круг. То же самое войско находилось теперь в Кремле.

Михаил помнил о судьбе думного дворянина и действовал осторожно. Дума довела приговор о воровстве до сведения круга («атаманы и казаки меж себя говорили») и добились его одобрения. Круг согласился с тем, чтобы к каждому атаману в станицу являлись через день два атамана из соседних станиц и устраивали смотр — проверку наличия станич-

ников. Сыскав воров, сами же казаки должны были выдать их на расправу боярам.

Глашатаи объявили «в казачьих таборах», чтобы воровства и корчем «не было нигде». Объявление было подкреплено практическими мерами. Разрядный приказ расписал по улицам столицы «объезжих голов» — вооруженные патрули, которые должны были обеспечивать безопасность населения.

Почти два года казацкое войско осаждало столицу, добывая еду реквизициями, иначе говоря, грабежом. Надеяться на то, что борьбу с грабежами можно поручить самим же казакам, было опрометчиво. Покончить с грабежами можно было только силой, а сил у бояр было немного.

Московские власти поспешили донести государю, что его указ выполнен: голова Горихвостов с сотней стрельцов послан по коломенской дороге, а голова Протопопов — по троицкой. Оба донесли, что воров не видели. Посланцы предпочитали действовать неподалеку от столицы и столичных укреплений и, видимо, не искали столкновений с воровскими казаками. Власти откровенно оправдывали их: «которые воры, государь, и отъезжая от Москвы верст за тридцать и за сорок и за пятьдесят и болши, воруют и грабят и побивают, и на тех, государь, воров нам, холопом твоим, посылати посылки некого: дворян и детей боярских с нами ...на Москве мало».

А между тем казацкие грабежи усиливались. В 1614 году Яков Делагарди доносил из Новгорода: «казаков слишком много в стране, и они самовольно разъезжают повсюду и стоят порознь тут и там, держа сторону то великого князя Московского, то Заруцкого, то сохраняя нейтралитет; всюду они грабят, жгут, убивают и творят такие жестокости с боярами, горожанами и крестьянами, женщинами и детьми, о каких никогда не слыхано и от язычников».

Дворяне, самое малочисленное сословие, понесли в годы гражданской войны чудовищные потери. Они гибли и нищали вместе с прочим народом. Опора трона становилась все более зыбкой. Казачество в годы Смуты разрослось и претерпело перерождение. Вольные казаки покидали табо-

ры и возвращались в свои зимовья. Но все большее их число оставалось на царской службе, сохраняя привычки вольницы. Превращение казачества в служилое сословие произошло, однако, не в Смуту, а много позже.

В Москве было беспокойно. Власти старались все предусмотреть. Сохранился черновик грамоты с вопросами бояр, обращенными к царю: «кому из нас, бояр, навстречу к нему, государю, быти», когда и в каком месте «бояром встречати и полком; дворяном и детем боярским с бояры быть ли, и пешим атаманам, казаком и стрельцом», выйти ли «встречати государя за город и оружие с собою им имать ли?»

Дворяне должны были встретить царя «полком», то есть в конном строю, атаманы и казаки — в пешем. Вопрос об оружии выдавал страх бояр перед возможными беспорядками.

КОРОНАЦИЯ

2 мая царь Михаил прибыл наконец в столицу. Его встречали Священный собор «с крестами», дума, войска и население столицы. Церемонии недоставало размаха. За годы осады половина столичного населения разбежалась, спасаясь от обстрелов из Кремля. Руины сожженного города не были застроены. В колокола звонили в уцелевших звонницах.

Авторы «Сказа» сообщают, что казаки «все, выехав из Москвы, стаха в поле». Часть казаков отосланы были на границу, но казацкое войско представляло внушительную силу. Атаманы и казаки приветствовали государя, которого фактически они посадили на царство, но которого и в глаза не видели.

Старица Марфа познала нужду сначала в ссылке, а потом в Москве в осаде и, прежде чем вернуться в Кремль, много раз запрашивала бояр, есть ли к цареву приезду во дворце запасы и откуда надеются их получать. Из Москвы отвечали, что ныне в государевых житницах запасов много.

Марфа не поверила отписке. Когда приказные составили роспись запасам, выяснилось, что хлеба и продовольствия в кормовых приказах так мало, что их не хватит даже на государев приезд, а денег «ни в котором приказе в сборе нет».

Как женщину практичную, Марфу беспокоил вопрос, найдет ли она приличное ее сану жилище в разоренном Кремле. На первых порах старица думала поселиться в деревянных хоромы вдовы Шуйского, а сыну прочила Золотую палату царицы Ирины Годуновой с сениями. Но у бояр было свое мнение на этот счет. Они считали важным подчеркнуть родство Романова с династией Грозного. Только это родство давало Михаилу право на царство. Мстиславский с товарищами известили Марфу, что они уже изготовили для Михаила «полату золотую, что от Благовещенья к Красному крыльцу, да от нее сени передние, полату переднюю, да две комнаты, где живал Государь царь и великий князь Иван Васильевич, что слыл Чердак Государыни царицы Настасьи Романовны». Указание на царицын Чердак весьма удачным образом подкрепляло претензии Романовых на родство с первым царем.

Дума также приготовила для Михаила Грановитую палату, а для Марфы — хоромы в женском Вознесенском монастыре. Во дворце на старом месте была построена мыленка.

Те постройки, которые приглянулись матери Михаила, оказались разорены дотла. Палаты и хоромы в них все были без кровли. Лавок, дверей и окошек в них давно не было. Делать все пришлось бы заново, а деньги в казне отсутствовали, и плотников в столице было мало, и леса пригодного скоро было не добыть.

Соперничество между старшими боярами и земским правительством мешало собору предпринять какие бы то ни было шаги к ограничению власти самодержца.

Еще 14 апреля 1613 года собор постановил составить Утвержденную грамоту, иначе говоря, приговор Земского собора об избрании Михаила. За образец дьяки взяли годуновскую грамоту. Нимало не заботясь об истине, они списывали ее целыми страницами, вкладывая в уста Михаила

слова Бориса к собору, заставляя старицу Марфу Романову повторять речи инокини Александры Годуновой. Сцену народного избрания Бориса на Новодевичьем поле они воспроизвели целиком, перенеся ее под стены Ипатьевского монастыря. Обосновывая права Романовых на трон, дьяки утверждали, будто царь Федор перед кончиной завещал корону «братаничу» Федору Романову.

Как значилось в грамоте, самодержец принимает скипетр Российского царствия для утверждения «истинные наши православные веры и чтобы господь Бог его государским призрением» «вся благая Московскому государству устроил».

Составители грамоты всего подробнее расписывали обязанности подданных по отношению к монарху. Они должны были служить царю и его детям «верою и правдою, всеми душами своими и головами»; «свыше своего отечества и службы, помимо царского повеленья, чести себе никакой не хотети и не искати; и поместья и вотчины держати по своей мере, чем кого государь пожалует».

На изготовление грамоты ушло несколько недель. Подписание ее заняло несколько лет — с лета 1613 года до 1617 года. Первыми подписали грамоту Федор Мстиславский (первая строка слева), Дмитрий Трубецкой (вторая строка слева) и Федор Шереметев (третья строка слева). Окольничий Федор Головин расписался за себя и за боярина князя Андрея Куракина (четвертая строка). Ниже стояло имя князя Пожарского (пятая строка слева). Позже на первой строке справа появилась подпись Ивана Голицына, на третьей строке — князя Ивана Воротынского и Ивана Меньшого Одоевского, на пятой строке — Василия Морозова и Бориса Салтыкова. Из бояр грамоту подписали также Иван Куракин, Григорий Ромодановский, Иван Хованский (за него руку приложил Пожарский) и на последнем месте князь Иван Черкасский и Иван Романов. Князь Владимир Бахтеяров расписался под окольничими.

Список «рукоприкладств» думных людей пополнялся по мере пожалования думных титулов различным лицам. Каза-

лось бы, эти лица должны были бы фигурировать сначала в низшем чине и лишь затем в боярском чине. Объяснить, каким образом дьяки устранили подобные неизбежные повторы, трудно. Утвержденная грамота хранилась в виде столбца, и приказные собирали подписи на отдельных листах, которые потом подклеивались к столбцу. Возможно, это и позволяло дьякам перекраивать листы с подписями.

Установлено, что дьяки получили приказ собрать подписи прежде всего у выборных из городов, чтобы они могли скорее покинуть столицу и не нести расходов. Вскоре же власти оказались завалены неотложными текущими делами, а Утвержденная грамота утратила злободневность, вследствие чего дело ее подписания затянулось на годы.

В отличие от Годунова Михаил не позаботился о том, чтобы собрать подписи у всех членов собора поголовно. Выборные из городов выделяли из своей среды грамотея — дворянина либо посадского человека, реже стрельца, и тот подписывал разом за всех представителей своего города и уезда.

На коронации Михаила земские бояре тщетно пытались добиться признания их старшинства. Правитель Трубецкой пробовал местничать с самим Иваном Романовым, но его быстро одернули. Царь оказал честь дяде Ивану Романову, велел ему держать перед собой шапку Мономаха. Трубецкому пришлось довольствоваться более скромной ролью. Он нес скипетр. Пожарский также участвовал в церемонии коронации. Ему поручили держать золотое яблоко. Князь Мстиславский вновь оказался героем дня. Как самый знатный из бояр, он осыпал молодого царя золотыми монетами.

В Москве все ждали первых распоряжений самодержца, которые должны были определить курс государства.

Исаак Масса подробно описал первые действия коронованного государя, которые обнаружили «добрые признаки» и стали своего рода знаменем. Тотчас после коронации Михаилу доложили о важном проступке одного господина и предложили наказать виновного. Ждали суровой кары для провинившегося. Но Романов не зря побывал в тюремных сидельцах. Он счел благоразумным не придавать значения

доносу и отвечал сановникам: «Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают охотиться лишь с летами». Шутка обнаружила, что Романову не чуждо было чувство юмора. По существу же, решение царя стало своего рода вехой. Молодой государь своим постановлением доказал, что не намерен прибегать к репрессиям ради установления своей неограниченной власти. Последующие события показали, что Михаил не умел распорядиться доставшейся ему огромной властью и расстался с ней, как ребенок расстается с игрушкой. При молчаливом согласии монарха Боярская дума, глубоко скомпрометировавшая себя сотрудничеством с поляками, по истечении недолгого времени вернула себе власть. Никаких действий для ограничения власти боярского правительства самодержец не предпринимал.

В первые годы царствования Михаила дела шли вкривь и вкось. В августе 1614 года Масса писал, что Россия в опасности: царь избран, ему «около двадцати лет от роду». Но «земля Московская до сих пор не может получить от него ни теплоты, ни света». Два года спустя Масса утверждал, что правление Михаила Федоровича долго не продлится, если «правление остается в прежнем состоянии».

Пророчества Массы о будущем России противоречивы. В стране скоро воцарится мир, если царь будет милостив к подданным. В другом случае голландец предрекал, что в Московии «все пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови».

Михаил Романов не хотел следовать примеру Грозного. При всей вялости ума Михаил Романов понимал, что ему не видать бы короны, если бы войско Пожарского не очистило Москву от вражеских отрядов. Члены собора и народ требовали признания заслуг выборного земского воеводы. Подчиняясь общему настроению, царь в самый день коронации объявил о пожаловании стольнику Пожарскому боярства. Но прежде стольника тот же чин получил князь Иван Борисович Черкасский. Порядок пожалования был глубоко символичен. Князь Пожарский возглавлял мартовское восстание

в Москве в 1611 году, князь Черкасский помогал иноземцам подавлять его. Позже Иван Черкасский сражался с передовыми отрядами ополчения, но был взят в плен.

Кузьме Минину более, чем кому бы то ни было другому, обязана была Москва своим освобождением. Совет ополчения по решению «всех земли» наградил его за московское взятие большой вотчиной. Но заслуги Минина перед казной все же не получили должного признания. Не он, а Траханиотов получил чин казначея и возглавил Казенный приказ.

То, что после наречения на царство Михаил стал писать грамоты Мстиславскому с товарищами, вопреки распространенному мнению не означало передачи власти из рук земского правительства в руки Семибоярщины. Переворот произошел позже, когда в ход был пущен местнический таран.

Иван Грозный казнил боярина Александра Горбатого, покорителя Казани. Правитель Борис Годунов приказал тайно умертвить боярина князя Ивана Шуйского, остановившего вторжение короля Батория под стенами Пскова. Братья Шуйские, по всей видимости, отравили князя Михаила Скопина, освободившего Москву от многолетней осады.

Пожарский изгнал поляков из Кремля. Судьба была к нему милостивее, чем к другим выдающимся военачальникам. Однако же царь Михаил и его мать не простили князю того, что он домогался трона и, возможно, потратил на выборы больше денег, чем сами Романовы. Любое поражение на границах могло привести к свержению Михаила. Популярность Пожарского была велика, и его можно было считать серьезным соперником.

Свои главные победы Пожарский одержал в войне с войсками Семибоярщины и короля. Военное положение России оставалось критическим. Князь Дмитрий был одним из немногих воевод, способных возглавить армию. Но вернувшиеся к власти бояре постарались положить конец его карьере. Земский воевода остался не у дел.

Когда стольник Пожарский был произведен в бояре, объявить государеву милость поручили Гавриле Пушкину. Как думный дворянин, Пушкин занимал в думе невысокое по-

ложение. Тем не менее он отказался выполнить царское распоряжение и затеял местническую тяжбу с князем. Земский воевода, уверенный в прочности своего положения, не оценил опасности и не подал встречного иска.

Прошло полгода, и Пожарский осознал, что не получит никаких воеводских постов, пока не заставит бояр считаться со своим «родословием».

В конце 1613 года царь поручил Пожарскому объявить двору и народу о пожаловании в бояре Бориса Салтыкова. Пожарский, уповая на свои заслуги и популярность, заместничал с ним. Ослушавшись царя, князь съехал к себе на двор, сказавшись больным. Власти решили наказать Пожарского и послали за ним дворянина Перфилия Секирина, служившего при нем в Ярославле. Секирин отвел воеводу на двор к Борису Салтыкову. Выданный головой Пожарский должен был поклониться своему недругу до земли и, стоя на коленях, выслушать все, что тот скажет.

Невозможно было придумать худшего унижения. Поражение в местническом споре фактически лишало Пожарского права занимать высшие военные посты в государстве.

Семибоярщина могла торжествовать победу над военачальником, свергшим ее и освободившим Москву.

Устранить главу земского триумвирата Трубецкого с помощью тех же средств было невозможно. Воевода принадлежал к одной из самых знатных фамилий России. С ним поступили иначе: его назначили в действующую армию. Главным соперник Романова на выборах был удален из столицы и тем самым лишился власти.

Борьба за изгнание захватчиков с русских земель могла бы иметь успех, если бы русское командование сосредоточило все свои силы на одном направлении. Но этого не произошло.

Пожарский старался не допустить одновременной войны с Речью Посполитой и Швецией, и его дипломатические усилия увенчались успехом. Отстранив земских воевод от руководства, правительство отказалось также и от выработанного ими курса.

Сигизмунд III не отказался от планов завоевания России. Его войска вновь и вновь пересекали русские рубежи. Они сожгли Козельск, Болхов, Перемышль и показались у стен Калуги. Чтобы не допустить врага к столице, русское командование направило на запад земских воевод Дмитрия Черкасского и Михаила Бутурлина со значительными силами. Они отогнали неприятеля от Калуги, освободили Вязьму, Дорогобуж, Белую, а затем осадили Смоленск. Под Смоленском командование сосредоточило 12-тысячное войско. Ровно половину из него составляли казаки.

В разгар боевых действий под Смоленском правительство направило под Новгород князя Дмитрия Трубецкого с более чем пяти тысячной ратью. Последняя тысяча казаков, некогда осаждавших Кремль, покинула столицу вместе с ним.

Распылив силы, русское командование не сумело освободить ни Смоленска, ни Новгорода.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Смута подорвала мощь дворянского ополчения. Множество дворян погибло в братоубийственной войне. Еще больше разорились или лишились поместий. В то время как оскудевшие дети боярские «волочились под окны» и просили милостыню, другие завладели обширными вотчинами, никак не соответствовавшими ни их «породе», ни службе предков.

Современники в идиллических тонах описывали земельные пожалования царя по случаю коронации. «А московских бояр и всяких чинов людей, которые седили в Московском царстве в осаде с литовскими людьми, которые были в Литве у короля и в Тушине и в Калуге и при воре второлживом Дмитреи, и тех государь всех пожаловал для своего царского венца, наипаче же свыше первого, по их достоинству честию и пожитком, и совокупися вся земля Руская ему государю служить».

Михаил не мог удовлетворить всех по простой причине. У него не было необходимого для этого земельного фонда. Но он не смог бы удержать корону на голове, если бы стал проводить широкие конфискации. Монарх постарался обеспечить себе поддержку всех сколько-нибудь влиятельных сил в среде знати и дворянства. Для достижения этой цели надо было закрепить земельные богатства за членами бывшей Семибоярщины и поддерживавшей ее верхушкой Государева двора, что означало отмену одного из важнейших пунктов земской конституции 1611 года. Одновременно государю пришлось подтвердить пожалования многим земским дворянам, воевавшим с Семибоярщиной.

Новым властям пришлось прежде всего позаботиться о том, чтобы восстановить почти полностью запустевший фонд поместных земель и обеспечить землями обнищавших служилых людей. Назрела необходимость нового «землемерия» наподобие тех, которые проводил Грозный.

30 ноября 1613 года Мстиславский с товарищами приговорили объявить по всем городам «в торговые дни»: все, кому даны вотчины «против московских осадных сидельцев, а они были в Тушине, или кому даны вотчины за московское очищение», обязаны предъявить «вотчинные грамоты». Сами грамоты отбирались в казну, а за владельцами закреплялось лишь то, что «в оклад войдет», притом в оклад поместный, поскольку предписано было урезанные вотчины перевести в разряд поместий. В случае утайки вотчинных грамот землевладелец терял всю вотчину целиком. Сама вотчина переходила в руки доносчика как поместье.

Приговор затрагивал две категории дворян: тех, кто осаждал царя Василия Шуйского, будучи в тушинском лагере, и получил вотчину «против», т.е. соответственно дачам защитников Москвы; и тех, кто, находясь в земских ополчениях, получил вотчины за освобождение столицы и пленение Семибоярщины. Действие закона распространялось на всех тех, кто получил земли «при боярех» Трубецком с товарищами.

Боярский приговор от 30 ноября 1613 года показал, что Семибоярщина шаг за шагом возвращала себе власть. Ха-

рактарно, что в приговоре отсутствовала ссылка на указ царя Михаила.

Правительство было озабочено тем, чтобы сохранить на московской службе офицеров из числа иноземных наемников. 27 ноября бояре запретили пускать в раздачу русским детям боярским старых поместий служилых иноземцев. Последние получали право вернуть себе такие поместья.

С воцарением Михаила в России сложилась ситуация, напоминавшая начальный период правления слабоумного царя Федора Ивановича. По свидетельству авторов псковского «Сказания», «владеющие» — власть имущие бояре «царя ни во что вменили и не боялись его, потому что был молод». Пользуясь неопытностью государя, повествует тот же источник, бояре лестью его уловили; когда посадили на царство, «то к присяге его привели, что не будет казнить смертию никого из них, роду вельможеского и боярского, но только рассылать в заточение».

Знаток московских традиций дьяк Григорий Котошихин писал, что с выборных царей брали письменные обязательства, чтобы им быть не жестокими и не опальчивыми, «без суда и без вины никого не казнить ни за что, и мыслить о всяких делах с боярами и думными людьми сопча, а без их ведома тайно и явно никаких дел не делать». К числу выборных государей Котошихин относил и Романова.

Формально при избрании власть Михаила, по-видимому, не была ограничена боярами. Обнаружить ограничительную запись царя в архивах не удастся. Но надо иметь в виду, что после ряда переворотов верхи приобрели опыт, без сомнения, оказавший влияние на порядки в государстве.

При восшествии на престол царь Василий Шуйский, пренебрегая советами ближних людей, дал на себя ограничительную запись и обязался «не мстить» боярам и не казнить их без боярского суда. Фактически он объявил о возврате к порядкам, существовавшим до опричнины. Царь Василий столкнулся не с мнимыми, а с реальными боярскими заговорами, но сдержал клятву. Единственным исключением стал боярин и дворецкий Иван Крюк-Колычев. Его жестокая казнь имела роковые для государя последствия.

Воцарение Шуйского произошло на глазах Романовых, и при своем избрании они не последовали его примеру. Безвластие 1611—1613 годов побуждало членов Земского собора настаивать на избрании великого государя — полновластного монарха. Но аристократия придерживалась иного мнения.

Внимательный наблюдатель Исаак Масса отметил летом 1614 года, что Михаил Романов был избран войском при том, что «все князья — его кровные имеют мало власти». Отец государя находился в плену в Польше, а прочая родня на первых порах не пользовалась большим влиянием.

Ослабление самодержавной власти побудило Михаила Романова и его окружение следовать примеру Василия Шуйского. Фактически Романовы отказались от права опалы в отношении знати, что означало возврат к доопричным порядкам. Право опалы было прерогативой самодержавия, каким оно сформировалось в годы опричнины.

Романовы признавали законность власти царя Василия. Правление Шуйского, протекавшее на глазах у Михаила, было для него своего рода школой, а ужасный конец — грозным предупреждением.

Положение новой династии на первых порах было крайне неустойчивым. Власть нового царя не распространялась на Смоленскую и Чернигово-Северскую земли, захваченные поляками. Его не признало «Новгородское государство», перешедшее к шведам; не сразу признали Казанское и Астраханское царства.

Самодержавная система пришла в упадок. Когда в стране вспыхнула гражданская война, рядом с законным царем и старой столицей появились «воровские» — Путивль у Лжедмитрия I и Тушино у Лжедмитрия II. Избрание на трон царя Владислава усугубило кризис. Против него восстало население Москвы.

В земском лагере соборная практика достигла высшего расцвета в 1611 году, когда Боярская дума была практически исключена из состава Земского собора. На соборе преобладали представители полков и выборные от городов и уездов. Зловещим двойником «Совета всея земли» стал казачий круг.

Земский собор избрал династию Романовых вопреки воле Семибоярщины, под давлением казачьего круга. Слабость династии была очевидна. Но народ видел в Михаиле символ единства государства, завоеванного ценой огромных жертв.

В период ополчений представители всех русских сословий стали реально участвовать в управлении освобожденными территориями. Вершиной земской практики явилось соборное постановление 30 июня 1611 года, ставшее своего рода земской конституцией.

Попытка земских властей отстранить руководство Боярской думы от участия в царском избрании не удалась. Михаил утвердился на троне уже после того, как дума вернула себе роль верхней палаты, после чего собор приобрел традиционную структуру. Компетенция низших курий собора резко сузилась. Выборные всей земли отступили в тень. Важнейшие вопросы государственной жизни вновь решали бояре и дума.

В 1618 году царь с совета думы и Священного собора принял важнейшее решение отменить сроком на два года всякие местнические счета и тяжбы. К обсуждению приговора были привлечены не все соборные чины, а лишь московские и городовые служилые люди.

В первое десятилетие царствования Михаила Романова соборы не прерывали своей деятельности. Россия продолжала вести непосильную войну, и соборные чины должны были помочь казне изыскать необходимые средства, а также способствовать водворению порядка в государстве.

В годы Смуты соборы приобрели значительный моральный и политический авторитет, а потому их поддержка имела для неокрепшей династии неоценимое значение.

В мае 1613 года собор приговорил послать сборщиков «во все городы» для сбора денег и всяких припасов. Грамоты от имени царя и собора предписывали торговым людям заплатить сполна денежную подать за текущий год и за прошлые годы. Царь просил «помочь, не огорчаясь» — дать взаймы на содержание ратных людей денег, сукон, хлеба, рыбы, соли и всяких товаров.

Особые надежды власти возлагали на торговых людей Строгановых. Торговля солью приносила больший доход, чем виноторговля. Строгановы составили огромное состояние, производя соль и торгуя по всей стране. Во время Смуты солепромышленники несли большие расходы при каждом новом перевороте. Обращение к ним за денежными займами стало традицией. По призыву Минина они дали крупную сумму на Второе земское ополчение. Собор испросил новый заем для царя Михаила. Казна Строгановых истощилась, и власти советовали им продать часть усолий (соляных колодезев), чтобы раздобыть деньги для выбранного царя: «хотя теперь и промыслов убавьте, а ратным людям жалованье дайте, сколько можете». Если торговые люди себя пожалеют, не соберут деньги на жалованье служилым людям, писали соборные чины, государство дойдет до «конечного разорения», а купцы «именья своего всего отбудут» (лишатся).

Земский собор постановил собрать по всему государству пятину на жалованье служилым людям. Пятина носила вид принудительного займа. Власти обещали заемщикам вернуть деньги или зачесть в счет будущих платежей. Как только положение правительства упрочилось, оно ввело побор в виде обязательных платежей хлебом и деньгами на содержание рати. Со временем пятинный сбор из займа превратился в налог. Пятую деньгу собирали с торговых людей, включая тех, кто «сверх своих пашен торгует». Затем пятинные деньги превратились в обычный налог, исчислявшийся по разверстке. Власти определяли нужную сумму и раскладывали ее по городам.

ДУМА

Дьяк Григорий Котошихин красочно описал думу первых Романовых. Будучи приглашены на заседание, думные люди «сажаются по чинам, от царя поодаль, на лавках: бояре под боярами, кто кого породю ниже, а не тем, кто выше и

преж в чину ...думные дворяне потому ж, по породе своей, а не по службе».

Распределение мест в думе, сохраненное Романовыми, всецело определялось вековой местнической практикой. Но аристократия после всех потрясений опричнины и Смуты начала утрачивать бывшее могущество, а вместе с тем и свое влияние в думе.

Когда царь предлагает думе «мыслити», как поступить, «и кто ис тех бояр поболши и разумнее, или кто и из меньших, и они мысль свою к способу объявлявают». Меньшие думные люди, сидевшие поодаль от государя, имели возможность высказать мнение независимо от занимаемого места.

Некоторые из великородных бояр, как заметил очевидец, молчат на заседании думы: «а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованные». Боярская дума сохраняла характер представительного органа аристократии. Тем не менее бояре великой породы все чаще довольствовались сугубо почетной ролью, уступая реальную власть тем, кто преуспел по службе, — служилой знати. Кроме великородных лиц, уставивших брады, подчеркивает Котошихин, «сыщется и окроме их кому быти на ответы разумному из больших и из меньших статей бояр».

Слова очевидца клонились скорее к похвале думе, чем к ее поношению. Невзирая на местнические препоны, дела в думе, по утверждению современника, решали более образованные («студерованные») и опытные люди.

Знаток московских порядков Котошихин отметил, что царь Михаил, «хотя «самодержцем» писался, однако без боярского совету не мог делати ничего».

Как и прежде, рядом с Боярской думой существовала Ближняя дума, которая образовала свою иерархию власти. В Ближнюю думу входили в первую очередь ближайшие родственники юного государя. Действиями молодого царя, как отметили современники, твердо руководила его мать, которая «поддерживала царство со своим родом». Полагают, что Марфа «правила только дворцом и поддерживала не цар-

ство, а свой род» (С.Ф. Платонов). Это не совсем точно. На Руси боярыни редко вмешивались в государственные дела. Но мать царя была исключением.

Осведомленный современник Исаак Масса утверждал, что Ксения Шестова играла выдающуюся роль в сугубо политическом заговоре против Годунова. Мера ее наказания подтверждает это известие. Ксения-Марфа была единственной из опальных боярынь, которая разделила участь мужа и была насильственно пострижена в монахини.

Властная Марфа шла по стопам Ирины Годуновой, которая после пострижения некоторое время правила царством из Новодевичьего монастыря. Марфе Романовой незачем было бежать из Кремля. Она осталась в кремлевском девичьем Вознесенском монастыре и приняла сан игуменьи обители. Из Кремля ей легче было управлять поведением сына.

Конечно, Ирина Годунова была женой царя, а Марфа покинула мир, будучи женой боярина. По этой причине Романова не могла наподобие Елены Глинской или Ирины Годуновой писать указы, решать местнические тяжбы. И все же влияние старицы на дела управления, особенно на первых порах, было значительным.

Летом 1614 года в плен к шведам попали дворяне Чепчугов, Пушкин и Дуров. Они дали важные показания о положении дел в России. Власть в Москве, отметили они, фактически сосредоточена в руках Бориса Салтыкова «не по его званию, но потому что он родственник старой монахини, матери теперешнего великого князя, и она ему предоставляет это». Боярская дума постоянно заседает в Кремле, но бояре ничего не обсуждают и не решают без согласия Салтыкова.

Показания Чепчугова дают основание заключить, что вплоть до лета 1614 года властная инокиня-царица Марфа сохраняла известное влияние на дела государства. Удалившись в девичий Вознесенский монастырь в Кремле, она заняла хоромы, отстроенные Лжедмитрием I для своей мнимой матери старицы Марфы Нагой. Романова обставила свое жилище с царской роскошью и великолепием. Она жила в обители так же, как до нее жила вдова Грозного, что подчеркивало ее особое положение в государстве.

В распоряжение Марфы поступили сокровища прежних московских цариц, уцелевшие после «великого разорения». Она одаривала подарками большой ценности своих любимцев, и в особенности духовенство.

Помимо монашек, в штат Романовой входила многочисленная светская прислуга.

Марфа искала опору прежде всего среди собственных родственников. Ее наибольшим доверием пользовались племянники Борис и Михаил Салтыковы. Король Сигизмунд в свое время хвалил их за верную службу и жаловал поместьями. Борис Салтыков позже других примкнул к освободительному движению, но ко времени коронации его сомнительное прошлое было предано забвению.

По родству к ближайшему окружению царской семьи принадлежал боярин Иван Романов. Он мог претендовать на высший боярский чин конюшего. Борис назначил конюшим своего благодетеля дядю Дмитрия Годунова, Лжедмитрий I — Нагого, Василий Шуйский — брата Дмитрия. Будучи лояльным членом Семибоярщины, Иван Романов возражал против избрания Михаила. При таких условиях передавать ему функции местоблюстителя престола было рискованно. Из осторожности Романов оставил эту высшую в думе должность незанятой.

Дворцовые разряды сохранили данные о распределении приказных постов в 1613 году Борис Салтыков был назначен в Приказ Большого дворца; стольник князь Афанасий Лобанов — в Стрелецкий приказ.

В конце 1613 года Борис Салтыков был произведен в бояре. Однако преувеличивать его роль не следует. Исаак Масса писал из России, что царя Михаила окружают неопытные юноши. Видимо, двоюродные братья Романова были его сверстниками. Сведения об их всевластии были, по всей видимости, преувеличенными. Худородная династия добилась послушания от аристократической Боярской думы не сразу.

Князь Афанасий Лобанов-Ростовский получил от царя Михаила обширное поместье «из дворцовых сел 1200 четьи», и ему доверили Стрелецкий приказ. Значение этого приказа

в Смуту было огромным. В 1615 году Лобанов был пожалован в бояре.

Один из Михалковых был женат на Марии Григорьевне Шестовой. По свойству с Марфой Константин Михалков получил чин постельничего. Со времен Грозного этот пост был одним из ключевых в иерархии дворцовых чинов.

Не позднее апреля 1613 года, то есть до возвращения государя в столицу, был образован Казачий приказ, во главе которого стали дворянин Иван Колтовский и дьяк Матвей Сомов. Колтовскому предстояло решить сложную задачу — положить конец казачьему своеволию.

Новая власть прилагала все усилия, чтобы преодолеть хаос и добиться умиротворения страны. Земский собор снаряжал посольства и посылал грамоты к казакам и прочим людям, продолжавшим «воровать», то есть нарушать порядок, бесчинствовать, грабить население и оказывать неповиновение властям.

Казна была пуста, и царь Михаил по случаю воцарения не мог раздать повышенное жалованье дворянам, стрельцам и казакам и предоставить льготы податному населению, что соответствовало бы традиции. Но на обещания новый государь не скупился. «Воров» он призывал прекратить злые дела и послужить государю и земле. Тем, кто «придет в чувство» и отстанет от «воровства», власти обещали полное прощение, зачисление на царскую службу и выдачу жалованья.

Обращения правительства дали результаты далеко не сразу. Чтобы покончить с хаосом в стране, потребовалось несколько лет.

КОНЕЦ АВАНТЮРЫ

Очаги гражданской войны не были потушены окончательно. Они продолжали тлеть в отдаленных и ближних уездах — в Вологде, Астрахани, Рязани.

Наибольшую опасность в глазах правительства представлял Заруцкий, стремившийся объединить мятежные казацкие отряды и дожидаться помощи от запорожцев.

После отступления от Рязани Заруцкий зимовал в Михайлове. При нем находился «царевич» Иван Дмитриевич. Сподвижники Заруцкого старательно поддерживали среди населения надежды на скорое избрание «царевича». Казаки грабили дворянские усадьбы и побивали их владельцев. Всего под знаменами Заруцкого собралось около трех тысяч человек.

Царское избрание покончило с агитацией в пользу приглашения в Москву «воровского» «царевича» Ивана. Сначала помещики, а затем и атаманы стали тайком покидать лагерь «воренка».

Против Заруцкого был послан один из самых знатных воевод, князь Иван Одоевский с дворянскими отрядами. Воевода знал, с каким опасным противником ему придется иметь дело, и выступил в поход лишь после многих напоминаний. Одоевский сошелся с казаками в степях под Воронежем и бился с ними два дня беспрестанно. Князь хвастливо доносил в Москву, что разбил Заруцкого наголову, взял у него пушки, знамена и обоз. Он преувеличивал свой успех. В бою под Воронежем, записал летописец, Одоевский ничего Заруцкому не сделал. Тем не менее счастье окончательно изменило атаману.

Когда Заруцкий велел отступать за Дон, большая часть его армии отстала от него в пути. Казаки ушли в Москву и принесли повинную царю. По-видимому, далеко не все казаки попали на государственную службу, а лишь одни «старые» казаки, участвовавшие в земском освободительном движении. Испытывая нужду в воинских людях, власти тотчас послали их под Смоленск.

Донские казаки не поддержали Заруцкого, и ему пришлось уйти в Астрахань. Астраханцы давно отложились от Москвы, и теперь они не признали Михаила Романова своим царем. Передавали, будто астраханцы сами послали за «царевичем» Иваном Дмитриевичем. Волжские казаки и ас-

траханские меньшие люди приветствовали «воренка». Со всех сторон в Астрахань стекался беглый «гуляющий» люд. Заруцкий посылал гонцов в Замосковский край и на Белоозеро. Действовавшие там повстанцы готовились силой пробиться в Нижнее Поволжье. К весне 1614 года в Астрахани собралось несколько тысяч вооруженных людей. С ними Заруцкий намеревался идти в поход на Самару и Казань.

Чтобы обеспечить себе тыл, «царица» Марина и Заруцкий затеяли переговоры с персидским шахом. «Государыня» надеялась найти убежище в Персии, и шах Аббас принял своеобразное участие в ее судьбе.

Сношения Заруцкого и его «царицы» с Персией встревожили астраханского воеводу князя Хворостинина. При поддержке лучших людей города он готовился напасть на Заруцкого врасплох и захватить его вместе с наложницей.

Атаман упредил заговорщиков. Он казнил воеводу, многих мурз и добрых посадских людей. Казаки разорили двор архиепископа, а самого его бросили в тюрьму. Но против них выступили служилые люди. Поддержанные местным гарнизоном дворяне заняли острог. Заруцкому пришлось сесть в осаду в каменной крепости. С ним осталось не более восьмисот казаков и стрельцов. На помощь астраханским дворянам спешили верные правительству войска с Терека. Атаман потерял надежду удержаться в Астрахани и бежал на Яик. В окружении бывшего земского правителя зрела измена. Казаки не желали умирать ради чужеземной «царицы». После нескольких стычек они выдали ее властям вместе с Заруцким.

Романовы не пощадили своих врагов. Младенец «воренок» Иван Дмитриевич был повешен. Его участь разделил дьякон Матюшка, которого держали на цепи в Москве со времени его пленения. Заруцкого посадили на кол. Марина Мнишек не снесла горя и умерла в заточении в Туле.

Еще до освобождения Москвы земские люди захватили в Пскове Лжедмитрия III. Руководители ополчения поступили мудро. Вместо того чтобы казнить «вора», они посадили его на цепь в клетку для всеобщего обозрения. Всяк мог

увидеть лжецаря и плюнуть на него. После воцарения Михаила Романова Лжедмитрий III исчез бесследно.

Разделавшись с мятежом Заруцкого, бояре пытались навести порядок в служилом войске. При всякой возможности они проводили «разбор» казаков, очищали станицы от беглых холопов и крестьян, возвращали их прежним господам. Опасаясь сопротивления, власти объявили, что намерены впредь решать дело по доброй воле и по челобитью самих казаков, «кто куда похочет». «А боярские люди, — значилось в боярском приговоре, — которые, отходя (сбежав) от бояр своих, были в казаках при боярах под Москвой до государева обирания, а из казачества, которые похотят в холопы по прежнему к старым своим боярам, и тем боярским людям дана воля — повернуть в холопы к старым ли или к новым господам по выбору».

Казачьи атаманы и местное население помогли воеводам разгромить вражеские отряды, бесчинствовавшие в Вологде, Каргополе, Двинской земле. Но война затягивалась, и в деревне становилось все более беспокойно. Вологодский край не знал дворянского землевладения. Большинство населения там составляли черносошные государственные крестьяне.

Романовы не считались с традициями и жаловали вологодские земли своим придворным. Крестьяне не желали подчиняться новым господам, находя помощь у казачьих атаманов.

Поражение царских войск под Новгородом дало новый толчок движению казачьей вольницы. Покидая отступавшую армию, казачьи станицы отказывались подчиняться приказам воеводы. Под знаменами мятежного атамана Михаила Баловни собралось целое войско.

Вновь, как при избрании царя Михаила, дело решал казачий круг. Казаки постановили идти на Москву. Если государь согласится на их условия, примет на службу всех казаков и выдаст им жалованье, тогда казаки после готовности отправятся под Смоленск и воевать с поляками. Если же царь их не пожалует, «вины им в их воровстве» не от-

даст, тогда им остается «идти в Северские города»: если «государь велел бы разбирать, которые были в казаках боярские люди холопы или крестьяня, и им было за то помереть всем за один, и идти по городам либо на Дон». Все помнили, что Северская Украина и Дон была главной базой мятежей в начале Смуты. Россия вновь оказалась на пороге взрыва.

Летом 1615 года до четырех-пяти тысяч казаков неожиданно для царя появилось в окрестностях столицы. Численно их войско превосходило весь московский гарнизон, так как значительная часть гарнизона была отправлена против Лисовского. Возникла критическая ситуация.

Переговоры не удавались, и казаки стали поговаривать о соединении с Лисовским и переходе на королевскую службу.

Власти успели перебросить в Москву войско боярина князя Бориса Лыкова. Воевода напал на мятежников и отбросил их от стен столицы.

Под Малоярославцем Лыков нагнал казацкое войско и принудил к сдаче. Воевода привел в столицу 3256 казаков, сдавшихся ему «за крестным целованием». Лыков поклялся, что царь примет их на службу, что и исполнил.

Заводчики зла Михаил Баловня и 35 старшин были повешены в Москве. Но время массовых казней, устрашавших страну во времена Болотникова, миновало. Прощение «воров» и определение их в полки на службу способствовало окончанию гражданской войны в стране.

ПОЖАРСКИЙ

Бремя войны стало непосильным для опустошенной, уставшей страны. Со всех границ в Москву шли неутешительные вести. Тщетно зывали о помощи Трубецкой из-под Новгорода и Черкасский из-под Смоленска.

Полки Трубецкого, стоявшие в двадцати верстах от Новгорода, таяли от потерь и голода. Надежды на восстание русского населения в Новгороде оказались тщетны.

Шведы разместили в крупнейших крепостях Новгородской земли воинские силы. Штурмовать неприступные крепости у дворян не было сил. Надо помнить также, что Швеция получила русские территории, подвергшиеся неслыханному разорению. Господство иноземных завоевателей усугубило разруху.

В июле 1614 года Трубецкой отдал приказ об общем отступлении. При отходе в войсках вспыхнула паника. Ратные люди искали спасения в лесах и болотах. Бывший земский правитель Трубецкой не помышлял об арьергардных боях. Он свернул с дороги в лес и долго блуждал в чаще, прежде чем добрался пешком до Торжка.

Под Смоленском воевода князь Дмитрий Черкасский поначалу добился успеха. Его войска выстроили крепкие острожки вдоль старой границы и блокировали смоленский гарнизон. В осажденном городе начался голод. Сдачи крепости ждали со дня на день. Но русским недоставало сил, чтобы завершить смоленскую войну. Без совета с Черкасским передовые отряды отступили из острожков в лагерь под Смоленск. Литовские войска пробились в крепость и доставили туда обозы с продовольствием. Воеводы, посланные на рубеж для строительства нового острожка, подверглись разгрому и потеряли более двух тысяч убитыми.

Неблагоприятная ситуация складывалась на южной степной границе. В 1614—1615 годах степняки многократно вторгались на Русь на всем пространстве границы от Алатыря до Брянска. Жители южных уездов жаловались, что татары жгут деревни, разбивают свои становища и «живут у них без выхода».

Швеция использовала новые неудачи русских войск для расширения интервенции. Король Густав Адольф решил завладеть Псковом. Он пытался осуществить то, что оказалось не по плечу польскому королю Стефану Баторию в конце Ливонской войны. В 1615 году армия Густава Адольфа оса-

дила Псков. Падение Пскова означало бы крушение всей русской обороны на северо-западе. Почти три месяца псковичи мужественно отражали приступы королевской армии, и шведы отступили.

Около четырех лет держался в псковских пригородах пан Лисовский со своим отрядом. Много бедствий причинил он за это время местному населению. Весной 1615 года лисовчики явились под стены Пскова «мириться». Разграбив округу, Лисовский ушел из-под Пскова к Смоленску с обозами, груженными продовольствием.

Когда лисовчики обошли Смоленск и захватили Карачев, бояре в Москве всполошились.

Царь Михаил и дума должны были уступить общественному мнению и вернуть на службу в полки Пожарского. Прошло более двух лет, заполненных битвами. Все это время князь Дмитрий не получал командных постов в действующей армии.

В Москве не осталось почти никаких воинских сил. Между тем без значительного войска нечего было и думать о разгроме Лисовского. Назначение не сулило Пожарскому легких побед.

Дьяки составили роспись, по которой общую численность войска Пожарского предполагалось довести до семи тысяч человек. На бумаге эта армия выглядела очень внушительно. В действительности же ратников еще предстояло собрать. Отряды и сотни разбросаны были по разным городам, помещики находились на отдыхе в своих усадьбах.

В Москве Пожарскому удалось отыскать менее тысячи человек дворян, стрельцов и казаков.

29 июня 1615 года он выступил из Москвы во главе небольшого войска. Прибыв в Боровск, он тотчас разослал по всей округе сборщиков с наказом собирать служилых людей. В Белеве князя Дмитрия нагнали казаки из войска Баловни. Многие из них служили в земских ополчениях. Пожарский взял их в свой полк и привел к присяге. Из Волхова воевода направил гонцов в дальние города с требованием прислать людей. К Пожарскому прибыло две тысячи татар.

Но проку от них было немного. После первых же стычек они бежали от поляков сломя голову.

В августе 1615 года Лисовский находился в Карачеве. Узнав о приближении Пожарского, он бросился к Орлу. Князь Дмитрий подошел к Орлу почти сразу вслед за лисовчиками. 30 августа голова Иван Пушкин с конными сотнями ворвался в польский лагерь. Там поднялся переполох. Лисовчики, ставившие шатры, едва успели вооружиться и отбить нападение.

Тем временем подоспел Пожарский. Бой в поле под Орлом продолжался несколько часов. Князь Дмитрий с большой настойчивостью трижды атаковал Лисовского. Русские захватили десятки пленных, несколько знамен, литавры. Постепенно их натиск стал ослабевать. Тогда-то лисовчики предприняли контратаку и сбили с позиций полк Исленьева. Дрогнули и побежали татары, а вслед за ними и прочие ратные люди. Пожарский выстоял. Но с ним осталось всего две сотни дворян, сорок стрельцов и несколько сот других ратников. Русские отбивались с такой яростью, что Лисовский вынужден был прекратить атаки. Князь Дмитрий использовал передышку и укрепился в обозе, «кружив» свой отряд повозками, поставленными в несколько рядов. Подле воеводы оставался голова Иван Пушкин. Некоторые из дворян предлагали Пожарскому отступить к Волхову, но он отвечал им: «Лучше погибнуть всем на месте, чем уступить поле боя врагу». Пожарский удержал при себе не более 600 человек, Лисовский имел много больше сил. Но поляки не подозревали о подлинной численности русских. Сражение было утомительным и имело неопределенный успех. В сумерках лисовчики отступили на две версты и расположились на ночлег.

Три дня стояли под Орлом друг против друга войска Пожарского и Лисовского. Князь Дмитрий ждал подкреплений, чтобы возобновить бой. Будучи в Москве, он взял в полк своего давнего знакомого капитана Якова Шоу вместе с одиннадцатью его соотечественниками. Некогда в Ярославле Совет земли отклонил просьбу Шоу принять его на

земскую службу. Предприимчивый шотландец тем не менее не утратил надежд и в конце концов добился своего.

Царь Михаил принял его на службу. Шоу оказал Пожарскому услугу особого рода. Он заслал своих людей во вражеский лагерь и быстро нашел общий язык с англичанами и шотландцами, служившими Лисовскому. Как только Шоу добился успеха, Пожарский тотчас направил наемникам грамоту за своей подписью. Воевода обещал «немцам» великое государево жалованье, «чего у вас и на разуме нет», и поклялся соблюдать соглашение, заключенное англичанином, — «дал прямо свою душу в правде во всей капитану Якову Шаву». Англичане видели, что сила на стороне русских, и толпами бежали из лагеря Лисовского. Его войско быстро таяло, а армия Пожарского росла. Не надеясь осилить русских, Лисовский ушел от Орла к Кромам, а затем внезапно повернул на север к Волхову и стрелой помчался к Калуге. Всадники шли днем и ночью, давая короткий роздых лошадям. Лисовский надеялся, что русские, стянув силы к Орлу, оставили Калугу без прикрытия. Преодолев сто пятьдесят верст, лисовчики заняли Перемышль и создали непосредственную угрозу Калуге. Им, однако, не удалось перехитрить Пожарского. Воевода спешно послал в Калугу конные сотни, а сам стал в Тихвине, угрожая Лисовскому с фланга. На помощь князю Дмитрию спешили подкрепления. Власти провели набор по всему Казанскому краю и собрали до семи тысяч татар, чувашей, черемисов, «новокрещенов и бусурманов». Ратников набирали с трех дворов по человеку.

Получив подкрепления, князь Дмитрий выступил к Перемышлю. Лисовский не стал ждать его и, предав Перемышль огню, ушел к Вязьме. Угроза Москве на калужском направлении была ликвидирована.

После многодневных утомительных переходов князь Пожарский стал недомогать, а затем с ним случился припадок. Больного отвезли в Калугу. Преследовать неприятеля князь Дмитрий поручил брату Лопате Пожарскому.

Князь Лопата шел за врагом по пятам, но затем вынужден был прекратить преследование оттого, что «казанские

люди все побегоша в Казань». Семитысячная черемисская рать распалась, не вступив в бой. Воевода известил Москву, что «ратные люди со службы разбежались, а которые и есть, и те бедны».

Царь Михаил был раздосадован. Он велел арестовать Лопату и заключить его в тюрьму.

Вытесненные из-под Калуги войска Лисовского ушли ко Ржеву. За время боев с Пожарским Лисовский потерял добрую половину людей. Из двух тысяч в его войске осталось с тысячу человек «литвы» и черкас и с полтораста русских казаков. Не было больше с Лисовским и «немцев». Во Ржеве находился боярин Федор Шереметев с войсками. Он мог дать бой потрепанной армии Лисовского, но предпочел отсиживаться за крепостными стенами. Бездействие Шереметева ободрило Лисовского. Отойдя от Ржева, лисовчики беспрепятственно двинулись на восток к Угличу. Дальше они шли крадучись, проселками мимо Ярославля, Суздаля, Мурома, Рязани и Тулы. Враг опустошил все на своем пути. Воеводы были слишком нерасторопны и не смогли помешать им. Князь Куракин вступил в бой с Лисовским, когда тот, замкнув круг, вышел к Алексину и Калуге с востока. Воеводе не удалось разгромить врага.

Черный люд в Москве выражал недовольство и тревогу. Весной 1615 года Романов уехал в Троице-Сергиев монастырь, вверив управление столицей особой боярской комиссии. Возглавлял комиссию бывший член Семибоярщины князь Иван Васильевич Голицын. Самым младшим из четырех его помощников стал Кузьма Минин.

Война требовала от казны новых средств. В 1616 году в Москве собрались выборные представители от городов и от черных волостей, которые создали особый земский финансовый орган. Пост главы в нем занял князь Дмитрий Пожарский. Помощниками его стали Семен Головин и трое монахов.

В дни собора Минин находился вдали от Москвы. Зимой 1615 года в Поволжье восстали татары и черемисы. Местные воеводы подавили восстание. В конце года мос-

ковские власти послали в Казань князя Ромодановского и Кузьму Минина для розыска о причинах недовольства тамошнего населения.

Казанская посылка оказалась последней службой выборного от всей земли. Возвращаясь из Казани в Москву в 1616 году, Минин почувствовал себя плохо и умер в пути.

ОКОНЧАНИЕ СМУТЫ

Война с Речью Посполитой и Швецией затягивалась все больше и больше, принося России новые бедствия. Пожарский лучше других понимал невозможность продолжать борьбу разом на всех границах и настаивал на немедленном заключении мира со шведами. Он много раз виделся с англичанином Джоном Мериком, взявшим на себя роль дипломатического посредника в переговорах между Москвой и Стокгольмом.

Собираясь воевать с Речью Посполитой из-за Ливонии, Швеция готова была заплатить дорогую цену за мир с Россией. Во время мирных переговоров в деревне Столбово король Густав Адольф II заметил, что Россия не подозревает о своем могуществе, а иначе благодаря своим огромным средствам и неизмеримым пределам она наводнила бы Балтийское море своими кораблями.

В конце 1616 года Земский собор в Москве одобрил условия мирного договора, выработанные русскими дипломатами. Вечный мир между Россией и Швецией был подписан в деревне Столбово в начале 1617 года. Русское государство утратило устье Невы и Нарвы вместе с Ижорской землей, а также Карелию, но вернуло себе «Новгородское государство» с Новгородом Великим, Старой Руссой и Ладогой.

Мир со шведами заключен был вовремя. Король Сигизмунд вновь собирал силы со всех концов Речи Посполитой, чтобы покарать непокорных московитов. Командовать ар-

мией он поручил Ходкевичу. При нем находился двадцатидвухлетний претендент. Королевич Владислав отправился в Россию завоевывать трон. Московские воеводы покинули позиции под Смоленском и отступили к Москве. Однако гетман не спешил в глубь России. Он приказал полкам готовить себе зимние квартиры. В этот момент распространилась весть о бегстве царских воевод из Вязьмы. Ходкевич, не теряя времени, велел войскам занять Вязьму.

Александр Лисовский умер незадолго до новой московской кампании. Но его полк принял участие в походе Владислава. По приказу гетмана лисовчики вторглись в русские пределы с юго-запада и вновь угрожали Калуге. Перед лицом опасности калужане послали в Москву выборных от всех чинов и настоятельно просили царя Михаила прислать к ним для обороны города Пожарского. Бояре исполнили их просьбу, и 18 октября 1617 года князь Дмитрий уже находился на пути в Калугу. Его сопровождали два десятка московских дворян и три сотни стрельцов. В самой Калуге командование успело собрать около 800 детей боярских и стрельцов. По существу, Пожарскому предстояло заново сформировать армию на месте. Как и прежде, он возлагал большие надежды на казаков. Еще с дороги воевода послал грамоту к атаманам за Угрю. Незадолго до похода в Москву приезжал есаул Иван Сапужок с просьбой прислать на Угрю доброго воеводу. Князь Дмитрий как нельзя лучше подходил к этой миссии. В столице он добился для казаков денежного жалованья, равного низшему дворянскому окладу. Рядовым казакам он предполагал раздать по пять рублей, как и дворянским «новикам». В Калугу Пожарский привез пять тысяч рублей, предполагая принять на службу тысячу казаков. Успех затеянного дела превзошел все ожидания. Сотни прибывали в город одна за другой. В полку князя Дмитрия собралось более двух тысяч казаков.

Как всегда, командование держало крупные силы на татарской границе. С наступлением осени угроза вторжения крымцев стала ослабевать, и Пожарскому разрешили вызвать более тысячи дворян из южной армии. Степные погранич-

ные крепости получили предписание прислать в Калугу тысячу гарнизонных стрельцов, казаков и запорожцев с огненным боем.

Смута многому научила русских людей. Они уяснили себе значение вооруженных народных ополчений. Прибыв в Калугу, Пожарский призвал на службу всех горожан, способных носить оружие. Посадские люди, их дети, братья, племянники, соседи и «захребетники» (квартиранты) — все были расписаны по воротам, башням и стенам на случай штурма. Более тысячи калужан — посадских людей, ямщиков, черных монастырских людей получили оружие — пищали и «всякие бои» — и приняли участие в обороне города.

Приготовления Пожарского были весьма своевременными. Гетман Ходкевич рассматривал Калугу как важнейший опорный пункт московской обороны. Овладев Калугой, поляки вышли бы на ближние подступы к Москве. Гетману казалось недостаточным использовать против Калуги одних лисовчиков, и он направил туда воеводу Опалинского с тяжеловооруженной гусарской конницей.

Пожарский явился в Калугу с малочисленным отрядом. Подкрепления из дальних городов прибывали медленно, с запозданием. Немудрено, что первые стычки с неприятелем закончились не в пользу русских. 13 декабря 1617 года кавалерия Опалинского напала из засады на калужское войско и основательно потрепала его. Пожарский потерял сто человек убитыми и более пятидесяти пленными. В руки к полякам попал молодой племянник князя Дмитрия.

Прошло десять дней, и неприятель попытался овладеть Калугой. Чтобы избежать потерь, Опалинский прибег к хитрости. Глубокой ночью его солдаты, соблюдая все необходимые меры предосторожности, подошли к внешней линии укреплений и ворвались в спящий город. Нападение не застало Пожарского врасплох. Пропустив неприятеля за надолбы, воевода обрушился на них всеми силами. Литовские люди бежали прочь, понеся урон.

Не сумев занять Калугу, Опалинский устроил зимний лагерь в селе Товаркове, в пятнадцати верстах от города.

Русские разъезды постоянно тревожили лагерь, захватывали «языков» и чинили «многую тесноту Опалинскому». В свою очередь, гусары чинили «великую шкоду калужанам». Бои шли с переменным успехом.

Поляки пытались перерезать дорогу, связывавшую Калугу с Москвой. Пожарский не допустил этого. Когда ему дали знать о появлении отряда рейтар на московской дороге, он без промедления атаковал их и рассеял. Большие неприятности русским доставляли вражеские фуражиры. Они забирались под Серпухов и в Оболенск. Пожарский решил отрезать им пути и велел выстроить острожек у Горок. Опалинский пробовал выбить русских из Горок, но успеха не добился.

Исключив Пожарского из списка больших воевод, бояре ни разу не поручали ему командовать главными силами русской армии. На высшие посты они назначили знатных воевод вроде бывшего члена Семибоярщины князя Бориса Лыкова, давнего недоброжелателя Пожарского. Лыков с главными полками занял позиции в Можайске.

Едва настало лето 1618 года, гетман Ходкевич созвал в Вязьме военный совет и предложил свой план новой военной кампании в России. Гетман призвал Владислава покинуть разоренную смоленскую дорогу и перейти в окрестности Калуги, местность, богатую продовольствием.

Польское командование стремилось уклониться от столкновения с главными силами русских, сосредоточенными в Можайске и Волоколамске, и пробить оборону русских под Калугой, где войск было мало. Ходкевичу много говорили об унижениях Пожарского. Поэтому он предполагал сначала нанести удар воеводе, а потом переманить его в стан законного «царя» Владислава. Литовскому гетману доводилось скрещивать меч с Пожарским на поле брани. Но он не знал своего противника.

Какими бы ни были заслуги Пожарского перед страной, старая знать и новодельные господа не переставали унижать его местническими тяжбами. Дворянин Колтовский отказался принять назначение на пост младшего воеводы в Ка-

луге. 10 июня 1618 года князь Дмитрий дал знать в Москву, что приступ свалил его с ног и он лежит при смерти.

Царь Михаил послал в Калугу стольника Юрия Татищева молвить Пожарскому милостивое слово и справиться о здоровье. Татищев наотрез отказался ехать к больному воеводе. Время было тревожное, и царь велел бить кнутом упрямых дворян и выдать их князю Дмитрию головой.

Гетман Ходкевич не смог осуществить наступление на Калугу. Военный совет в Вязьме отверг его план, хотя этот план был наилучшим. Эмиссары Сигизмунда III настояли на том, чтобы Владислав шел напрямик к Москве. Калужское направление теряло прежнее значение, и Опалинский, бросив лагерь в Товаркове, ушел к Можайску на соединение с Ходкевичем. Калужане вздохнули с облегчением, избавившись от опасного соседства.

Поход королевича Владислава на Москву начался не слишком удачно. Его войска пытались овладеть Борисовым городищем в окрестностях Можайска, но защитники крохотной крепости отразили двукратный штурм. Тогда Ходкевич придвинул войска вплотную к Можайску, установил батареи и подверг город обстрелу. В Можайске скопилось слишком много войск. Они несли потери. Запасов продовольствия хватило ненадолго. Возникла угроза голода.

Чтобы вызволить армию Лыкова из окружения, решено было привлечь отряды Дмитрия Черкасского и Пожарского. Черкасский выступил из Волоколамска в Рузу, откуда направил в Боровск на соединение с Пожарским воеводу князя Василия Черкасского. В Боровске уже находились несколько казачьих сотен, составлявших авангард войска Пожарского. Казаки получили наказ укрепиться подле Пафнутьева монастыря и ждать подхода основных сил. Князь Василий Черкасский не хотел ни подчиняться Пожарскому, ни делить с ним славу победы. Человек горячий и нетерпеливый, он стал уговаривать атаманов не ждать и не медлить, а атаковать врага. Литовские люди стояли в семи верстах от Боровского монастыря, и казаки не стали раздумывать. Соединившись с Черкасским, они затеяли бой, но нападение вышло

«нестройным». Всяк командир действовал по своему разумению и воле. Отбитые «литвой», ратные люди смешались и побежали. Им пришлось бы совсем плохо, если бы на помощь не подоспели две конные сотни смоленских дворян. На поле боя осталось лежать сто пятьдесят калужских ратников и шестьдесят смолян. Виновник поражения Василий Черкасский без славы отступил в Рузу.

Командование возлагало большие надежды на князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Царь приказал ему немедленно идти к Можайску и закрепиться подле Лужецкого монастыря, чтобы обеспечить свободный путь в окруженный лагерь. Черкасский выполнил приказ. Но едва его воины попытались воздвигнуть укрепленный острог под монастырем, Ходкевич направил против них крупные силы. Не выдержав удара, Черкасский отступил в Можайск, оставив неприятелю весь обоз.

Поражение Черкасского окончательно осложнило военную обстановку. Продовольствие в Можайске подошло к концу. Ратники Черкасского явились без всяких запасов, и их нечем было кормить. Ожесточенные бои вокруг Можайска не прекращались ни на день. Королевская артиллерия усилила бомбардировку. Полки теряли людей. Князь Черкасский был ранен ядром. Едва живого, его увезли в Москву. Столичным боярам пришлось наконец подумать о спасении можайской армии. Черкасскому не удалось выполнить эту задачу, и теперь дело было поручено Пожарскому.

Князь Дмитрий перешел из Калуги в Боровск. Его ратники поставили острог у стен Пафнутьева монастыря и прочно оседлали можайскую дорогу. Из острожка конные сотни Пожарского тревожили постоянными набегами осадный лагерь Ходкевича. Избегая столкновения с крупными отрядами, они нападали на вражеские транспорты, громили разбегавшиеся, захватывали пленных.

Боярам в Москве пришлось забыть о старых счетах. Откуда бы ни подходили в столицу подкрепления, они тотчас направляли их в Боровск к Пожарскому. Сначала к нему прибыл отряд астраханских стрельцов и мурза Кармаш с та-

тарами. Затем в Боровск явился окольный князь Григорий Волконский. То был первый случай, когда бояре подчинили Пожарскому знатного и «родословного» думного человека. Ситуация была критическая, и выбирать не приходилось. С Волконским в Боровск явились отборные силы — более 670 московских, ярославских и костромских дворян.

Получив подкрепления, князь Дмитрий приступил к выводу полков Лыкова и Черкасского из окружения. Вновь столкнувшись лицом к лицу с Ходкевичем, Пожарский действовал хладнокровно и решительно.

Приказ об оставлении Можайского лагеря вызвал панику. Воевода Константин Ивашкин, прежде «бесстрашно» сидевший в Борисове городище, теперь «выбежал» из города со всеми ратными людьми и явился в лагерь Пожарского. Литовские люди могли захватить опустевшую крепость, но не успели. Пожарский опередил их. Астраханские стрельцы появились в окрестностях городища немного раньше королевских солдат. Стрельцы уклонились от боя и укрылись в крепости. Ворота захлопнулись под носом у неприятеля. Вскоре в Борисово городище прибыл и сам Пожарский с полками. Не теряя времени, он выслал конные сотни в окрестности Можайска. Лето было в разгаре, но погода внезапно испортилась. Что ни день, шли дожди. Непогода помогла Пожарскому. Ночью полки Лыкова снялись с лагеря и быстро двинулись на соединение с Пожарским. В Можайске остался осадный воевода Федор Волынский с отрядом пехоты. 6 августа 1618 года Лыков благополучно прибыл в Боровск. Князь Дмитрий пропустил отступавшее войско, а затем двинулся следом, готовый к арьергардным боям. Назревавшая катастрофа была предотвращена.

Король Сигизмунд внимательно следил за действиями своей армии и повсюду искал для нее подкрепления. Коронный гетман Жолковский в 1617 году заключил соглашение с Петром Сагайдачным и его старшинами. Тысяча украинских казаков была зачислена в реестр на королевскую службу. Год спустя Сагайдачный принял участие в московском походе Владислава.

Пока королевская рать наступала на Москву с запада, Сагайдачный сжег Ливны и Елец и стал продвигаться к столице с юга. Московское командование поручило Пожарскому разгромить Сагайдачного на переправах через Оку и не допустить его к Москве. Князь Дмитрий поспешил в Серпухов, но тут с ним случился приступ.

Царь Михаил велел Пожарскому ехать в столицу, а войско поручил его помощнику князю Григорию Волконскому. Князю Григорию не удалось остановить запорожцев, и он отступил с Оки в Коломну.

После отъезда Пожарского между казаками и дворянами вспыхнули распри. Из Коломны казаки ушли под Владимир. Там они остановились в вотчине Мстиславского в Ярополческой волости. Казаки собирали корм во владениях не только Мстиславского, но и других бояр и дворян. Исключение было сделано лишь для земель князя Дмитрия Пожарского. «В Вязниках у казаков в кругу, — доносили гонцы, — приговорено, что им боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского в вотчины в села и в деревни не въезжати и крестьян не жечь и не ломать и не грабить». Приговор казачьего круга показывал, что в народе и в армии Пожарский по-прежнему пользовался редкой популярностью. Постановление в отношении вотчин князя Дмитрия выполнялось неукоснительно.

Бояре боялись раздражать казаков и лишь упрасивали их вернуться в Москву. Казаки отвечали, что служить готовы, но не иначе как с Пожарским.

Война обнажила непрочность заново воздвигнутого здания романовской монархии. Высшее командование обнаружило неспособность справиться с военными трудностями. Едва боярин Лыков отступил из Можайска, служилые люди и москвичи потребовали у бояр объяснений. Вооруженная толпа заполнила Кремль. Предводительствоваали ею нижегородец Жездринский, ярославец Тургенев, смолянин Тухачевский.

Толпа с шумом ворвалась в палаты, где сидели Мстиславский с товарищами, и угрожала им расправой. Выступление едва не привело к кровопролитию.

В московских верхах царило замешательство. Тайные приверженцы Владислава сеяли повсюду панические настроения. В ту пору необычное природное явление приковало к себе внимание москвичей. Над городом повисла яркая хвостатая «звезда». Кроваво-красная комета сулила беды и пролитие крови.

20 сентября 1618 года со стороны Волоколамска к столице подошла королевская армия. Московский староста Гонсевский и гетман Ходкевич вновь стояли у городских ворот, на этот раз вместе с «царем» Владиславом. Они рассчитывали на содействие бояр.

С юга к столице приблизились отряды Сагайдачного. На виду у гарнизона запорожцы стали проводить свои коши мимо Донского монастыря в лагерь Владислава. Командование сосредоточило в Замоскворечье много ратных людей. Полки вышли в поле и стали строиться в боевой порядок, чтобы помешать соединению двух вражеских армий. В решающий момент бояре заколебались и не посмели атаковать противника.

Неразбериха и замешательство в боярских верхах вновь грозили обернуться бедой.

С начала сентября 1618 года в столице стал заседать Земский собор. Решено было привлечь к обороне крепости все население столицы.

Разрядный приказ расставил по стенам и воротам вместе с ратными людьми посадских людей. В Белом городе и в Замоскворечье охрану стен несли шесть с половиной тысяч человек. Около двух тысяч горожан имели в руках пищади, две с половиной тысячи несли караулы с рогатинами.

За несколько дней до решительного столкновения с поляками царь Михаил пригласил Пожарского во дворец к столу и наградил его золоченым кубком и собольей шубой. По случаю награждения князю Дмитрию перечислили все его заслуги: то, что он против литовских людей стоял, острог поставил, многих врагов побил и взятых языков к государю часто присылал, государеву и земскому делу радел и им промышлял, помогал Лыкову, когда он из Можайска к Москве шел.

Накануне решительного боя на сторону русских перебежали двое французских саперов, служивших в армии Владислава. Они сообщили о готовившемся приступе и пунктах атаки. Бояре заподозрили, что французов подослал сам Ходкевич, и не дали веры их словам. Предосторожности ради они все же послали подкрепление к западным воротам. Им не пришлось пожалеть об этом.

После полуночи 30 сентября 1618 года королевские роты двинулись на штурм русской столицы. Подобравшись в крошечной тьме к Земляному городу, солдаты взорвали ворота деревянного острога и проникли внутрь города. Пробираясь по улицам Земляного города, роты подошли к Арбатским и Тверским воротам Белого города. Пан Новодворский с саперами готов был взорвать с помощью порохового заряда Арбатские ворота. Но москвичи осыпали неприятеля градом пуль. Новодворский был ранен.

Выстрелы разбудили спящую столицу. К месту боя подошли подкрепления. Прежде других к воротам прибыл со своего двора на Арбате князь Пожарский. Как отметил Разрядный приказ, князь Дмитрий «на боях и на приступах бился, не щадя головы своей». На рассвете русские распахнули ворота и ударили по врагу. Новодворскому пришлось спешно отступить. Не лучше обстояли дела у отряда, пытавшегося ворваться в Белый город со стороны Тверских ворот.

Ввиду больших потерь Ходкевич не решился отдать приказ о новом приступе. Ему не удалось прорвать даже внешнюю линию каменных стен.

Потерпев неудачу под Москвой, Ходкевич отступил к Троицкому монастырю. Владислав потребовал присяги от монахов. Ответом ему были пушечные залпы. Королевская армия отступила за Троицу к селу Рогачеву на старую гетманскую стоянку. Отряды наемников отправились грабить замосковные города.

Сагайдачный из-под Москвы пошел к Калуге, но овладеть крепостью ему не удалось. Среди казаков зрело недовольство. Полковник Ждан Коншин с отрядом в 600 сабель перешел на русскую службу.

Армия Владислава оставалась в Рогачеве. Ей предстояло выдержать трудную зиму. Войско не имело надежных путей сообщения. Ходкевичу не удалось овладеть ни одной из русских крепостей, оставшихся в его тылу. Владислав фактически не мог продолжать войну, потому что польский сейм согласился финансировать его кампанию лишь до конца года. Последние недели этого года истекали. В Речи Посполитой все громче звучали голоса в пользу немедленного заключения мира с Россией. Южным границам Польши угрожали турки. Стихли выстрелы в Ливонии, но достигнутое там двухлетнее перемирие между шведами и поляками не было ни миром, ни войной.

Подойдя к Москве, Владислав направил боярам грамоту с требованием покорности. В ней он именовал себя «царь Московский». Дьяки замазали этот титул дегтем, прежде чем отдать грамоту царю Михаилу. Позднее переговоры продолжались. Для этого из Москвы были отряжены Федор Шереметев, Данила Мезецкий и Артемий Измайлов. Поляки требовали новых территориальных уступок и контрибуции. Послы отвечали, что, по смете, русские уже отослали королю Сигизмунду в Польшу и выдали польским войскам в Москве, а также и русскому гарнизону Кремля золота, серебра и всякой рухляди на 912 000 рублей. Названная сумма была неслыханно велика по московским меркам.

Послы съезжались и говорили, оставаясь в седле. Если Москва не примет Владислава, грозили королевские послы, тогда Владислав обойдет Москву, и что еще остается у вас неспаленного и неопустошенного, от того останется только земля да вода.

Речь Посполитая нуждалась в мире не меньше России. Когда переговоры зашли в тупик, пан Новодворский отправил в Москву послов от себя с наказом заключить предварительное соглашение, что они и выполнили.

В это время в польском лагере было получено известие о волнениях в Москве. До трех тысяч казаков подняли бунт и ушли из столицы. Посланному вслед Трубецкому с большим

трудом удалось уговорить казаков вернуться. Волнения побуждали русскую сторону спешить с миром.

Для завершения переговоров послы съехались в деревне Деулино, неподалеку от Троице-Сергиева монастыря. Поляки вновь грозили, на этот раз указывая москвитам на комету: «видели вы на утренней заре звезду с лучом, стояла она над вашим Московским государством, и вы по той звезде увидите, что над вами сделается...»

Польские послы бесчестили Михаила Романова, отказывая ему даже в великокняжеском титуле. «Нам так не писать, — говорили они. — «Кого вы теперь великим государем имеете»; много государю вашему от нас и той чести, что мы в записи написали: «Которого у себя ныне великим государем именуете». Полки Радзивилла, занятые в Ливонии против шведов, теперь придут на помощь Владиславу, и тогда «ни одного младенца в Москве и других городах не останется». Русским послам вновь грозили самозванцем: «ваши казаки иного вора добудут, к нему наши воры пристанут, так у них и без королевича будет другой Дмитрий».

Под рукой шляхтичи поведали послам: «Есть у них (казачков) калужского вора сын, учится грамоте в Печорском монастыре, и на Москве повесили не его, его унесли казаки...»

1 декабря 1618 года боярин Федор Шереметев с товарищами согласился на поправки, внесенные поляками в московскую запись. Но тут возникла новая трудность. Королевские послы не соглашались внести в договор пункт о том, что Филарет будет отпущен в Москву 2 февраля 1619 года, в один день с передачей русских крепостей Речи Посполитой. Поторговавшись, поляки назначили срок 15 февраля для отпуска Филарета, князя Василия Голицына и других полоняников.

Наконец договор о четырнадцатилетнем перемирии был подписан. Условия перемирия были чрезвычайно тяжелыми. К Литве отходили вся Смоленщина и Черниговщина. Вместе с городами, занятыми «литвой», Сигизмунду достались пограничные крепости, отразившие все нападения его

наемников. Бояре обязались сдать эти крепости в полном порядке, со всеми пушками и боевым снаряжением, с пашенными уездными крестьянами и посадскими людьми. Король получил в свои руки около тридцати городов. Новая граница проходила теперь неподалеку от Вязьмы, Ржева и Калуги. Сигизмунд посеял семена новой войны.

Понадобилось много усилий, чтобы великорусская народность обрела единство. Перемирие поставило под вопрос итоги объединительной политики. Королевская дипломатия использовала слабость романовской династии. В польском плену томился Филарет Романов. Романовы помнили об участии царя Василия Шуйского и тревожились за судьбу Филарета.

Мир был унижительным и тяжелым. Война оставила после себя бесчисленные пожарища и руины на всем пространстве от южных степей до Ледовитого океана. Обезлюдели города и деревни. Но худшее было позади.

ДЕЛА ЗЕМЕЛЬНЫЕ

Издавна московские государи владели обширными дворцовыми землями, доходы с которых поступали в распоряжение царской фамилии. Знать и высшее дворянство спешили использовать ослабление монаршей власти, чтобы добиться перераспределения земельных богатств в свою пользу.

Земские власти в 1612—1613 годах роздали дворянам многим менее 60 тысяч десятин из фондов дворцовых земель.

С избранием Романова была предпринята попытка вернуть во владение Большого дворца некоторые из волостей. Но власть была слишком слаба, чтобы противостоять требованиям думы и тех, кто обладал реальным влиянием и силой. Расхищение дворцовых земель продолжалось. За 1613 год правительство вынуждено было пустить в раздачу еще 7 ты-

сяч десятин дворцовых земель, а в дополнение к ним 13 тысяч десятин черных (государственных) земель.

В начале царствования Романова в Замосковном крае было много черных земель, в конце царствования их там вовсе не осталось.

Лишь 26 февраля 1627 года власти издали указ о запрещении впредь раздавать дворцовые земли. Большой дворец впервые получил возможность оградить свои земельные владения от покушений со стороны знати.

Хотя новая власть при каждом удобном случае ссылалась на авторитет великого государя Ивана Васильевича, дума добилась того, что законность опричных конфискаций была поставлена под вопрос. Наказ писцам 1623 года предусматривал возможность возвращения прежним владельцам имений, некогда отписанных в опричину и розданных в поместья, если новые владельцы не могли представить грамот царя Михаила на эти земли. Возврату подлежали преимущественно «порожные» — запустевшие поместные земли.

Лишь часть черных земель перешла во владение самых нуждающихся, малоземельных детей боярских. Бояре использовали момент, чтобы прибрать к рукам сначала дворцовые, а затем черные земли. Им достались самые крупные дачи. Царская власть добилась только одной уступки со стороны Боярской думы. Михаил жаловал земли преимущественно на поместном праве, а не в вотчину. Как бы то ни было, новая придворная знать заполучила крупные богатства — обширные имения, населенные крестьянами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФИЛАРЕТА

После ареста поляки держали послов Филарета и Голицына в Каменке под стражей. Из Каменки Романова перевели в Мальборскую крепость. Русские источники описывали жизнь митрополита за рубежом самыми мрачными крас-

ками: «от места к месту перевозим, и безчествуем и поношаем ...яко узник»; «утеснение велие бысть, и голодом мориша его, и единово в палате запиаху». Летописцы сгущали краски. Если бы послов вздумали морить голодом, это мгновенно отразилось бы на положении знатных поляков, находившихся в плену в Москве.

Великие послы старались не давать королю поводов для расправы с ними. В 1615 году в Речь Посполитую явился царский посланник Федор Желябужский. Он заявил протест против того, что московские послы «по разным местам сидят в темницах», тогда как знатные польские пленники пользуются свободой на Москве.

Посланнику разрешили повидаться в доме Льва Сапеги с Филаретом. Во время беседы последний выразил негодование послу, а через него боярам по поводу того, что он, Филарет, был отправлен послом к царю Владиславу («я и до сих пор делаю во всем вправду»), а они, бояре, в том перед ним не правы: «если уж вы хотели выбирать на Московское государство государя, то можно было и кроме моего сына, а вы это теперь сделали без моего ведома».

Заявление Филарета было сплошным притворством. Послы знали о судьбе царя Василия Шуйского и, чтобы избежать смерти, старались выставить себя верными подданными царя Владислава. Филарету Романову пришлось платить за свою жизнь высокую цену. Опасения узников не лишены были оснований. Один из присутствовавших при разговоре сенаторов милостиво заметил, что по весне королевич пойдет походом на Москву и тогда учинит Филарета патриархом, а сына его Михаила — боярином. На это Филарет смиренно заметил: «Я в патриархи не хочу».

Переговоры походили на театральное представление. На запросы русской стороны поляки уверяли, что послы «суть здоровы, а живут по указу милосердному и ласковому, у великого господаря своего царя и великого князя Владислава Жигимонтовича всяя Руси, как суть его царскаго величества подданные». И то была неправда. Милосердный указ обрекал посла Филарета на заточение в крепости.

Польская ссылка оказалась более длительной, чем годовская. Поведение же узника было сходным. Узнав о воцарении сына, Филарет стал резче с приставленными к нему стражами, не таясь сердился на них — «стал на сына надежен, стал упрям и сердит, к себе не пустит и грамот не пишет». Как видно, поляки диктовали заключенному не только что говорить, но и что писать в грамотах, адресованных в Москву.

После заключения перемирия польские власти под различными предлогами откладывали освобождение Филарета, предъявляя Москве разного рода претензии. Обозначенный в договоре срок обмена пленников не был соблюден.

Василий Голицын так и не вернулся на родину. Он умер в пути в январе 1619 года. Размен был отложен литовцами на конец мая. Филарет опасался бранить поляков, но сделал резкий выговор московским боярам, в последний момент отложившим съезд на три дня.

Когда послы съехались вновь, литовцы предъявили новые требования, которые были отклонены москвитями. Федор Шереметев тотчас послал к Филарету гонца с нижайшей просьбой, чтобы великий государь указал, как быть. Филарет заплакал, выслушав слова гонца, и сказал: «Велел бы мне Бог видеть сына моего, великого государя царя, и всех православных христиан в Московском государстве». В шатре было много литовских шляхтичей, и отец царя остерегся передавать боярам какие бы то ни было наказания. Он лишь просил передать сыну просьбу прислать соболей. Филарет намеревался одарить поляков, покровительствовавших ему в плену. Шереметев отобрал семнадцать сороков соболей и в тот же день отослал их Филарету.

Литовцы упрямо настаивали на новых уступках, отнюдь не обозначенных в мирном договоре. Вновь, как и в Деулино, они использовали плен Филарета, чтобы настоять на своем. Под конец они заявили послам: «Ваши же про вас говорят, что есть между вами и такие люди, которые не хотят преосвященного митрополита на Московском государстве видети, потому и доброго дела не делаете, хотите того,

чтоб митрополита Филарета Никитича повезли назад». Не желали возвращения митрополита в Москву тайные приверженцы Владислава. Их в России было предостаточно.

Пленник Михаил Шеин дал знать Шереметеву, что поляки могут разорвать мирные отношения с Россией. Послам ничего не оставалось делать, как принять все требования литовской стороны.

Размен состоялся 1 июня на речке Поляновке. Филарет подъехал к речке в возке, за ним шли пешими Шеин и другие пленники. Через речку были перекинuty два мостка. По одному должен был идти Филарет и одновременно по другому — полковник Струсь. Митрополит прислал сказать Шереметеву, чтобы сначала отпустили Струся. Но боярин не подчинился приказу, опасаясь коварства. Филарет вновь повторил свой приказ, и Струсь первым достиг литовского берега.

Переехав мост, Филарет вышел из возка и выслушал речь Шереметева. Боярин правил челобитье сначала от царя Михаила, а потом от матери царской Марфы.

Митрополита Ростовского ожидала встреча, какой мог удостоиться только член царствующей фамилии. В Можайске его встречал князь Пожарский, под Звенигородом — боярин Василий Морозов, за Звенигородом — князь Дмитрий Трубецкой. На Ходынке Филарета ждали Мстиславский со всей думой, дворяне и приказные люди, за ними — гости и торговые люди. Глава думы спросил митрополита о здоровье — поздоровался.

Царь Михаил ждал отца за Тверскими воротами на Пресне. Отец и сын при встрече поклонились друг другу до земли. После того царь Михаил с народом двинулись пешком, а Филарет следом на санях. За санями шли Шереметев и бояре. По окончании церемонии митрополит удалился на подворье Троице-Сергиева монастыря.

По случаю возвращения митрополита объявлена была общая амнистия. Праздновала вся столица.

Власти желали использовать визит в Москву патриарха Феофана Иерусалимского, чтобы без отлагательств провести

церемонию поставления Филарета в патриархи. Сам царь Михаил «с бояры и всяких чинов люди молили и били челом» Филарету, чтобы он принял сан. В соответствии с ритуалом митрополит упорно отказывался, а затем дал согласие.

Через неделю после возвращения Романов был наречен в патриархи. 24 июня он занял патриаршую кафедру. Этот акт должен был стереть в памяти и изгнание Филарета с патриаршего двора царем Василием, и историю воровского патриарха в Тушино. Власти оповестили народ о поставлении патриарха особой грамотой.

Не позднее 3 июля 1619 года патриарх и высшее духовенство всем собором пришли во дворец к царю, чтобы обсудить состояние дел в Московском царстве.

Некогда Филарет Романов жаловался, что бояре — его великие недруги — помогли Борису расправиться с ним — постричь и сослать на север. При царе Владиславе бояре осудили Гермогена и лишили полномочий Филарета, когда те не согласились с решением о сдаче Смоленска. Фактически послы были выданы Сигизмунду III головой.

При возвращении в Москву Романов столкнулся лицом к лицу с теми же самыми людьми — Мстиславским, Куракиным и другими, которые обрекли его на польский плен.

Закончилась кровопролитная четырнадцатилетняя война. В своем обращении к пастве Филарет констатировал, что государство «от польских и литовских людей и от воров разорилось и запустело»; податная система пришла в полный упадок, а в результате одним тяглецам легко, а другим «по недружбе тяжело»; многие посадские люди разбежались из своих тяглых дворов, заложились «за бояр» и не платят податей; «а иные многие люди бьют челом на бояр и всяких чинов людей в насилстве и в обидах, чтоб их пожаловать, велети от силных людей оборонить».

Всего через две недели по возвращении на родину патриарх в грамоте к городам возложил вину за беспорядки в Русском государстве на бояр и сильных людей. Примечательно, что Филарет сначала призвал к царю Михаилу членов Священного собора и передал им на рассмотрение текст

своего «манифеста». Лишь после этого решено было продолжить обсуждение на Земском соборе.

Два государя обещали «о Московском государстве промышляти, чтоб во всем поправить, чтоб все люди нашего государства, по Божией милости и нашим царским призрением жили в покое и в радости». В свое время Борис Годунов упоминал еще о равенстве, но его слова были забыты.

Смута лишила монарха авторитета, харизмы, и великим государям пришлось напоминать подданным истины, давно укоренившиеся в обыденном сознании: «пишем мы к вам, милосердствуя о вас, чтоб вы Божиею милостью и нашим царским милостивым призрением жили в покое и в тишине, и от великих бед и скорбей порозживались, и тесноты бы вам и продаж и иных никаких налог ни кто ничего не чинил, и во всем бы на наше царское милосердье были надежны». Населению говорили, что уповать можно на одного государя.

Филарет был готов взять на себя роль защитника народа от обид, насилий и злоупотреблений бояр. Земский собор постановил вызвать из провинции выборных представителей, всяких чинов людей, «которые бы умели рассказать обиды».

Дело было задумано с размахом. В 1619 году Земский собор утвердил предложение об организации на Москве нового учреждения, сродни старому Челобитенному приказу. Цель его была сформулирована четко и ясно: «А на сильных людей во всяких обидах велели сыскивать и указ по сыску делати бояром своим князю Ивану Борисовичю Черкасскому да князю Данилу Ивановичю Мезетцкому с товарищи».

Филарет придавал своему почину столь важное значение, что поставил во главе его своего ближайшего родственника князя Ивана Черкасского. Князь удостоился особой чести: возглавил первый Сыскной приказ.

Полномочия Сысканого приказа были самыми широкими и неопределенными: принимать жалобы «во всяких (!) обидах» на сильных людей. Сильными из сильных были, конечно же, бояре.

В дальнейшем были созданы другие Сыскные приказы разного предназначения. Но они не играли столь значительной роли.

До возвращения Филарета, как свидетельствовал Исаак Масса, почти все «чины великой канцелярии» были преданы англичанам и «чрезвычайно корыстолюбивы». Поставленный в патриархи, Филарет взялся за дела управления с большим усердием и провел двадцать два совещания на своем дворе в присутствии Михаила Федоровича и «всех господ страны».

По уверению Исаака Массы, голландцы просили разрешить им торг с Персией и поначалу получили благоприятный ответ.

Одушевленный успехом, Исаак Масса с одобрением отзывался о мерах Филарета: «Во всех (приказных) ведомствах переменены штаты и сменены служащие; но все к лучшему».

Обещания властей иноземным купцам вызвали сопротивление московских верхов и не были выполнены.

Филарет застал Россию в гораздо худшем состоянии, чем она была при его отъезде, до великого пожара и разорения. Теперь перед его глазами предстал разрушенный город, с пожарищами и пустырями. На пути к столице вдоль большой дороги лежали запустевшие села и деревни.

Слабость власти и разруха создали почву для неслыханных злоупотреблений и беззаконий со стороны администрации. Государство не могло пресечь казацкие грабежи и очистить страну от разбойничьих шаек.

Не опасаясь жестоких кар, агенты власти — от вельмож и сановников до последних подьячих в приказах — воровали деньги, творили неправый суд.

После коронации Грозный публично осудил беззакония периода боярского правления. Филарет Романов сделал нечто подобное.

Программа искоренения боярских злоупотреблений должна была получить исключительную популярность в народе.

Свое предназначение Филарет видел в том, чтобы возродить самодержавный режим.

Насильственно постриженный в монахи, Филарет надеялся, что после падения Бориса Годунова он сможет вернуться в мир. Но, получив от Лжедмитрия I сан митрополита, он отказался от своего намерения. При дворе самозванца толковали о том, что «император» предлагал Романову сложить монашеский сан, но тот не принял его предложение. Эти сведения записал близкий ко двору архиепископ Арсений Еласонский. Возможно, что с аналогичным предложением к Филарету обращался и его сын, царь Михаил.

По словам сына боярского Боборыкина, Михаил поначалу отказывался от короны, говоря, что «не хочет короноваться раньше, чем его отец, Ростовский митрополит». Видимо, в семье Романовых прочно укоренилось мнение, что насильственное пострижение — это грех и злодеяние и что возвращение Филарета в мир оправданно и неизбежно.

В царской резиденции в селе Коломенском хранился портрет Филарета в патриаршем одеянии, написанный при его жизни. Когда портрет попал в руки реставраторов, они расчистили полотно и с удивлением обнаружили, что первоначально Филарет был изображен в царском кафтане, со скипетром в руке. На обороте портрета сохранилась надпись «Царь Федор Микитич». В отличие от сына Михаила Филарет обладал твердым характером и исключительным честолюбием. В конце концов, он отказался от возвращения в мир, но к титулу патриарха присоединил титул «великого государя», который носили только монархи.

Старший Романов намеревался доказать, что будет твердо придерживаться закона, невзирая на лица. В Земляном списке 1612—1613 годов против имени Бориса Салтыкова была сделана необычная запись: «его пожаловали (неведомо кто) в нынешнем 121 году на Вологде село Заднее Егорьевское, а сколько в нем четвертные пашни, и того неведомо». Затеяливая запись свидетельствовала, что необмеренное поместье было присвоено временщиком с нарушением закона. В поместье было более 800 четвертей — почти боярский оклад. Но Салтыков еще не был боярином. Ранее 1620—1621 го-

дов вологодское поместье было отобрано в казну. Филарет не посчитался с тем, что дворецкий и боярин Салтыков был любимцем Марфы.

ИЕРАРХИЯ ЧИНОВ

В иерархии московских чинов запечатлелась вся история высшего сословия России. Старомосковская нетитулованная знать руководила думой московских князей со времен Калиты. После подчинения Москвой княжеств Северо-Восточной Руси потомки местных династий — князья Суздальские, Ярославские, Ростовские и Стародубские — коренная суздальская аристократия собралась при московском дворе и стала управлять государством вместе со своей близкой родней — московской династией. Старомосковская знать оказалась основательно потеснена княжеской аристократией.

Наконец, в XV веке на московской службе появилась литовская знать. Иван III был первым великим князем, поставившим во главе своей думы князей Гедиминовичей Патрикеевых. От литовских великих князей вели род также князья Щенятевы, Голицыны и Куракины. Литовская знать заняла высшие ступени иерархии, оттеснив суздальскую аристократию.

К середине XVI века Государев двор сформировался окончательно. Знать литовского происхождения возглавляла список бояр и список служилых князей. Суздальская знать в виде особой привилегии проходила службу по княжеским спискам и занимала вторую ступень после служилых князей.

Опричина высветила истинное значение суздальской знати, владевшей родовыми вотчинными богатствами на территории некогда принадлежавших им княжеств и тесно связанной с местным дворянством.

Когда царь Иван замыслил утвердить свою неограниченную власть, он казнил князя Александра Горбатого-Суздальского и сослал на восточную окраину цвет суздальской знати. Вывод очевиден. Не литовская, а коренная суздальская знать ограничивала власть самодержца в первую очередь.

Опричина не сокрушила могущества суздальской знати. Правитель Борис Годунов столкнулся с заговором князей Шуйских и едва избежал гибели. Он продолжил дело Грозного и уничтожил главную привилегию суздальской знати — службу по княжеским спискам. Эта мера имела важные последствия. Она ускорила процесс разобщения суздальской аристократии.

Шуйские правила Россией при малолетнем царе Иване. Сразу после смерти Грозного боярин Иван Петрович Шуйский стал фактически главным регентом при слабоумном царе Федоре. Когда началась Смута, царский трон занял «принц крови» Василий Шуйский. То был крупнейший успех суздальской знати. Свержение царя Василия Шуйского завершило целый этап в истории российской аристократии.

Иван Грозный получил послушную думу, поставив во главе ее литовскую знать — князей Ивана Бельского и Ивана Мстиславского. Иван IV часто повторял: «Мы трое — столпы Московского государства». Когда татары сожгли Москву, а Бельский погиб в пожаре, Грозный обвинил в измене Мстиславского. Тот признал вину и покался, после чего занял пост главы Боярской думы.

Правитель Борис Годунов отправил Ивана Мстиславского в монастырь, но пост главы думы передал его сыну Федору. Сын сохранил пост при царе Борисе, при Лжедмитрии I, при царе Василии и при Михаиле Романове.

Дед князя Федора выехал на Русь в 1526 году и получил от Василия III выморочное удельное княжество юхотских князей из Ярославского княжеского дома. Этим княжеством Мстиславские владели в трех поколениях. Царь Василий пожаловал Мстиславскому обширную Ярополческую волость, чтобы купить его верность. Князь Федор, без сомнения, был крупнейшим землевладельцем России. В его владениях было

более 90 000 четвертей пашни в трех полях. Юхотское княжество по размерам превосходило некоторые из монархий Западной Европы.

Будучи главой Семибоярщины, Мстиславский отказал в поддержке и защите Филарету и другим великим послам. По возвращении в Россию Филарет мог заплатить ему той же монетой. Но он не стал мстить. Многолетний плен научил его осторожности. Романов знал, к каким катастрофическим последствиям может привести раздор с могущественной аристократией, и долгое время избегал решительных перемен. Прошло три года, прежде чем патриарх стал проводить в жизнь меры, клонившиеся к ограничению всевластия высшей аристократии.

Рубежом стала кончина главы Семибоярщины князя Федора Мстиславского, умершего в 1622 году. Прежде всего власти перестали созывать Земские соборы. Совпадение отнюдь не было случайностью.

С первых дней своего существования Семибоярщина многократно использовала соборную практику в своих целях. Владислав, кандидат Семибоярщины, был избран на царский трон собором. С согласия Земского собора Мстиславский впустил в Кремль польские войска.

Смерть Мстиславского и прекращение деятельности соборов знаменовали крушение режима, сформировавшегося в России к началу XVII века.

Мстиславский умер бездетным. Его удельное княжество было ликвидировано. На его обширное подворье в Кремле мог претендовать преемник князя на посту главы думы. Но царь Михаил и Филарет повелели передать двор в распоряжение Пушкарского приказа. Там был устроен склад орудий.

Лучшим воеводой Семибоярщины был князь Иван Семенович Куракин. Этот князь Гедиминович был отослан в Сибирь еще в 1615 году. Филарет не вспомнил о нем и не вернул на службу. Более того, имя князя не упоминалось в документах после 1618—1619 годов. Умер Куракин в 1632 году.

Вторым лицом в Семибоярщине был Иван Голицын, также Гедиминович по крови. Будучи приглашен на царскую свадьбу в 1624 году, боярин не подчинился указу Михаила «быть без мест» и объявил, что ему меньше боярина князя Ивана Шуйского «быть невместно». Государь пытался урезонить строптивого сановника. Согласно Разрядам, сам Филарет сделал внушение боярину. Но Иван Голицын был непреклонен. О причине непослушания можно догадаться. Речь шла о том, кто наследует пост руководителя думы — Гедиминович Голицын или Иван Шуйский. Ивану Голицыну припомнили, что он пытался заполучить трон в 1612—1613 годах.

Великий государь с отцом указали: князя Ивана Голицына «за его непослушанье и измену поместья и вотчины отписать на себя, государя, и поместья в роздачу роздать, а вотчины ведать во Дворце; а за ним оставить в Арзамасе из вотчины его одно село, которое поменши, а его и с женою сослать с приставом в Пермь». В ссылке Голицын умер. Его поместья разделили боярин В.П. Морозов, князь И.Ф. Лыков и другие лица.

На царской свадьбе Иван Голицын местничал, кроме Ивана Шуйского, еще и с Дмитрием Трубецким. Тяжба точно указывала на круг лиц, претендовавших на пост главы думы.

Виднейший из Гедиминовичей князь Дмитрий Трубецкой в январе 1625 года был отправлен царем Михаилом и Филаретом на воеводство в Тобольск. По существу, такое назначение было равнозначно опале и ссылке. Трубецкой пробыл в Сибири недолго. Он умер, прожив в Тобольске «один месяц несполна». На его место в Тобольск был отправлен его двоюродный брат воевода Алексей Никитич Трубецкой, остававшийся в Сибири до 1630 года. Член Семибоярщины боярин князь Андрей Васильевич Трубецкой в последний раз упомянут в документах в сентябре 1618 года. Дата его смерти неизвестна.

Филарет Романов неохотно пускал в думу княжескую знать, издавна носившую высшие думные чины. Видное место среди знати, перешедшей на службу в Москву из Литвы,

были князья Воротынские. Их род был одним из самых аристократических родов России. Его представители, как отметили современники, «бывают в боярах, а в окольных не бывают». Князь А.И. Воротынский и царь Михаил были женаты на родных сестрах. Но он долго оставался стольником. По знатности Воротынские уступали лишь Мстиславскому.

Перед отъездом из Речи Посполитой Филарет посылал людей к польскому пленнику Ивану Шуйскому с предложением вместе ехать в Россию. Однако князь Иван помнил о казни братьев и отвечал митрополиту Ростовскому, что он присягнул Владиславу и будет верен присяге. Невзирая на это, власти возвратили князю Ивану боярский титул, когда тот вернулся в Москву. Последний в своем роду Шуйский занял высший пост в думе. Исторический спор между аристократией литовского происхождения и суздальской знатью завершился в пользу Шуйских.

Возвышение Ивана Шуйского Романовы использовали для того, чтобы завершить разгром пропольской партии в думе, приведшей страну к национальной катастрофе. Иван Пуговка Шуйский был личностью столь же бесцветной, как Мстиславский, и покорно следовал воле Романовых. Именно ему Михаил поручил провести суд над героем смоленской обороны Шеиным, что тот и исполнил. В конце 1637 года Шуйский постригся в монахи, а в 1638 году умер. Наследника у него не было, и род Шуйских пресекся.

И Филарет, и его сын питали недоверие к высшей княжеской аристократии. Архиепископ Астраханский так характеризовал взаимоотношения патриарха и высшей аристократии: «а владетелен таков был, яко и самому царю бояться его, бояр же и всякаго чина царского синклита зело томляше заточенми необратными, и инеми наказанми».

Местническая система, регулировавшая взаимоотношения внутри правящего боярства, существовала в России более столетия и отличалась исключительной прочностью. Высшие посты в государстве занимали лица, чьи предки отличались знатностью, состояли в родстве с династией Кали-

ты, добились наибольших успехов по службе и владели родовыми вотчинами.

Восшествие на трон Романовых неизбежно должно было привести к преобразованию старой иерархии. Первостепенное значение приобрело родство с новой династией. На первый план выдвинулись Шереметевы, Морозовы, Салтыковы. Самыми богатыми светскими землевладельцами России стали Иван Романов (3379 дворов крестьянских и бобыльских) и Федор Шереметев (2083 двора).

Перестройка местничества была ускорена смертью Мстиславского. Новая династия представляла нетитулованную старомосковскую знать, прежде уступавшую первенство княжеским родам. Примирить старую иерархию с новой действительностью не представлялось возможным, и Романовы упразднили местничество в конце XVII века.

При царе Михаиле суздальская знать лишилась главного преимущества — близкого родства с царствующей династией. И Грозный, и суздальская знать имели одного предка — Всеволода Большое Гнездо. Романовы были всего лишь слугами владимирских князей.

Смута расшатала царскую власть, что неизбежно усилило значение Боярской думы. Царь Михаил вынужден был жаловать думные чины, чтобы найти опору среди знати. После возвращения Филарета все переменялось. В его правление численный состав думы, представительного органа аристократии, сократился, а компетенция подверглась ограничению. Указные книги Поместного, Разбойного, Земского и Ямского приказов рисуют такую картину. В 1620—1632 годах чаще всего употреблялась формула «царь и патриарх указали», несколько реже — «царь указал», много реже — «царь указал, а бояре приговорили», единичные случаи — «по боярскому приговору» и «патриарх указал».

В 1625 году Михаил Федорович выдал патриарху жалованную самосудную грамоту. Таким путем пастырь пожелал узаконить неподсудность патриарших владений светским чинам. Впрочем, попытка разграничить сферы деятельности с царем не имела особых последствий.

Патриарх Филарет усвоил необычный в русской истории титул — Великий государь и Святейший патриарх. Он соединил в своих руках церковную и светскую власть. Патриаршие ризы сидели на Филарете так же хорошо, как боярские одежды. Но по натуре и привычкам Романов был не столько духовным пастырем, сколько честолюбивым и опытным государственным мужем. Будучи в царствующем граде, он тщательно вникал в дела управления государством и выносил решения. Во время длительных поездок на богомолье патриарх наказывал сыну сообщать ему обо всех важных политических новостях: «да и о сем, государь, вели мне возвещать коротким писанием, любо отписки придут из Новгорода, или из Пскова, или из порубежных городов, или отинды откуда, чтоб мне, отцу твоему и богомольцу, о том ведомо было». Не церковные, а военные новости интересовали Филарета в первую очередь.

Михаил старательно исполнял приказ батюшки, а также пересылал ему нераспечатанными письма, полученные на имя иерарха в столице. Имеются сведения, что воеводы вели из лагеря под Смоленском отдельную переписку с патриархом. Филарет получал тайные грамоты из Псковского Печорского монастыря.

В 1627 году патриарх сам вел секретные переговоры с турецким послом Кантакузином о заключении союзного договора против Речи Посполитой. Получив из рук посла «письмо» — проект договора, Филарет после рассмотрения передал его главе Посольского приказа. Предложение турок было отклонено. В 1631 году шведский посол Руссель по прибытии в Москву говорил наедине с патриархом, а затем с членом Ближней думы князем Иваном Черкасским. Посольский приказ, а значит, и Боярская дума не были осведомлены о «тайном деле», с которым приезжал посол.

Ранее, в 1620 году, московские послы прислали из Персии две отписки. Одну царь Михаил и Филарет велели «честь» всей Боярской думе, а другую «мы слушали и ближним бояром чести велели, а всем бояром чести не велели».

В конце жизни патриарх нередко принимал решения по важнейшим внешнеполитическим и военным вопросам единолично, отстранив Боярскую думу.

При Иване III Россия имела трех великих князей, при Михаиле — двух царей. Конфликты между царями не возникали, так как сын никогда не перечил родителю.

Отец царя поначалу мирился с тем, что в Кремле распоряжались старица Марфа и ее любимцы. В 1623 году он приступил к перестановкам в Ближней думе. Прологом послужил розыск о злоупотреблениях братьев Салтыковых.

Извещая народ об опале на Салтыковых, власти писали: «забыв государево крестное целование и государскую великую милость, а государская милость была к вам (Борису и Михаилу Салтыковым) и к матери вашей (сестре старицы Марфы) не по вашей мере; пожалованы вы были честью и приближеньем больше всех братьи своей», «только и делали, что себя богатели, дома свои и племя свое полнили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтоб вам при государской милости, кроме себя, никого не видеть, а доброхотства и службы к государю не показали».

Русские известия находят подтверждение в иностранных донесениях. Описав злоупотребления московских властей, Исаак Масса в своих письмах 1616—1618 годов подчеркивал, что такое правление, «если останется в теперешнем положении, долго продолжаться не может»; чиновники корыстолюбивы и лицеприятны; Михаил попустительствует им и возлагает надежды единственно на возвращение из польского плена своего отца Филарета, который один «в состоянии поддержать достоинство великокняжеской власти». «Лобанов с Салтыковым, — писали из Москвы шведские эмиссары, — были первыми во власти, тиранили с таким насилием, что могли бы все перевернуть, если бы не заступился отец» царя Михаила.

Филарет отправил Салтыковых и Лобанова в ссылку, лишив их думных титулов. В 1626 году ссыльные служили в захолустных крепостях на восточной окраине: Борис Салтыков — в Самаре, Михаил — в Чебоксарах, князь Лобанов — в

Свияжске. Был издан указ, воспрещавший именовать их с прежними думными титулами. «А к Борису боярином писать не велено, а Михаилу — окольничим; а все они посланы из деревень, государевых очей не видали», — значилось в Разрядах. Филарет не желал допускать племянников в столицу.

Костромские вотчины братьев Салтыковых были конфискованы и ранее 1626 года пущены в поместную раздачу.

Шведские дипломатические донесения позволяют заключить, что ближний круг сына состоял из одних лиц, а Филарета — из других. «Чего хочешь достигнуть от матери великого князя, — утверждали шведские послы, — должно быть сделано Сицким, Черкасским, Лыковым и тестем великого князя Долгоруким. Чего хочешь добиться у патриарха, должно быть сделано Шереметевым, Шеиным, Иваном Никитичем и Лыковым».

Среди лиц, выдвинувшихся при Михаиле и его матери, первенствовали бояре князь Алексей Сицкий и князь Иван Черкасский. Оба получили боярство по родству с Романовыми. За год до смерти старицы Марфы тесть царя боярин Владимир Долгорукий-Оболенский оказался в Сибири, может быть, по милости Филарета.

Единственным лицом, пользовавшимся влиянием при обоих великих государях, был князь Борис Лыков-Оболенский, женатый на сестре Филарета Ирине Никитичне. Одно время Лыков возглавлял Сыскной и Ямской приказ.

Ближними людьми Филарета были его брат Иван Никитич и бояре старшего поколения Михаил Шеин и Федор Шереметев.

Что касается князя Черкасского, он первенствовал при дворе Марфы и Михаила, но подлинный успех пришел к нему при Филарете.

Иван Борисович Черкасский был внуком горского князька Камбулата, члена княжеской династии, правившей в Кабарде. Династия была связана родством с Грозным. Высокое происхождение ограждало его от местнических нападков московской знати. Мать князя Ивана доводилась родной сестрой Филарету.

Князь Черкасский доказал свою преданность Романовым. Он пользовался их полным доверием и обладал характером, что позволяло ему неукоснительно проводить в жизнь все распоряжения «великих государей царя и патриарха».

В январе 1622 года был создан Приказ Большой казны — главное финансовое управление. Приказ ведал торговлей. В ведении нового приказа находился Денежный двор. Г. Котошихин отметил, что «в том Приказе ведомы гости и гостиная и суконная сотня, и серебряного дела мастера, и многих городов торговые люди»; «а ведает тот Приказ боярин тот же, что и Стрелецкий приказ ведает».

Романовы вверили Приказ Большой казны и Стрелецкий приказ Ивану Черкасскому. Два этих учреждения были ключевыми в системе государственного управления. Кроме того, он некоторое время возглавлял Сыскной приказ.

В годы Смуты стрелецкий гарнизон Москвы играл особую роль. Стрелецкие караулы несли стражу в Кремле и внешних крепостях города. Как глава Стрелецкого приказа боярин Черкасский командовал стрелецкими гарнизонами во всех городах, а также руководил сбором одного из главных налогов — «стрелецких денег» и еще хлеба на жалованье казакам и другим служилым людям по прибору.

В 1624—1642 годах Черкасский возглавлял Иноземный приказ, в котором ведомы «иноземцы, всяких чинов служилые люди». Он руководил набором за рубежом иностранных наемных командиров и солдат. В годы Смуты русское правительство вполне оценило преимущества иноземной наемной пехоты и приступило к организации полков иноземного строя.

Надо заметить, что князь Иван не мог ведать всеми названными приказами одновременно. Круг дел, которыми он распоряжался, постоянно менялся.

Романовы поручили Черкасскому заботу о безопасности и здоровье членов династии. При Грозном такими полномочиями был наделен один Богдан Бельский, племянник Малюты.

В Аптекарском приказе, по словам Григория Котошихина, «сидит боярин тот же, что и в Стрелецком приказе». В приказ назначали лиц, которым ведомы «аптека и доктора и лекари». Царь принимал лекарства, изготовленные иноземными докторами, исключительно из рук Черкасского.

В официальных документах князь Иван Черкасский именовался ближним боярином царя Михаила. Фактически он возглавлял Ближнюю думу царя. Шведские послы, посетившие Россию в 20-х годах, так определяли роль Черкасского в делах Московского царства: «глава всего военного совета, управляющий аптекой великого князя и казначей; вообще думают, что он получил все управление государством и был первым на месте (вместо) Мстиславского». Шведы характеризовали князя как «человека большого ума и крепкой памяти».

В народе правитель приобрел такую же репутацию справедливого судьи, какую при Грозном заслужил Алексей Адашев. Как писали современники, в то время когда Черкасскому поручили сидеть в Поместном приказе, и «у него были многие приказные люди и в то время у него в приказах делалось доброе и волокиты в приказах никаких не было».

При участии Черкасского проходили секретные дипломатические переговоры, к которым не допущены были даже руководители Посольского приказа. Так, в мае 1631 года в Москву с тайным поручением приезжал шведский посол Якоб Руссель. О его визите посольские дьяки сделали такую запись: «И с каким делом тот свейский посол приезжал и с чем с Москвы отпущен, и тому всему записка и ведомо у боярина у князя Ивана Борисовича Черкасского, а в Посольском приказе не о чем не ведомо, потому что Яков Руссель приезжал с великим тайным делом».

Наряду с Черкасским документы именуют «государевым ближним боярином» еще и Ивана Никитича Романова. Он имел право на высшие титулы. Шведские послы именовали его конюшим боярином. В действительности Романов не получил титул местоблюстителя ни от племянника Михаила, ни от родного брата Филарета. Понятно, что функции

местоблюстителя в случае бездетной смерти Михаила взял бы на себя патриарх.

Формально Иван Романов занимал в Ближней думе самый высокий пост. Но его реальное влияние на дела было, по-видимому, невелико. С.Ф. Платонов не без основания назвал Ивана Романова «не способным к правильной деятельности паралитиком».

Филарету понадобилось несколько лет, чтобы окончательно овладеть положением и утвердить свою власть. Перемены получили отражение в реформе печати. В 1625—1626 годах царь Михаил оповестил воевод по городам: «По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежней, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было не сполна, а ныне прибавлено на печати в подписи: самодержец; а что у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новой печати слов нет, а над главами у орла корона».

Царство имело двух «великих государей» — Михаила и Филарета. Реформа большой царской печати формально закрепила положение Михаила как самодержца, старшего из двух государей. Сменив состав Ближней думы, патриарх сосредоточил власть в своих руках.

При Михаиле сошли со сцены самые родовитые семьи — князья Мстиславские и Шуйские. По мере дробления вотчин отступила на задний план та знать, которая первенствовала при Грозном. Княжеское землевладение все больше приходило в упадок. Самыми богатыми вотчинниками в XVII веке были Никита Иванович Романов, Морозовы, Шереметевы, князья Черкасские, Одоевские и Львовы, Салтыковы и Стрешневы. То был круг семей, близких семье Михаила.

Упадок старой аристократии дополнялся разрастанием роли и влияния приказной бюрократии. Давно замечено, что среди приказных чинов большую роль играли дьяки, сделавшие карьеру в Тушино. Как это объяснить?

Заодно с поляками выступали не одни члены Семибоярщины, но и высшие приказные чиновники, возглавлявшие приказы при думе в Кремле. После сдачи боярами Кремля

дьяки поспешили покинуть столицу, боясь мести казаков и из-за трудностей с продовольствием в столице. При таких обстоятельствах освободившиеся места в приказах заняли дельцы из Тушино, служившие в земском ополчении и пользовавшиеся поддержкой казаков. Казакам достало сил усадить на трон Романова и водворить ставленников в приказах.

Боярской думе пришлось смириться с тем, что ее собственные канцелярии — приказы возглавили бывшие тушинцы. Первое место среди них занимал Петр Третьяков, получивший чин думного дьяка от «вора». В земских ополчениях он числился дьяком. Но при царе Михаиле Третьяков вновь вошел в думу и получил в управление Посольский приказ.

Иностранцы именовали Петра Третьякова великим канцлером. Исаак Масса считал его самым влиятельным из приказных людей и сравнивал с «большой страусовой птицей». К Третьякову, видимо, относятся слова того же современника о волках.

Канцлер Третьяков покровительствовал английским купцам. Боярин Иван Романов оказывал протекцию голландским торговым людям. Его агентом был голландский купец Исаак Масса, с которым боярин сносился «через надежного и тайного приятеля». Масса не мог скрыть своего раздражения против московской администрации. В 1614 году он так характеризовал правительство царя Михаила: «все приближенные царя — несведующие юноши; ловкие же и деловые приказные — алчные волки; все без различия грабят и разоряют народ, никто не доводит правды до царя; к царю доступу нет без больших издержек». Немилость царя и злоупотребления дьяков возмущали Исаака Массу и давали почву для мрачных прогнозов: «прошение подать нельзя без огромных денег, и тогда еще не известно, чем кончится дело»; «если все так останется, то и года не пройдет».

Когда главный враг голландца Петр Третьяков умер, Исаак Масса записал: «Полагают, что он был отравлен».

К той же формации дельцов, что и канцлер Третьяков, принадлежали дьяки Федор Шушерин, Иван Грамотин, Се-

мой Заборовский, Нехороший Лопухин, Федор Апраксин, бывшие слуги Лжедмитрия II.

Семой Заборовский выслужил чин дьяка у самозванца в Тушино. О его влиянии свидетельствует тот факт, что 1 июня 1613 года он получил ввозную грамоту на его старое поместье и вотчину, «что ему дано в Тушине». В других случаях «воровские» земельные дачи отбирались в казну.

Царя Ивана IV упрекали за то, что он приближает дьяков, а те половиной поборов его кормят, а половину себе «емлют». При Михаиле казнокрадство приобрело еще больший размах. Власть не внушала страха. 14 августа 1618 года дьяк Иван Грамотин доложил государю, что он произвел проверку в приказе Новгородской четверти и обнаружил, что «у подьячего Савина Нефедова перед приходом в расходе нет налицо денег 800 рублей». Поражает сама цифра: столько стоила целая вотчина. У дьяков аппетиты были еще большими, чем у подчиненных им подьячих.

Великородный Курбский винил Грозного за безмерное возвышение дьяков, служивших послушным орудием в его руках. При Михаиле бюрократия претендовала на сходную роль. Она стала неременной принадлежностью самодержавного режима.

Дворяне роптали, наблюдая за безмерным обогащением дьяков. В 1642 году уездные дети боярские в челобитной царю так отозвались о приказной администрации: «твои государевы дьяки и подьячие (писали они) пожалованы твоим государским денежным жалованьем и поместьями и вотчинами и, будучи безпрестанно у твоих государевых дел и обогатев многим богатством, несправедливым своим мздоимством, и купили многие вотчины и дома свои строили многие, палаты каменные такие, что неудоб сказаемы: блаженные памяти при прежних государех и у великородных людей таких домов не бывало, кому было достойно в таких домах жити».

Восстановление самодержавной власти было главным делом Филарета и его сына.

Новые «сильные люди» не очень церемонились с бывшими противниками из Семибоярщины, уповая на покровительство Филарета. Отправляясь на войну с поляками, боярин Михаил Шеин-Морозов на отдыхе у царя в присутствии думы с гордостью перечислил свои многие прежние службы «к нему государю, перед всею твоею (Шеина) братьею боярами, в то время как ты (Шеин) служил, многие за печью сидели, и сыскать их было нельзя, и поносил всю свою братью перед государем с большою укоризною, по службе и по отечеству никого себе сверстников не поставил». Царь Михаил, по обыкновению, промолчал. Но промолчали и старшие бояре думы, которым адресованы были «многие грубые и поносные слова». Конечно же, Шеин ставил себе в заслугу героическую оборону Смоленска, а старших бояр обвинял в предательстве. Они не просто сидели за печью, но слали гонца за гонцом с повелением сдать Смоленск полякам. Прием во дворце состоялся, когда царь направил Шеина отвоевывать у поляков Смоленск.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ЦАРСТВО

В конце XV века настала пора великих географических открытий. Были открыты пути по южным морям в Индию и по Атлантическому океану в Америку. В XVII веке заселение Нового Света шло полным ходом.

В то время как выходцы из западноевропейских стран осваивали американский континент, русские приступили к освоению неведомых Европе территорий великой Азии — Сибири и Дальнего Востока.

Москва отправила первые военные экспедиции в Зауралье еще в XV веке. Печорский путь «за Камень» был давно освоен новгородцами. Московский воевода князь Федор Курбский совершил успешный поход в Сибирь в 1483 году. Спустя столетие волжский атаман Ермак Тимо-

феевич с пятью сотнями казаков отправились за Урал, нарушив строгий указ Грозного и не послушав Строгановых (купцы Строгановы наняли их для обороны своих владений в Приуралье).

Казаки завоевали столицу Сибирского ханства. После гибели Ермака на Русь вернулось не более 90 казаков. Понадобилось пятнадцать лет, прежде чем царские воеводы окончательно подчинили территорию Сибирского ханства.

При царе Борисе воевода князь Шаховской спустился по Оби в Обскую губу и основал на р. Таз острог Мангазею (1600 г.). Из Мангазеи служилые люди прошли на Енисей и построили Туруханск (1607 г.). В Юго-Западной Сибири был возведен Томск (1604 г.).

В годы Смуты продвижение русских на восток замедлилось. Но с наступлением мира колонизация восточных земель возобновилась. Первостепенную роль в ходе освоения восточных окраин играло казачество, численность которого в годы гражданской войны многократно увеличилась.

Власти направляли в Сибирь вместе со служилыми казаками отряды стрельцов. В походах участвовали торговые люди и промышленники-звероловы. Стремительное продвижение русских на восток было бы невозможно, если бы им пришлось вести затяжные войны с местным населением. Однако же малочисленные племена Сибири не оказали серьезного сопротивления московским воеводам. Вооруженные луками и стрелами, туземцы не могли устоять против огнестрельного оружия.

Коренное население Сибири почти не знало пашенного земледелия и занималось в основном охотой и рыболовством, в степях — скотоводством. Большинство племен жило родовым строем. Время от времени эти племена подвергались нападениям южных соседей — кочевых орд Маньчжурии, Джунгарии.

Смута сорвала с места и привела в движение казаков и прочее население южных и восточных окраин России. Сибирь стала местом ссылки разбойников, пленной «литвы» и «черкас», беглых крепостных людей, холопов и кабальных.

Сибирские племена не обладали богатствами. Исключением было мягкое золото — драгоценная пушнина, высоко ценившаяся на западных рынках. Открыв и покорив новую «землицу», служилые люди объявляли ее владениями великого государя и царя Михаила Федоровича и облагали местные племена ясаком (данью) в пользу государя.

Землепроходцы прокладывали пути через тайгу и тундру, плавали на судах по сибирским рекам, Ледовитому океану. Казаки несли потери в стычках, но еще больше — от непривычного климата, страшных морозов, голода, цинги и болезней. Ни одна армия не могла бы вести военные действия при таких потерях, какие доставались на долю казаков.

На севере путь в глубь Азии проходил по Студеному морю. Важным пунктом на этом пути был городок Мангазея. При царе Борисе мангазейское мореплавание вступило в полосу расцвета. Караваны русских судов постоянно плавали в Обскую губу.

«Златокипящая» Мангазея привлекла пристальное внимание западноевропейских купцов. Их компании предприняли настойчивые попытки проникнуть в устье Оби. Это встревожило русские власти, и в 1619 году они запретили мангазейское мореплавание. Иностранным кораблям не дозволялось приставать в устьях Мезени, Печоры и Оби. В Обской губе поставлены были воинские заставы.

Еще в 1619 году был построен острог Енисейск на реке Енисей. Промышленник Пянда открыл путь на Лену. Началось освоение пространства между Енисеем и Леной.

Правление Филарета ознаменовалось интенсивным строительством городков в Восточной Сибири. Были выстроены Красноярск (1628 г.), Братский острог (1631 г.), Якутск (1632 г.). Казаки основали Жиганское зимовье (1633 г.). Казаки атамана Е. Бузы основали Верхоянское зимовье, Ребров открыл устье Индигирки (1638 г.). Казаки освоили морской путь с Индигирки в устье реки Колымы.

В 1641 году служилые люди возвели Верхоленский острог, откуда русские двинулись на Байкал и в Забайкалье.

Дмитрий Копылов и Иван Москвитин с казаками прошли из Якутска на реку Алдан. Москвитин дошел в 1640 году до устья реки Охоты, затем спустился к югу и оказался в устье Амура.

В 1643 году в Приамурье был направлен сын боярский Василий Поярков с большим отрядом казаков и «промышленников». Отряд прошел с верховьев Лены на Амур и по Амуру спустился в Охотское море. То была последняя крупная экспедиция на Дальнем Востоке, снаряженная при жизни царя Михаила.

Страна была разорена, ее армия сократилась. Власти избегали посылать крупные силы за Урал. В острогах размещались гарнизоны, насчитывавшие несколько десятков человек. В Сибири пашенное земледелие было неразвито, и хлебные запасы для воинских людей доставлялись из России. Лишь часть русского населения в Тобольске и Томске смогла завести небольшую запашку. При полном бездорожье и тысячеверстных расстояниях наладить регулярное снабжение продовольствием дальних гарнизонов было чрезвычайно трудно. Доставка грузов с Урала на побережье Тихого океана отнимала до трех-четырех лет.

Власти пытались преодолеть трудности, переселяя в Сибирь русских крестьян и предоставляя им ссуды и подмогу. В конце царствования Михаила в Тобольском уезде и сопредельной Тюмени и на Туре жило 500 крестьянских семей. Очаги земледелия возникли и в других местах.

Уже в XVII веке московские власти предприняли первые попытки использовать природные богатства Сибири. Началась разработка железорудных месторождений на Нице и соляных месторождений в Якутии. В некоторых местах власти приступили к строительству дорог.

Местные племена были обложены данью — ясаком, который состоял из соболиных, лисьих, беличьих шкурок. Со временем ясак стали определять «денежной ценой». Но взыскать деньги с сибирских племен не было никакой возможности.

Русская администрация, как правило, сохраняла «волости», существовавшие у племен издревле, и нередко оставля-

ла во главе их прежних «князьцов». Это облегчало описание «землицы» и сбор ясака.

Дань назначали, не слишком соображаясь с платежеспособностью населения. Поэтому уже при царе Михаиле образовались большие недоимки. Чтобы обеспечить поступление пушнины в казну, воеводы захватывали аманатов — заложников. Спасаясь от поборов, ясачные люди разбегались либо переносили свои стойбища в отдаленные места.

Царь Михаил и московские власти пытались бороться с вопиющими злоупотреблениями местной сибирской администрации. «Служилым людям, — значилось в царской грамоте, — приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, сбирали бы с них государев ясак ласкою и приветом, а не жесточью и не правежом, чтоб с них собирать государев ясак с прибылью, брать с них ясак, сколько будет можно, по одному разу в год, а по два и по три ясака на один год не брать. Которые новых земель люди станут непослушны, таких прежде уговаривать ласкою, а если никакими мерами уговорить будет нельзя, то смирить их войною, небольшим разорением, чтоб их смирить слегка».

Московиты получали драгоценную пушнину от местного населения — первобытных охотников и звероловов. В их руках был ключ к пушным богатствам края. Сокращение численности коренного населения грозило казне огромными убытками. Собольи меха пользовались большим спросом на западных рынках.

Со времен Годунова московская администрация не раз выражала тревогу по поводу бедствий малых народностей Сибири. Михаил Романов шел по их стопам. Он воспрещал покупать и продавать туземцев или насильно крестить их: «Воеводам, дьякам, подьячим и служилым людям никаких иноземцев, жен и детей их во двор к себе не брать, засылками ни у кого не покупать и не крестить, в Москву с собою не вывозить и ни с кем не высылать, чтоб Сибирская земля пространилась, а не пустела. Если же кто из ясачных людей захочет по своей воле креститься, таких людей крестить,

обыскавши допряма, что добровольно хотят креститься. Окрестя, устраивать их в государеву службу, верстать денежным и хлебным жалованием».

Служилое сословие Сибири предполагалось пополнять не только за счет прибывших из Москвы людей, но и за счет «князьцов» и воинов из местного населения.

В 1621 году прислан был в Тобольск архиерей и основана Сибирская епархия. Ее возглавил епископ Киприан, поставленный из игуменов новгородского Хутынского монастыря. При нем положено было начало сибирскому летописанию.

По Разрядам в 1642—1643 годах царские воеводы со значительными силами стояли, кроме Тобольска, «в Томи стольник князь Семен Клубков-Мосальский», «на Таре стольник Василий Чеглоков», «на Лене стольник Петр Головин». Дворяне несли службу в Тюмени, на Пелыме, в Березове, на Верхотурье, в Сургуте, на Мангазее, в Енисее, в Нарыме, в Кети, в Кузнецке и других местах.

При царе Михаиле в 1637 году в Москве был образован для управления азиатскими владениями царя Сибирский приказ. Наряду с Тобольским Разрядом сложился Томский Разряд (1629 г.), позже — Енисейский и Якутский. По смете, на конец XVII века население всех сибирских городов не превышало двенадцати тысяч человек. Большую часть среди них составляли русские служилые люди.

Из отдаленных сибирских мест в Москву приходили «сказки» с описанием вновь открытых земель. С купцами эти сведения расходились по всей Западной Европе. Открытия русских землепроходцев значительно расширили географические представления европейцев.

В царствование Михаила Романова произошло неслыханное расширение территории Российского государства на восток. В Азии владения царя простирались на 8500 километров от Урала до берегов Тихого океана. Эти владения многократно превосходили европейскую часть России и всю Европу в целом.

БРАКИ ЦАРЯ МИХАИЛА

Царская семья откладывала многие важные дела до возвращения Филарета, даже если эти дела были неотложными. Одним из них было устройство семейной жизни Михаила.

По обыкновению, решение о браке принимали высшее духовенство и Боярская дума. Митрополит Макарий предложил женить царя Ивана IV, когда тому было 16 лет, а дума одобрила его предложение. Наследнику Ивана царевичу Ивану невесту сосватали в семнадцать лет.

Царь Михаил достиг брачного возраста уже в год избрания на трон. Положение династии могло упрочить лишь рождение наследника. Однако прошло более трех лет, прежде чем старица Марфа взялась за устройство семейной жизни сына.

Первой заботой матери был выбор невесты, которая не привела бы во дворец влиятельную родню. Как всегда, Марфа полагалась только на свой опыт. Она могла бы сосватать сыну самую знатную в России невесту, но предпочла рядовую дворянку Марию Хлопову. Невеста принадлежала к тому же кругу неродословных детей боярских. Хлоповы служили в Государевом дворе и в большом числе сидели на поместьях в Коломне.

Семья Марии Ивановны Хлоповой доказала свою преданность Романовым в то время, когда Марфа и ее сын находились в ссылке в своей вотчине в Клину в Юрьеве-Польском.

По матери Мария происходила из рода Желябужских. В 1608 году один из Желябужских лишился чина думного дьяка и отправился в Сибирь. Другой Желябужский был обезглавлен по обвинению в измене и заговоре. Вдохновителем заговора считали Филарета и его родню.

В 1616 году Марфа взяла Марию Хлопову к себе на житье, в Вознесенский монастырь. Вскоре ее нарекли царской невестой и по этому случаю сменили ее имя Мария на

имя Анастасия, в честь жены Грозного Анастасии Романовой.

Не мешкая родне невесты повелено было служить при государе и «быть при нем близко». Введение рядовых дворян в Ближнюю думу государя предвещало скорое пожалование им думных чинов и чреватое было важными переменами в правительстве.

Во дворце готовились к свадьбе. Как вдруг братья Салтыковы уведомили Марфу, будто Хлоповы совершили измену — скрыли от «великой государыни», что девица Хлопова больна неизлечимым недугом. Старица Марфа поверила племянникам и распорядилась отнять у девицы ее новое имя и сан царской невесты и отправить всю семейку в ссылку в Сибирь.

Считают, что причиной крушения брачного проекта была мимолетная ссора дяди невесты Гаврилы Хлопова со всемогущим Михаилом Салтыковым. Рассказывали, что царь Михаил отправился однажды в Оружейную палату в окружении ближних людей. Ему принесли искусно сделанную турецкую саблю. Все ее хвалили. Один Салтыков сказал: «Вот невидаль, и на Москве государевы мастера такую саблю сделают». С его авторитетным мнением не согласился Гаврила Хлопов: «Сделают-то сделают, только не такую». Михаил Салтыков обругал его в сердцах. Тот не остался в долгу: Гаврила «Хлопов с Михайлою побранился», и с тех пор «Борис да Михайла Салтыковы стали его не любить».

Размолвка не имела того значения, которое ей приписывали современники. Если бы дело касалось частных лиц, то ничто не помешало бы осуществлению брачного проекта. Но речь шла о династическом браке, от которого ждали политических выгод.

Некогда князь Семен Лобанов-Ростовский выражал крайнее негодование по поводу брака Грозного с боярышней Анастасией Романовой: Царь «обесчестил» великие роды: «тем нас истеснил ся, что женился у боярина своего, дочер понял — робу свою, и нам как служити своей сестре».

Еще большее негодование вызывал у аристократии другой неравный брак — мнимого сына Грозного — Лжедмитрия I с поганой католической девкой Мариной Мнишек, которая была незавидной партией для царя.

Когда в Москву вернулся Филарет, он должен был учитывать мнение знати, которое, по всей видимости, и сам разделял.

Но прежде он облегчил участь отставленной царской невесты. На исходе 1619 года Хлопову с родней перевели в Верхотурье, а год спустя — в Нижний Новгород.

В 1621 году в Данию был направлен посол князь Львов с деликатным поручением — сосватать царю Михаилу одну из двух племянниц короля Христиана. Посол должен был присмотреться к девице, «какова которая возрастом, лицом, белизною, глазами, волосами и во всяком приращенье, нет ли какого увечья», «чтоб была здорова, собою добра, не увечна и в разуме добра». На вопрос, будет ли невесте отведен удел — «особые города и доходы», ответ посла был отрицательным. Зато надлежало спросить, сколько дадут за невестою земель и казны. Русская сторона ставила непременно условием, чтобы невеста перешла в православную веру и заново приняла обряд крещения.

Авторитет России в мире был так подорван, что король отказал царю, не вступая с ним в переговоры.

В 1623 году Романовы попытались прибегнуть к посредничеству шведского короля Густава Адольфа, чтобы через него заполучить в невесты сестру курфюрста Бранденбургского. Начались переговоры, но они сразу зашли в тупик. Король объявил, что невеста Екатерина не согласится отказаться от своей веры для царства.

Сватовство за рубежом не привело к успеху. Родители продолжали хлопоты, кроткий государь отвечал на их предложения одной фразой: «Обручена ми есть царица, кроме ее иные не хочу пояти».

Потерпев неудачу за рубежом, Филарет нарядил розыск, по какой причине отставлена царская невеста Мария Хлопова, которая ждала решения своей судьбы в Нижнем Нов-

городе. Во дворец были призваны иноземцы доктор Валентин Бильс и лекарь Бальцер, лечившие Хлопову. Они показали, что у невесты была пустяковая желудочная болезнь, легкоизлечимая. Лекарства больной подносил кравчий Михаил Салтыков. Взятый к допросу, он не смог объяснить, почему объявил царю, что невеста неизлечимо больна.

По этому случаю Филарет созвал семейный совет — боярскую комиссию с участием ближних людей Ивана Романова, князя Ивана Черкасского, Федора Шереметева. Было решено допросить отца невесты Ивана Хлопова и дядю Гаврилу Хлопова, чтобы разузнать дело более обстоятельно.

Отец сказал, что дочь была здорова, но после переселения во дворец у нее приключилась рвота, которая тут же прошла и более не возобновлялась. Его слова подтвердил Гаврила, вспомнивший о перебранке с Михаилом Салтыковым и «нелюбови» Бориса и Михаила Салтыковых к Хлоповым.

Розыск вступил в решающую фазу. Племянники Марфы еще не утратили влияния и всеми средствами старались положить конец розыску. Нужен был человек, который бы не побоялся бросить вызов временщикам. Таким человеком стал Федор Шереметев. Он ездил в Нижний Новгород вместе с архимандритом патриаршего Чудова монастыря Иосифом. Комиссия удостоверилась в том, что девица Хлопова здорова.

Иван Хлопов дал показания, что невесту отравили Салтыковы, предложившие ей из аптеки какой-то водки для аппетита. Дочь сказала, что недуг приключился у нее от супостат. Зато Гаврила Хлопов дал делу объяснение, всего более похожее на правду. Мария-Анастасия объелась сладостей, когда попала во дворец.

Казалось бы, дело прояснилось, и можно было играть свадьбу. Однако брак так и не состоялся под влиянием политических страстей.

Филарет давно искал повода отстранить от власти временщиков Салтыковых. Их обвинили в том, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку», за что со-

слали в деревню, отобрали земли, а их мать заточили в монастырь.

Гонения на племянников и их мать слишком близко затронули интересы старицы Марфы. Она пыталась заступиться за сестру, спасти ее от собственной участи — насильственного пострижения. Симпатии царя Михаила, видимо, были на стороне матери и ее родни. Но Филарет был непреклонен.

Старица обладала не менее твердым характером и нашла способ настоять на своем. Она отказала сыну в родительском благословении. Михаил заявлял, что другая невеста ему не надобна. Патриарх был на его стороне. Но государь привык подчиняться авторитету матери и не посмел ослушаться ее: «презре себе Бога ради, а матерня любве не хоте презреть».

Филарет достиг своей главной цели. Ничто не мешало ему произвести новые назначения и переменить окружение сына.

Царская невеста получила в Нижнем Новгороде извещение, что государь ее «взять за себя не изволили». Но корм Хлоповым стали отпускать в двойном размере.

Марфа Романова отложила хлопоты о женитьбе сына еще на три года. Когда Михаилу исполнилось двадцать девять лет, мать сосватала ему княжну Марию Долгорукую, дочь князя Владимира Тимофеевича. Князь начал службу при Грозном и Борисе, но получил высший думный чин лишь от царя Василия. В ополчении у Пожарского Долгорукий был одним из старших бояр.

Брак царя с княжной рюриковой крови более соответствовал ожиданиям подданных, хотя Долгорукие и принадлежали к младшей и сильно разросшейся ветви княжеского дома Оболенских.

Толковали, что невеста пришлась Михаилу не по нраву, но он подчинился матери, «аще и не хотя, но матери не преслушав».

В июне 1623 года Мария была наречена царской невестой, в сентябре был свадебный пир.

Принадлежа к иноческому чину, Филарет не мог сидеть на свадьбе «в отца место» и уступил место брату Ивану Романову. Роль тысяцкого исполнял князь Иван Черкасский. В дружках у царя были князья Дмитрий Черкасский и Дмитрий Пожарский, у невесты — Михаил Шеин и князь Роман Пожарский. Главными свахами у государя были жена Дмитрия Черкасского и жена окольничего Данилы Долгорукова, со стороны невесты — жена Михаила Шеина и жена Романа Пожарского.

Герои освободительного движения — Пожарские, Шеины, Черкасские — первенствовали на торжестве. Зато из многочисленных князей Долгоруких на свадьбу были приглашены совсем немногие.

На пиру «царицына выходу и чину в те дни не было», так как она занемогла. В январе 1624 года царица умерла. Тотчас заговорили о том, что государыню Марию Владимировну испортили «зверообразные человеки», не хотевшие «в послушании пребывать» у своего государя, а желали «своевольны быть». Кто именно имелся в виду, неясно.

Прошло еще два года, и родители вновь взялись за устройство семейной жизни сына. На этот раз выбор был сделан не старицей Марфой, а самим женихом. Видимо, чтобы отстранить старицу Марфу, решено было провести смотрины наподобие тех, которые проводил Грозный. Предание о смотринах не поддается проверке.

Михаилу приглянулась дочь ничем не примечательного сына боярского Лукьяна Степановича Стрешнева Евдокия. Лишь один из Стрешневых был записан в Тетради Дворовой Ивана Грозного, а значит, семья происходила из уездных детей боярских, не входивших в Государев двор. Только за особые заслуги единственный из Стрешневых получил от Лжедмитрия I чин думного дьяка, а затем думного дворянина. В думе он сидел недолго.

Чтобы не испытывать судьбу, Евдокию 2 февраля 1626 года ввели в царские хоромы и нарекли царицей, а через три дня отпраздновали свадьбу.

Главными лицами на новой свадьбе были те же люди, что и на свадьбе Долгоруковой, — «в отца место» Иван Романов, тысяцкий князь Иван Черкасский, дружки князь Дмитрий Черкасский, князья Пожарские, Михаил Шеин. Боярин Федор Шереметев стал молодым постель.

Свадьбу отпраздновали с большой пышностью. Но роскошь костюмов и парчовых дорожек не могла скрыть досадных признаков оскудения царства и казны. От былых царских сокровищ остались воспоминания. По обычаю молодых осыпали золотыми деньгами из золотой мисы. Согласно свадебной росписи, на мису царя Михаила положили всего девять золотых угорских да восемнадцать «пенезей» — мелких серебряных монеток с позолотой.

Став царицей, Евдокия Лукьяновна попала под опеку и надзор старицы Марфы. Свекровь определила к невестке своего духовника и назначила дьяка для ведения ее дел. Когда в царской семье появились дети, великая государыня сама выбирала для них боярынь-мамок.

С некоторых пор здоровье Марфы ухудшилось. С ней случались припадки. Старица искала спасения в молитвах. Ее поездки по монастырям участились. Великая государыня требовала, чтобы ее сопровождала царская чета. На обычные богомолья она брала с собой царицу Евдокию.

Михаил отличался благочестием и охотно сопровождал мать. 27 января 1631 года Марфа скоротостижно умерла.

Евдокия родила несколько девочек, что повергло семью в уныние. Наконец на свет появился наследник, которого нарекли Алексеем. Всего царица произвела на свет трех сыновей. Но двое из них умерли в детстве. Потомство Михаила было столь же нежизнестойким, как и потомство его отца Филарета.

Наследника крестили в Чудовом монастыре в Кремле. Филарет благословил внука крестом с частицей животворящего древа и зубом святого царевича Дмитрия. Царь Михаил преподнес золотой крест с частью Ризы Христовой. В течение нескольких месяцев во дворец везли дары от духовных лиц, купцов и разных чинов людей.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Правление Филарета подходило к концу. Астраханский архиепископ так описывал дела и внешность патриарха: «Сей же убо Филарет патриарх Московский и всеа Русии возрасту и сану был средняго, божественныя писания отчасти разумел, нравом опалчив и мнителен, ...до духовнаго же чину милостив был и не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел, а в грамотах и в челобитных писали имя его с вичем».

При Филарете положение новой династии упрочилось, и Земские соборы утратили прежнее значение. На соборы приглашали отобранных властями лиц. Им монарх объявлял свою волю и выслушивал верноподданнические «челобитья» (ответы). Вскоре власти вовсе перестали созывать соборы. Однако новый кризис, потрясший государство в результате войны с Речью Посполитой, привел к возрождению соборной практики. Современники чутко уловили эту перемену. В 1634 году знатный дворянин И.А. Бутурлин предложил создать в Москве постоянный орган из выборных от «московских служилых нарочитых (лучших) людей» и провинциальных детей боярских, а также от населения городов, которые жили бы в Москве и докладывали «государю правду, про всякое дурно (преступления) и про обиды от всяких людей». Состав собора предполагалось периодически менять. Проект Бутурлина не был осуществлен.

Летом 1641 года провинциальные дворяне, собравшиеся в Москве на военный смотр, потребовали, чтобы власти помогли им, «бедным». Не добившись желаемого, они с «великим шумом» ворвались в царский дворец и подали челобитье (жалобу) «о всяких своих нуждах и обидах». В январе 1642 года царь Михаил собрал Земский собор с участием «выборных» из городов. Дворяне вновь использовали собор для жалоб на свою «бедность».

Смута запутала поземельные отношения. Соблюдение законов было скорее исключением из правил, а не правилом в

годы Смуты. Уже после смерти Филарета Поместный приказ собрал спорные, невершенные дела и на их основе составил 12 вопросов от имени царя к думе. Так возникло своего рода «Уложение о поместьях» 1636 года.

Первый вопрос, заданный царем Михаилом, касался обмена поместных и вотчинных земель. Знать и дворяне меняют свои выслуженные и купленные земли на поместные. Можно ли расписывать те вотчины на поместные земли? — гласил царский вопрос. Под видом обмена дворяне стремились закрепить за собой на вотчинном праве лучшие поместные земли. Дума приговорила «тем людям отказывать», иначе говоря, запретила сделки такого рода. Царь Михаил утвердил боярский приговор.

Основная тенденция закона сводилась к тому, чтобы предотвратить расхищение поместного фонда земель, бывшего основой всей московской служилой системы. Закон затрагивал интересы дворянской верхушки и не затрагивал основную массу уездного дворянства. В самом деле, для подавляющего большинства мелких дворян поместье было единственным источником доходов. О выслуженных и купленных вотчинах и их обмене на поместья им не приходилось думать.

Второй вопрос относился к подмосковным землям. Законно ли то, что бояре и дворяне покупали «порозжие» земли, «а иные покупали подмосковные свои поместья» и отказывали их женам и детям.

Что касается подмосковных деревенек, они имели для службы особое значение. В середине XVI века власти объявили о наделении подмосковными поместьями «тысячи лучших слуг» из состава Государева двора. Чтобы вызвать слугу из дальних городов, требовались месяцы. Живя под Москвой, дворянин всегда был под рукой, готовый выполнить военные, дипломатические или административные поручения.

Практика продажи «порозжих» поместных земель вела свое начало от Грозного. Но покупка собственных подмосковных поместий была противозаконна.

Бояре ответили на царский вопрос с обезоруживающей откровенностью. Пусть решает государь, а им, боярам, «о том приговаривать не мочно, потому что за ними за самими такие вотчины». Покаяние бояр принесло плоды. Царь Михаил не велел отбирать купленные подмосковные поместья. Закон не затрагивал массу служилого уездного дворянства.

Уложение несколько расширило права помещиков на распоряжение земель, выделение приданого за дочерьми и пр. Однако, каким бы ни был процесс сближения вотчины (частной собственности) с поместьем (условным владением), принципиальные различия сохранялись в XVII веке.

Казна тратила много средств, чтобы поддержать военно-служилую поместную систему. Но процесс дробления владений подрывал как вотчинное, так и поместное землевладение. Смута сопровождалась запустением большей части поместного фонда.

В середине XVI века на одно поместье в Новгородской земле приходилось в среднем 20—25 дворов, тогда как через сто лет — всего 6 дворов. Конечным итогом развития поместья в Новгороде за полтора века было то, что число мелких и мельчайших землевладельцев тут выросло более чем вдвое.

При Грозном помещик должен был выставить воина «на коне и в доспехе полном» с каждых ста четвертей пашни — «доброй и угодной земли». При царе Михаиле число боевых холопов определялось не размерами пашни, а количеством крестьян в поместье. С каждых 15 крестьян числили одного боевого слугу. В своих челобитных грамотах дворяне писали, что они могут нести полковую службу в коннице «без государева жалованья» при наличии по крайней мере 50 крестьян.

До Смуты помещики средней руки могли вывести в поле одного-двух воинов, после Смуты — ни одного. Оскудевшие помещики уклонялись от явки на смотры и в походы, обнаруживались «в нетях», покидали опустевшие поместья. Некоторые, не желая «государевы службы служить и бедности терпеть», запродавались в холопы к знатым боярам.

К 1636 году службу в пехоте (преимущественно в гарнизонах) несли 11 000 детей боярских «с пищалью», тогда как в конных полках числилось 12 800 дворян и детей боярских.

Гражданская война имела следствием упадок дворянского ополчения, сопровождавшийся сокращением его численности и понижением боеспособности. Поместной коннице трудно было выдержать столкновение с хорошо обученными наемными армиями. Поиски средств, которые позволили бы превратить обнищавших помещиков в боеспособную силу, неизбежно толкали правительство на путь реорганизации армии.

Пока в стране царила разруха и продолжалась война, о реформах не приходилось думать. Но война закончилась, и ситуация изменилась. Патриарх и его окружение были преисполнены решимости вернуть России Смоленск и другие утраченные пограничные земли. Срок перемирия с Речью Посполитой истекал. И Москва стала готовиться к возобновлению военных действий против поляков.

Романовы достаточно прочно сидели на троне и не боялись нарушить местнические традиции. На пост главнокомандующего был назначен боярин Михаил Шеин. Он был героем обороны Смоленска, а главное, пользовался полным доверием Филарета.

Шеин провел в польском плену многие годы вместе с Филаретом. Оба имели возможность познакомиться с воинскими порядками Польши. Боярин Шеин, конечно же, был озабочен состоянием армии, с которой ему предстояло сразиться с поляками. Более чем вероятно, что он принадлежал к кругу бояр, предложивших нововведения. Проводниками их замыслов были дьяки Разрядного и Иноземского приказов. Подле реформаторов появились иностранные советники в лице старшего полковника рыцаря Александра Лесли и подполковника Индрка ван Дама.

Контингент «немцев», служивших царю, значительно увеличился во второй четверти XVII века. Иноземцы жили отдельными дворами в Немецкой слободе на Кокуе, в Немец-

кой слободе в Огородниках, в «иноземной слободе за старым Деревянным городом».

Первоначальный замысел реформы сводился к тому, чтобы использовать знания и опыт московских «немцев» для обучения русских ратников.

Уже в 1630—1631 годах московские власти провели набор беспоместных детей боярских по городам и повелели «быти им в ратном ученьи на Москве у двух немецких полковников, у Александра Лесли и да у Франца Пецнера с московскими немцы, по тысячи человек у полковника».

Война надвигалась, и недостаточность предпринятых мер стала очевидна.

Решено было отправить специальных эмиссаров в Западную Европу, чтобы ускорить реформу.

Для набора иностранных офицеров и «добрых ученых салдатов», а также для закупки оружия за рубеж были отправлены в начале 1631 года Индрк ван Дам и Александр Лесли.

Благодаря Морицу Оранскому Голландия превратилась в образцовую военную державу. Ее школа воинского искусства была признана лучшей в Европе. Голландец ван Дам должен был набрать в Голландии и германских городах полк численностью в 1600 человек.

Александр Лесли выехал с той же целью в Швецию. Он получил наказ «наймовать ратных людей, добрых и верных, а французжан и иных папешские веры не наймовати».

Эмиссары царя получили приказ не принимать на царскую службу католиков и предпочитать протестантов. Московские власти не забыли о том, что именно измена «папешников» — французских наемников повлекла за собой гибель русской армии под Клушино.

Лесли предписано было набрать в Швеции «охочих салдатов пеших пяти тысяч». Ему удалось набрать более 4600 солдат. Стольнику Племянникову поручено было закупить в Швеции 10 000 мушкетов с зарядами и 5000 шпаг.

На Пушечном дворе в Москве работал голландец Коейт. В помощь ему «к пушечному новому делу» надлежало набрать мастеров, умевших лить железные ядра.

В итоге реформы в России появились полки иноземного строя. Четыре «немецких» полка были укомплектованы солдатами, нанятыми за рубежом, и шесть полков — русскими людьми. Полки были вооружены мушкетами, пиками и шпагами и снабжены артиллерией.

В русских полках иноземного строя служили иностранные офицеры. Им поставлена была задача подготовить «ученых салдат» — обучить русских правилам боя, соответствовавшим военной науке в Западной Европе. Но этим дело не ограничивалось.

Власти внесли перемены в способ комплектования полков. Вместо старого способа — принудительных наборов на основе государственной повинности — надлежало ввести принцип свободного найма «охочих» людей — добровольцев. Для службы в солдатах, драгунах и рейтарах предполагалось нанять беспоместных детей боярских, казаков и всяких вольных людей. Повсюду в городах было объявлено, что «охочим» людям, желающим поступить в полки, будет положено денежное жалованье — наем, им предоставят оружие и снаряжение.

Необходимое число ратников для полков набрать не удалось, и власти объявили о принудительном наборе «даточных людей» из крестьянского населения на землях дворян, не несших службу, и с монастырских владений.

Численность русских вооруженных сил значительно увеличилась. По смете военную службу на 1628 год несли 59 000 ратников, а на 1636 год — 89 000 человек, включая все рода войск. Численность дворянской конницы выросла в два раза.

Казна обеспечивала дворян землями, стрельцов — деньгами и хлебом. Население должно было платить особый налог — «стрелецкие деньги». В XVII веке этот налог стал одним из основных и самым тяжелым для населения. В годы Смуты Романовы усвоили, что прочность династии зависит от преданности стрельцов, стоявших гарнизоном в Москве и несших охрану Кремля. Новая династия поспешила воз-

родить стрелецкое войско. Царь и патриарх постоянно оказывали милость стрельцам, принимали их командиров во дворце, выделяли их наградами.

ОСКОРБЛЕНИЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Сохранилось дело «о неправдах и непригожих речах» новгородского митрополита Киприана. Митрополит был вторым после патриарха иерархом. Боярин князь Ю.Я. Сулешев, один из старших бояр думы, дрожал при одном упоминании о том, как митрополит в беседе с ним «сбрентил» о патриархе Филарете. Князь боялся опалы за то, что не донес на крамольника.

Бояре далеко не всегда соблюдали придворный этикет и в глаза дерзили великим государям. В 1631 году бывший член Семибоярщины и родня Романовых князь Борис Лыков отказался принять назначение под команду Дмитрия Черкасского и непочтительно обращался с патриархом в соборе: «говорил в соборной церкви ему, государю, такие слова, что всякий человек, кто боится Бога и помнит крестное целование, такие слова говорить не станет... а как службе время дошло, и он для своей бездельной гордости и упрямству и не прямой службы» отказался идти в поход с Черкасским.

С 1620-х годов в судебной практике возникло понятие «Слово и дело государево», объединившее розыскные дела по политическим преступлениям, включая покушение на честь и жизнь монарха и членов его семьи. Объявление «слова и дела» было равнозначно обращению в суд высшей инстанции. В глазах народа государь был блюстителем высшей справедливости, и простой люд искал у престола управы на прикрасителей.

Сохранились сотни челобитных грамот с объявлением «слова и дела» вместе с решениями судей. В 1626 году посадский человек Репкин из Ростова, напившись, хвастал, что

он «в Ростове не боится никого, да на Москве он государю укажет». За это он был бит кнутом и посажен в тюрьму. Годом ранее попал под стражу человек, накануне царской свадьбы толковавший, что «государю нельзя жениться, тушинский де вор, который называется царевичем Дмитрием, жив». Стрелецкий голова в 1634 году был сослан в Сибирь за то, что хвалил за ужином не царя, а литовского короля «во всем: как де против такого великого монарха стоять и биться». Гонению подвергались приказные люди, допустившие «прописку государева именованья» — ошибку в написании полного государева титула.

Поначалу писцы старательно, дважды и трижды, повторяли крамольные слова обвиняемых. Но потом появилась универсальная формула «за непригожие речи». По большей части крамольники непочтительно отзывались о царе, будучи пьяными. Это обстоятельство сами власти отмечали неоднократно.

Розыск вели с применением самых жестоких пыток. За неосторожные слова наказывали не менее жестоко, чем за мятеж и измену.

Непочтительное отношение со стороны княжеской знати воспринималось Романовыми особенно болезненно. Им было доподлинно известно, что не только «великие» боярские роды, но и менее родовитые из князей смотрят свысока на новую династию.

Любопытно судное дело князей Шаховских-Ярославских. Князья давно выбыли из думы, и лишь служба самозванцам позволила им сделать карьеру. Князь Григорий Шаховской был при Лжедмитрии II конюшим боярином, а Филарет — патриархом.

В 1620 году царь Михаил получил донос на князей Афанасия, Андрея, Ивана и Матвея Шаховских. Они «затейным воровским обычаем» величали князя Матвея царем, а себя — его боярами. Пирушка закончилась трагически. Крамольников судили и приговорили к смерти. В последний момент казнь была отменена, а виновные сосланы на восточную окраину.

Известный писатель князь Семен Шаховской вовремя не донес на своих родственников и за укрывательство подвергся опале. В 1622 году его сослали в Тобольск. Вскоре же его вернули в Москву, но лишь для того, чтобы заточить в Чудов монастырь. В 1628 году князь Семен попал в Енисейск, в 1631 году — в Тобольск. В августе 1632 года его вернули в столицу, но в 1639 году вновь отправили в Сибирь.

Про Филарета говорили, что он был «нравом опальчив», мнителен, и даже сам царь боялся его. Невзирая на строгое соблюдение придворного этикета, Михаил жил в полном послушании у родителей.

СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА

Возрождение страны при Михаиле Романове протекало медленно и трудно. Понадобилось более полувека, чтобы восстановить сельское хозяйство, вернуться к тому уровню, который был достигнут при Грозном. В Смуту свыше половины крестьянской пашни оказалась заброшенной и поросла лесом.

Поток беженцев устремился на окраины и в Сибирь. Границы Русского государства отодвинулись далеко на восток. Но на западе оно так и не вернуло себе земли, утраченные в Смутное время. Возвращение Смоленска стало главной внешнеполитической целью Романовых.

Россия вступила в борьбу с Речью Посполитой в разгар Тридцатилетней войны. Европа оказалась расколотой надвое: союзу католических государств противостояли Франция, Дания и Швеция.

Россия и Швеция разработали тайный проект договора о военном союзе и совместных действиях против Польши. Согласно проекту, шведский король Густав Адольф должен был получить польскую королевскую корону, а территория Речи

Посполитой поделена между Швецией и Россией. При этом Москва претендовала, помимо Смоленска, также на Полоцк и Киев. В обстановке войны шведы нуждались в поставках хлеба из России. Москва удовлетворила просьбу короля и с 1629 года освободила от уплаты пошлин хлеб, поставлявшийся Швеции.

Со смертью Сигизмунда III в Польше наступило бескорольевье. К тому времени срок русско-польского перемирия истек. При таких обстоятельствах Филарет настоял на объявлении войны полякам.

Поначалу командовать армией поручено было князю Дмитрию Черкасскому и одному из старших бояр думы, бывшему члену Семибоярщины князю Борису Лыкову. Но Лыков отказался принять командование, ссылаясь на почтенный возраст. Не желая поступиться честью, он затеял местнический спор с князем Дмитрием Черкасским. Тогда власти приняли решениеверить командование Михаилу Шеину и Дмитрию Пожарскому, самым известным из героев освободительной войны.

Царь Михаил не послал Пожарского на освобождение Смоленска, когда вступил на трон. С тех пор прошло пятнадцать лет. Пожарскому минуло пятьдесят лет, и он был удручен старым недугом. Приступы «черной немочи» следовали один за другим. Тщательно взвесив свои силы, князь отказался от заманчивого предложения.

Желая оградить Шеина от местнических тяжб, царь Михаил назначил в помощники к нему двух окольничих. Поход главных сил без старших бояр был необычен для России.

Воеводы замешкались с выступлением. Много месяцев ушло на сбор войска. Тем не менее военные действия против Речи Посполитой развивались поначалу успешно. Опираясь на поддержку населения, царские воеводы освободили Новгород Северский, Дорогобуж, Белую.

В декабре 1632 года армия Шеина вплотную придвинулась к стенам Смоленска. С наступлением весны русские приступили к методическому обстрелу крепости, в первые летние дни предприняли общий штурм. Войскам не удалось

прорвать мощную линию укреплений города. Они отступили, понеся большие потери.

Тем временем произошли события, которых никто не мог предвидеть. В битве под Лютценом шведы нанесли большие потери австрийской армии, но лишились своего вождя. Со смертью короля Густава Адольфа русско-шведский военный союз рухнул.

В Польше бескорольеве продолжалось недолго. На престол вступил королевич Владислав. Не опасаясь вторжения с запада, Речь Посполитая направила все свои силы под Смоленск.

Михаил и Филарет рассчитывали на поддержку Швеции и Османской империи. Но вышло так, что России пришлось вести войну разом с Крымом и Речью Посполитой.

В 1632 году Крым предпринял крупное вторжение на Русь. Московскому командованию пришлось на полгода отложить наступление главных сил на Смоленск. В июле 1633 года до двадцати тысяч татар прорвали русскую оборону на Оке, вышли к Серпухову, а оттуда двинулись мимо Каширы к Рязани. Королевская дипломатия одержала крупную победу. Литовский канцлер Радзивилл писал в те дни: «Не спору, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политикѣ вышло это очень хорошо».

Русские власти опасались, что от Рязани крымцы повернут к Москве. В столице было введено осадное положение. Дьяки произвели перепись дворов и расписали посадских людей по крепостным стенам.

Положение усугублялось тем, что в Москве, как писал А. Олеарий, началось поветрие и эпидемия чумы, долго не стихавшая.

Орда связала московские силы в самый трудный момент смоленской войны. 25 августа к Смоленску подошла армия короля Владислава, насчитывавшая 23 000 человек.

Шейн блокировал Смоленск, придвинув полк Прозоровского вплотную к крепости, на Покровскую гору. Основные силы армии располагались поодаль, в укрепленном лагере. Разделение сил таило в себе опасность. Поляки имели воз-

можность произвести вылазку из крепости и одновременно ударить по отряду Прозоровского с тыла и разгромить его.

Шеин, получив разрешение из Москвы, приказал воеводе покинуть Покровскую гору и отступить в острожек. Поляки разорвали осадное кольцо русских, а затем блокировали армию Шеина в его лагере.

Воевода тщетно зывал о подкреплениях. Его собственные силы быстро таяли. Многомесячная осада утомила войска. Осенью в непогоду и туман служилые люди толпами покидали лагерь. Жалобы сменились воплем. «Рать твоя, государь, разбежалась!» — писал Шеин в очередном донесении в Москву. Дворяне южных уездов спешили вернуться в разоренные поместья, чтобы спасти то, что уцелело после татарского набега.

18 ноября 1633 года Боярская дума отдала приказ о формировании новой армии для помощи Шеину. Во главе рати были поставлены бояре князя Дмитрий Черкасский и Дмитрий Пожарский.

Попав в окружение, рать Шеина израсходовала продовольствие. Ее силы подрывали голод и эпидемии. К началу 1634 года в лагере было никак не менее двух тысяч больных. Войско быстро теряло боеспособность. Пока жив был Филарет, воевода пользовался прочной поддержкой в московских верхах. Со смертью патриарха в столице подняли голову недоброжелатели Шеина.

Сбор сил затянулся. Подкрепления, обещанные царем и думой, не трогались с места, хотя и находились в Вязьме. Шеину и его помощникам пришлось самим позаботиться о спасении армии от распада. Любые отсрочки были чреваты гибельными последствиями. Чтобы вывести армию из кольца окружения, надо было договориться с Владиславом. Иноземные офицеры поддержали решение Шеина. Они, как говорили в то время, высказались за отвод армии от стен Смоленска.

После совещания царские воеводы признали свое поражение и обратились к королю с предложением о перемирии.

Продолжавшаяся более года осада Смоленска ослабила не только царские полки, но и польский гарнизон крепости. Королевская рать терпела зимнюю стужу и голод. После годичной осады Смоленска вся округа была разорена воинскими людьми. При таких обстоятельствах поляки сами искали возможность прекратить войну. В конце концов Владислав согласился приостановить боевые действия и выпустить русскую армию из окружения, но выдвинул жесткие условия. У Шеина не было выбора, и он согласился принять эти условия.

16 февраля 1634 года Шеин и его помощники подписали капитуляцию. Каждый день промедления грозил окруженной армии гибелью. Обещанные подкрепления стояли в Вязьме и не оказали никакой помощи Шеину. Воевода не стал тратить время на посылку гонца к царю и думе за получением разрешения на капитуляцию. Можно было ждать, что Михаил вновь пообещает помощь и прикажет держаться до последнего. Следствия такого приказа могли быть катастрофическими. И Шеин и его помощники приняли всю ответственность на себя. Царским воеводам удалось выговорить почетные для русских условия капитуляции.

Русские воины отступили из осадного лагеря, сохранив мушкеты и холодное оружие. Вся артиллерия и лагерное имущество достались неприятелю. Но армия была спасена. При воеводе Шеине осталось до восьми-девяти тысяч дворян и ратников. Полки покинули лагерь со свернутыми знаменами, в полной тишине, без барабанного боя. Поравнявшись с возвышением, на котором стоял Владислав со своими офицерами, ратники сложили знамена к его ногам, и лишь получив разрешение, подняли стяги с земли. Воеводы сошли с лошадей и ударили челом бывшему московскому царю.

Весть о капитуляции ошеломила Москву. Голоса сторонников войны смолкли. Царь Михаил «с бояры» приговорили послать «о мире» к королю. Посольство к Владиславу возглавил боярин Федор Шереметев.

Поляки были превосходно осведомлены о русских делах и во время переговоров заявили: «Знаем мы подлинно, что

война началась от патриарха Филарета Никитича, он ее начал и всех вас благословил».

Польские дипломаты предлагали русским дополнить текст договора о вечном мире соглашением о личной унии двух государств в будущем. Памятуя о Смуте, московские послы отклонили это предложение.

3 июня 1634 года между Россией и Речью Посполитой был подписан Поляновский мирный договор. Русские вывели свои войска из занятых ими пограничных городов, за исключением Серпейска. Россия вынуждена была признать захваты и согласиться на границы, установленные по Деулинскому перемирию 1618 года. Москва согласилась уплатить королю секретную контрибуцию в размере 20 000 рублей. В свою очередь, Владислав отказался от титула царя Московского и отослал в Москву утвержденную грамоту об избрании на царский трон.

Королевские послы считали договор своей крупной дипломатической победой. В самом конце переговоров они предложили на месте, где такое великое и славное дело свершилось — был заключен мирный договор, насыпать два больших кургана и поставить два каменных столпа и на тех столпах написать государские имена. Московские послы отвечали, что в Московском государстве «таких обычаев не повелось и делать этого не для чего».

В самой Москве власти затеяли розыск о причинах катастрофы под Смоленском. Простейшее объяснение сводилось к тому, что виновниками разгрома были Шеин и другие изменники. Для суда над ними была образована авторитетная боярская судная комиссия. В нее вошли бояре князя Иван Шуйский и Андрей Хилков-Стародубский, окольничий Василий Стрешнев.

Будучи в плену в Литве, боярин Шеин присягнул на верность Сигизмунду III и его сыну Владиславу «на всей их воле». Прошло пятнадцать лет, и дума объявила, будто воевода целовал крест королю тайно и не известил о том царя Михаила. При осаде Смоленска Шеин якобы остался верен присяге царю Владиславу, «во всем ему (королю) радел и

добра хотел, а государю изменял». Подобного рода обвинения были легковесными. Боярин вел себя в точности как Филарет Романов. Он разыграл роль верноподданного царя Владислава и тем спас себе жизнь. Когда Шеин вместе с отцом царя вернулся из Польши в Москву, ему не было надобности оправдывать свое поведение в плену.

Главной провинностью Шеина и его помощников воевод было признано их самостоятельное решение о капитуляции; «вы, — значилось в «обвинительной сказке», — мимо государева указа, изменою и самовольством королю крест целовали, наряд и всякие запасы отдали», выдали на расправу польских перебежчиков и русских лазутчиков, ходивших в королевский лагерь за вестями.

Поляки соглашались оставить воеводе двенадцать легких полковых орудий. Боярин не взял пушек. Как пояснили сами поляки в ходе последующих мирных переговоров, Шеин одарил ими литовского канцлера. Этот жест должен был показать противнику, что у России осталось еще много пушек. В Москве этот эпизод сочтен был веским доказательством измены.

На суде Шеину припомнили случай, происшедший до выступления воеводы под Смоленск в 1632 году. На отпуске во дворце Шеин напомнил думе о своих службах отечеству в те времена, когда одни воеводы, истекая кровью, обороняли Смоленск, а другие сидели за печью. В 1632 году бояре промолчали, опасаясь вызвать гнев Филарета. Но после поражения под Смоленском ему вменили в вину надменную речь.

К моменту суда старшие из членов Семибоярщины сошли со сцены. Однако в думе продолжали заседать Иван Романов, Федор Шереметев, князь Борис Лыков. Они несли полную ответственность за деяния боярского правительства. Слова Шеина оскорбили их, но и не только их. Стольник Михаил Романов находился при дяде Иване Никитиче в подчинении Семибоярщины. Великий государь ни разу не вышел с оружием на поле брани, чтобы защитить православное царство.

Конфликт Шеина с Боярской думой приобрел резкие формы еще в то время, когда воевода находился в осадном лагере. Одержимые завистью, повествует автор Хронографа, бояре стали клеветать на Шеина, о чем ему стало известно. Оправдываясь, он начал «грубо отписывать» на Москву, ему отвечали «с осуждением да с опалой».

Дело затрагивало особу царя. «Если бы государь возложил упование на вседержателя Бога, — записал молву автор Хронографа, — и пошел сам, то успел бы в деле»; но «государь не изволил на поляков идти, потому что был муж милостивый, кроткий, крови нежелательный».

Во время суда над Шеиным был арестован служивший ему сын боярский Любим Ананьев. Его обвинили как шиша или лазутчика боярина. Любим ссорил воеводу со многими знатными людьми. Лазутчика били кнутом и сослали в тюрьму в Сибирь.

Боярский суд признал вину Шеина доказанной и приговорил его вместе с сыном Иваном к смертной казни. Сын должен был ответить за мнимое предательство отца.

Двое старших воевод князь Семен Прозоровский и князь Михаил Белосельский, не сумевшие защитить передовые позиции на Покровской горе, были также приговорены к смерти. Но кара была смягчена. Как значилось в приговоре, ратные люди из осадных полков заверили царя, что Прозоровский радел о службе, а Белосельский болел, из-за чего казнь была заменена им ссылкой в Сибирь.

Характерно, что полковые дворяне не заступились за Шеина и Измайловых. Шеин был человеком крутого нрава, добивался своих целей, не считаясь с потерями, строго наказывал тех, кто нарушал его приказы. Во время приступа воевода велел продолжать обстрел стен Смоленска из орудий, невзирая на потери среди своих. Для сбора кормов Шеин выделил себе богатые волости, и ратников, которые пытались собрать там продовольствие для себя, боярин велел сечь плетью.

Как и Шеин, окольный Артемий Измайлов был обвинен в том, что подписал капитуляцию без приказа на то го-

сударя. Вместе с ним ответ держали двое его сыновей. Одному из них — Василию — вычитаны были следующие вины перед казнью: «Ты, Василий, будучи под Смоленском, воровал, государю изменял больше всех, съезжался с литовскими людьми, Захаром Заруцким и Медеянским и с государевыми изменниками, Юшкою Потемкиным, Ивашкою Мещериновым и другими, к себе их в стан призывал, с ними пировал, потчевал и дарил, и от них подарки с братом своим Семеном принимал, ночевать их у себя унимал, они у тебя были и ночевали, а приезжали к тебе с своим кормом и питьем и провожали тебя до стану, и ты разговаривал с ними обо всем, что годно литовскому королю. Да ты же, Василий, будучи под Смоленском и из-под Смоленска пришедши в Можайск, хвалил литовского короля, говорил: «Как против такого великого государя монарха нашему московскому плюгавству биться? Каков был царь Иван, и тот против литовского короля сабли своей не вынимал и с литовским королем не бивался».

В конце Ливонской войны Россия была разорена дотла, и Грозный действительно избегал сражений с Баторием. Однако упоминание о «московском плюгавстве» оскорбило думу.

Измайловы многим были обязаны покровительству Филарета. Но как и многие другие дворяне, они осуждали крутого и властного патриарха за беспрестанное вмешательство в мирские дела. В судном деле значилось: «Да ты же, Василий, услыша о смерти великого государя патриарха Филарета Никитича, говорил много воровских непригожих слов, чего и написать нельзя».

Сыну Измайлова Семену вменили в вину то, что он под Смоленском «воровал, с литовскими людьми съезжался, говорил многие непригожие слова и литовских людей дарил».

Брат Артемия Тимофей служил в Казенном приказе. Его отставили от казны и сослали с семьей в Казань «для измены брата».

Казнь как наказание за проигранную битву противоречила многовековым традициям России. Никогда на Руси не-

удачливым воеводам не секли голов. Но для Шеина и Измайлова бояре сделали исключение. Палач обезглавил их за городом «на пожаре». Вместе с ними был казнен Василий Измайлов. Семен Измайлов был сослан в Сибирь.

Сын Шеина избежал смертной казни благодаря ходатайству со стороны царицы и ее детей. Во власти царя Михаила было помиловать Шеина и Измайлова, по крайней мере за их прошлые заслуги. Но он отдал приказ о казни и тем запятнал себя кровью.

Какими бы ни были личные обиды государя или бояр, дело было не в них. Борьба за власть, развернувшаяся после смерти Филарета, была безжалостной и кровавой. Окружение Филарета должно было уступить место ближним боярам Михаила, давно ждавшим своего часа.

Для смены руководства Филарет использовал дело о царской невесте, Михаил для тех же целей использовал поражение.

При втором «воцарении» Михаил Федорович раздал больше думных чинов, чем при первом. Уже 6 января 1634 года в бояре был произведен Борис Иванович Морозов, дядька наследника царевича Алексея. Чин окольничего получил Василий Стрешнев. 12 января 1634 года царь Михаил вернул титул боярина Борису Михайловичу Салтыкову-Морозову. Неделю ранее брат Бориса Михаил Михайлович вновь стал окольничим. 1 марта боярство было сказано Ивану Васильевичу Морозову и Лукьяну Стрешневу, тестю государя. Родня Михаила завоевала прочные позиции в Ближней думе государя.

Из названных лиц один Василий Стрешнев судил Шеина. Воевода Шеин принадлежал к роду Морозовых, а потому прочие Морозовы предпочли умыть руки и не участвовать в судилище.

Боярская дума, обезлюдевшая при Филарете, стала быстро расти. 2 февраля 1634 года в думу в боярском чине вошли князь Иван Андреевич Голицын и Иван Петрович Шереметев, позднее — князь Алексей Михайлович Львов. В июле титул окольничего получил князь Федор Волконский.

Со смертью Филарета время сильной власти минуло. Царю Михаилу пришлось пережить трудное время. После поражения, утверждали иностранные наблюдатели, России грозило восстание. Никто не забыл о падении династии Шуйских после военного поражения. Стремясь отвести угрозу, власти указали народу на виновников катастрофы.

Косвенно следствием волнений были многочисленные назначения в думу. Церковь лишилась властного пастыря. Утихомирить народ могла только полномочная Боярская дума, пользующаяся авторитетом у посадской общины Москвы.

Филарет был властным человеком, и его опека под конец стала тяготить царя Михаила. Это обстоятельство сыграло решающую роль при избрании преемника государя-патриарха.

По свидетельству автора Хронографа, царь Михаил, по благословению отца, поставил в патриархи псковского архиепископа Иоасафа, «потому что был дворовый сын боярский; нравом и жизнью он был добродетелен, но к царю не дерзновенен». Он с успехом служил в Государевом дворе, а затем снискал благосклонность царя на духовном поприще. Его главной чертой было послушание. Пастырь никогда не дерзал спорить с государем.

Столкновение с Польшей оказалось непосильным для России. Военное поражение под Смоленском и двукратное разорение татарами южных уездов породили повсеместное недовольство.

Война обнаружила военную слабость России. В 1637 году донские казаки захватили турецкую крепость Азов, а позднее, в 1641 году, обратились за помощью к царю в Москву. Русское правительство не решилось ввязаться в трудную и кровопролитную войну с Османской империей и отказало Войску Донскому в помощи. При обсуждении в думе выяснилось, что для обороны Азова от турок потребуется более 200 тысяч рублей, которых в казне не было. Тогда решено было созвать в столице собор. «Сказки», поданные властям участ-

никами собора — дворянами и купцами — рисовали удручающую картину разорения и обнищания страны. Не получив помощи из Москвы, казаки сдали Азов туркам.

Затевая войну с Речью Посполитой, московские власти возлагали большие надежды на вновь организованные полки иноземного строя, в особенности на полки, укомплектованные иноземными наемниками. Однако иноземцы не оправдали надежд. В дни решающих боев на Покровской горе у стен смоленской крепости часть иноземных наемных солдат из полка Маттисона перебежала к полякам. Раздоры между иностранными офицерами подрывали дисциплину. Старший из офицеров шотландец Лесли обвинил англичанина полковника Сандерсона в прямой измене и в присутствии Шеина собственноручно застрелил его. После капитуляции в «немецких» полках Шеина оставалось немногим более 2100 солдат, прочие «государю изменили, пошли к королю».

Полагаться на верность наемников не приходилось. Полковник Астон, один из высших офицеров, был осыпан милостями в Москве, а затем по просьбе его отпущен на родину в Англию. Вскоре же Астон послал сына на службу к королю Владиславу, и сын его «напрашивался у короля собирать ратных людей, чтоб идти на Московское государство».

Смерть Филарета и неудачный исход Смоленской войны привели к крутому повороту во внешней политике России. Война за возвращение утраченных пограничных земель была отложена на десятилетия. В свое время Лжедмитрий I поставил задачу овладения Азовом и выхода на Черное море. При Михаиле Романове Россия имела возможность получить Азов из рук казаков и занять свое место в антитурецкой лиге европейских стран. Но эта возможность была упущена.

Окружение царя Михаила предпочитало вести пассивную внешнюю политику. Это обстоятельство определило судьбу военной реформы. По возвращении из похода на Смоленск русские полки иноземного строя были расформированы. Солдаты, драгуны и рейтары распущены по домам, обучение прекращено. Попытка вооружить и обучить армию,

следуя европейскому образцу, не удалась. Царю Михаилу и реформаторам не доставало настойчивости и средств, чтобы довести до конца начатые преобразования.

САМОЗВАНЦЫ

Речь Посполитая поставила Москву на колени благодаря тому, что мощь России была подорвана гражданской войной. Смуту развязали самозванцы, в подготовке которых принимали участие польские власти и шляхта. Заключая перемирие с русскими послами в Деулино, король втайне лелеял мысль о том, что при определенных условиях удастся вновь разжечь междоусобицы на Руси.

Интрига с новыми самозванцами всплыла во время переговоров князя Алексея Львова с поляками в 1643 году. По пути в Варшаву послы останавливались в Брест-Литовске, где узнали о том, что в местном иезуитском монастыре лет 15 живет «вор» лет 30, «на спине у него между плечами ... герб, а сказывается Расстригин сын».

По-видимому, послы получили эти сведения от игумена Афанасия из Семеновского монастыря в Брест-Литовске. Игумен дал знать послу, что самозванец именует себя сыном царя «Дмитрия» и Марины Мнишек — «царевичем Иваном Дмитриевичем».

Посол Львов потребовал объяснений. Польские власти отвечали, что ничего не знают. Когда же русские пригрозили прекратить переговоры, королевские дворяне сказали им: если соглашения не будет, «то у нас Дмитриевич готов с запорожскими черкасами на войну».

Львов предъявил письмо «Дмитрия» к игумену Афанасию, писанное, как в нем значилось, у царевича на обеде, в его царевичевом жилище.

После многих запирательств поляки рассказали историю воскресшего «царевича». По словам коронного канцлера Ос-

солинского, самозванец был сыном шляхтича Лубы из Подляшья. Луба был убит на московской войне, а младенца сына подобрал и назвал царевичем шляхтич Белинский. Рассчитывая на награду, шляхтич представил его королю, когда мальчик подрос. Сигизмунд приказал отослать «царевича» к Гонсевскому, который отдал его учить грамоте и «велел его во всем покоить».

Иван Дмитриев сын Луба на допросе подтвердил показания канцлера и сообщил некоторые подробности. Белинский явил «царевича» королю и сейму «по совету шляхты». За Гонсевским на сцене появился Лев Сапега. Король и сенаторы отдали мальчика «на сбережение» Сапеге, положив ему содержание в 6000 злотых ежегодно.

Сапега определил претендента к игумену Афанасию в Семеновский монастырь в Брест-Литовске. В течение семи лет мальчик учился у игумена по-русски, по-польски и по-латыни.

На сцене появились давние покровители московских самозванцев. В мистификации вновь участвовали высшие лица Речи Посполитой. Плата шла из королевской казны.

Интрига с «царевичем» не имела завершения вследствие двух обстоятельств. Во-первых, Владислав сам получил титул царя Московского, и ему не нужен был соперник. Во-вторых, главный очаг мятежа — Северская Украина была захвачена королем.

Дело отложили в долгий ящик, чтобы извлечь его при первой надобности. Следствием было уменьшение жалования самозванцу до 100 злотых в год. Это жалование ему платили до заключения Поляновского мира.

Вынужденный зарабатывать себе на жизнь, «вор» поступил в писари к пану Осинскому. Последний показал, что писаря в шутку называют царевичем московским, но сам он так себя не титулует и показывает намерение постричься в монахи.

Иван Луба, по его словам, не раз обращался к Белинскому с вопросом, чей он сын в действительности. Шляхтич рассказал ему историю, слишком похожую на сказку. В Мос-

кве готовились повесить Маринкина сына Ивана Дмитриевича, и шляхтич задумал подменить «царевича», чтобы повесили сироту, сына шляхтича Лубы. Объяснения Белинского позволяют установить начальную дату интриги, время казни «воренка», сына Марины.

Поляки настаивали на том, что Луба никогда сам не называл себя «царевичем». В письме самозванца, попавшем в руки московитов, Иван именовал себя без титула «царевич», а подпись на письме была писана латиницей «Иван Фаустин Дмитриевич». Канцлер Оссолинский показал письмо Лубе, и тот признал свой почерк.

Вероятно, как и в случае со шкловским учителем Лжедмитрием II, Лубе его роль, видимо, была навязана. Поляки привезли в Москву и выдали Лубу русским, но посадили под арест игумена Афанасия. Спасая игумена, московские власти помиловали «вора» и вернули как польского шляхтича королевским послам.

Поездка в Москву убедила молодого человека в собственной значительности. Будучи отпущен на родину, он в Минске называл себя «царевичем», говорил, что его посылали в Москву для осведомления и сам царь признал его сыном «Дмитрия».

На этом история самозванцев не кончилась. Триумфальная встреча останков царя Василия в России произвела глубокое впечатление на Руси и за рубежом. Отзвуком, возможно, было появление в Польше еще одного «царевича», выдававшего себя за сына Василия Шуйского. Он объявился неподалеку от Самбора в январе 1639 года и жил с неделю у попа в работниках. Поп увидел на спине у него «герб, порусски пятно» и отвел к архимандриту, а тот переправил к подскарбию Даниловичу, которому «вор» открыл свое имя — царевич Семен Васильевич Шуйский. Доказательством царского происхождения было пятно на спине.

Семен утверждал, что попал в плен к казакам, когда его отца везли в плен в Польшу. Подскарбий объявил о «царевиче» шляхте, и вся Речь Посполитая якобы велела «вора» беречь, давать деньги на корм и на платье. Подскарбий оп-

ределил претендента в монастырь для научения русской грамоте и языку.

Смертельный враг царя Василия, король велел тайно умертвить пленника, чтобы не допустить возрождения его династии. Покровительствовать царевичу у него не было никаких оснований. В конце концов за ненадобностью власти прогнали самозванца со двора взашей.

Много позже другой самозванец принял имя Ивана Шуйского, но был выдан москвитам герцогом Голштинским и казнен.

КРЕПОСТНИЧЕСТВО

По мере того как страна преодолевала разруху, население возвращалось на старые, насиженные места, кто с окраин, кто из плена. В годы Смуты законы о холопах и беглых крестьянах не были отменены, но и не исполнялись. После Смуты холопы и крестьяне, возвращавшиеся домой, вновь попадали в зависимость от господ. Современники живо чувствовали опасность, связанную с возрождением крепостного режима в государстве. «людие же начаша оставшаяся собиратися в Руси по градом ...и начаша населятися; они же окаянии (господа), аки волцы тяжци восхитающе, емляху их к себе, понеже страх Божий преобидиша и забыша свое прежнее безвремение и наказание, что над ними Господь за их насильство сотвори, от своих раб разорени быша».

Безвременье сопровождалось разорением деревни. Раздача государственных и дворцовых земель дворянам, широко практиковавшаяся в начале царствования Михаила Романова, усугубила бедствие. Земли, ранее находившиеся в относительно благополучном состоянии, пришли в упадок. По мере разорения пашенных крестьян росла численность бобылей.

Опасаясь растерять оставшихся у них в имениях крестьян, дворяне, пережившие Смуту, избегали повышать крес-

тьянские оброки и увеличивать барщинные повинности. Царские подати были столь же разорительны для деревни, как и боярские оброки.

Низшее дворянство на протяжении длительного времени домогалось продления и даже отмены «урочных лет». В трудной ситуации царь Василий решился продлить срок сыска беглых крестьян до пятнадцати лет. Подобная мера, по мысли законодателя, должна была сплотить дворянство вокруг трона и положить конец гражданской войне. Расчеты царя Василия оправдались лишь отчасти, и Романовым следовало учесть урок.

В начале царствования Михаила бояре сохранили пятилетние «урочные годы». Исключение было сделано лишь для Троице-Сергиева монастыря. Братия обители отразила нападение войск Сапеги, а позже оказала неоценимую помощь земским ополчениям. Монастырь обеднел, его казна была полностью истощена. В силу боярского приговора 1614 года архимандрит и иноки получили право вернуть в свои вотчины всех крестьян, бежавших после 1 сентября 1604 года, иначе говоря, после начала гражданской войны. Сыск крестьян был поручен детям боярским, осуществлявшим сыск и возврат крестьян во владения Большого Дворца. К 1616 году срок «урочных лет» на землях монастыря достиг 12 лет, и тогда привилегия обители была ограничена. «Урочные годы» сокращены до девяти лет.

По возвращении в Москву Филарета последовали некоторые перемены в судебных делах о крестьянах. В своих челобитных дворяне обращали внимание на следующие непорядки: «А которых они беглых своих крестьян за кем проводят, а урочные лета тем их крестьяном не дойдут, и они в тех своих беглых крестьянех суда и указа добитца не могут, а которые и засудясь за судебным делом за вершением волочатца многое время, а бояре по сто двадцать осмой год в полате сидели, и им о своих обидах и всяких делах бити челом было не зборонно». В первые годы царствования Михаила компетенция Боярской думы чрезвычайно расширилась, и дворяне могли обращаться за решением спорных дел о крестьянах непосредственно в думную палату, к боярам. С 1619—1620

годов обращаться в думу было «заборонено» — запрещено, а дела о крестьянах, видимо, переданы в Судные приказы.

В начале 40-х годов дворяне просили монарха: «и государь бы их пожаловал, в тех обидах и в насильствах крестьянских велел свой государев указ учинить, а во всяких делах судить по Судебнику блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и за их за судными и за всякими спорными делы велел бы государь сидеть в палате бояром, а не в судных приказах». Ссылка на Судебник Грозного была сделана для важности, так как Судебник подтверждал давно отмененное право выхода крестьян в Юрьев день. Но дворяне считали выгодным для себя рассмотрение крестьянских дел в думе. Они пуще огня боялись приказных из Судных приказов.

В конце концов прошение дворян было удовлетворено. Государь указал, и бояре приговорили: «за нынешними за расправными и впредь за всякими, за земскими, за болшими за спорными делами, в которых спорных делах в приказах бояре и судьи указу не учинять, указал государь тех спорных дел слушати бояром, как было наперед сего при ево государьской державе и как было при прежних государех; а которых самых болших дел бояре не вершат, и о тех делах указал государь докладывати себя государя». Таким образом, были восстановлены порядки, существовавшие до приезда Филарета. И более того, царь приказал докладывать ему великие спорные дела, ограничивая тем самым полномочия Боярской думы.

Еще в 1637 году по случаю надвигавшейся войны с Османской империей в Москве был созван Земский собор. В феврале члены собора — дворяне замосковных и украинских городов подали царю челобитную с просьбой отменить «урочные годы». Дума отказалась исполнить требование дворян, но решено было распространить на всю страну льготу, полученную ранее Троице-Сергиевым монастырем. В 1637 году девятилетний срок сыска имел особый смысл.

Крестьян возвращали землевладельцам на основании писцовых книг Поместного приказа. Но архивы приказа были

полностью уничтожены страшным пожаром 1626 года. Сгоревшие книги были основной юридической документацией, подтверждавшей принадлежность крестьянина к имению, которое он не мог покинуть. Образовалась ситуация, грозившая поколебать устои неокрепшего крепостного строя. При отсутствии записи в писцовой книге землевладельцу трудно было вернуть в свое имение беглого крестьянина. Возникла необходимость в новом описании. Любое описание стоило казне и населению огромных денег. Но выхода не было. Бояре распорядились начать описание уездов. Составление новых писцовых книг отняло не менее трех лет. В 1637 году истекло девять лет со времени составления новых писцовых книг. В этом и заключался смысл девятилетних «урочных лет» царя Михаила.

В 1641 году в Москве ждали волнений. В народе прошла молва «о боярах, что бояром от земли быть побитым». Власти собрали в Москве поместное ополчение. Дворяне поспешили предъявить требования властям. Они «с большим шумом» вломились во дворец и вручили боярам челобитную «о великих своих нуждах и обидах». Грамоту подписали представители 44 городов. Челобитчики требовали от властей издания закона о бессрочном сыске крестьян.

Давление дворян вынудило царя Михаила и думу продлить «урочные годы» до 10 лет. Для крестьян, насильно сvezенных в другие имения, срок был продлен до 15 лет. Тем самым были частично возобновлены нормы, установленные Шуйским.

Дворяне настоятельно требовали проведения судебной реформы. В 1637 году они просили учредить выборных судей в городах: «вели, государь, выбрать в городех из дворян и из земских людей, и вели, государь, нас, холопей своих, судить в городех». Таким путем они хотели спастись от приказной волокиты и произвола.

Адам Олеарий дважды посетил Россию при царе Михаиле и имел возможность близко наблюдать российские порядки. По его словам, в России брать подарки воспрещено под страхом наказания кнутом, но втайне приказные берут

взятки; «особенно писцы охотно берут посулы, благодаря которым можно узнать и о самых секретных делах». В доказательство Олеарий ссылается на случай, происшедший с ним самим.

Взятки, поборы, приказная волокита были тяжелы для населения. С давних времен пошло выражение «остаться с носом». Что означала эта на первый взгляд бессмысленная фраза? Просители, которые не могли заплатить дьяку, оставались «с носом» (отвергнутым подношением—«носом»). Их дела откладывали в долгий ящик.

В 1628 году дворянин Иван Плещеев затеял тяжбу со Строгановым. Дьяк Ключарев стал на сторону купца. Плещеев немедленно обвинил Петра Строганова в сговоре с дьяком, подкупе и махинациях: «Петр де человек сильной, мочно ему и скупать, нынеча де и бояр скупают». Если истец преувеличил, то немного. Строганов принадлежал к числу богатейших людей и мог подкупить кого угодно. Фраза о «скупленных боярах» живо характеризует московскую судебную практику.

Сохранились любопытные наказания, характеризующие порядки судных приказов. Стольник Колонтаев предписывал слуге: «Сходить бы тебе к Петру Ильичу, и если Петр Ильич скажет, то идти тебе к дьяку Василию Сычину, пришедши к дьяку, в хоромы не входи, прежде разведай, весел ли дьяк, и тогда войди, побей челом крепко и грамотку отдай; примет дьяк грамотку прилежно, то дай ему три рубля да обещавай еще, а кур, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухе. За Прошкиным делом сходи к подьячему Степке Ремезову и попроси его, чтоб сделал, а к Кирилле Семенычу не ходи; тот проклятый Степка все себе в лапы забрал; от моего имени Степки не проси; я его, подлого вора, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денег, рыбы сушеной, да вина, а он, Степка, жадушая рожа и пьяная».

Наказ обнаруживает любопытную психологическую картину. Поднести дар значило оказать честь приказному. Ничего предосудительного в этом не видели.

Жалуясь на притеснения судей, служилые люди писали, что готовы «работать государю головами своими и всею душою», но «разорены пуще турецких и крымских басурманов московскою волокитою и от неправд и от несправедливых судов».

Численность населения в стране резко сократилась, а количество приказных умножилось. Жалобы побуждали задуматься над тем, как помешать разрастанию бюрократического аппарата. В 1640 году царь издал указ о запрещении принимать в подьячие людей пашенных и посадских всяких людей черных и торговых сотен, включая гостиные (купеческие), а также детей священников.

Искоренить лихоимство и взятки было делом трудным и невозможным. Приказные проявляли удивительную изобретательность по части поборов. Процветала знаменитая московская волокита. Истцы годами ждали решения своих дел. Одна поземельная тяжба — между стольником и монастырем — длилась ровно 34 года.

Попытки усовершенствовать судебно-правовую систему предпринимались при Михаиле неоднократно. Наступил бунташный век, и вновь возникшие тюрьмы были переполнены. В 1637 году вышел указ царя Михаила о запрещении сажать вместе, в одну тюрьму людей, арестованных по уголовным и гражданским делам, отчего «татым и разбойникам и оговорным людям чинится теснота и голод, и от тесноты и духу помирают». Оговорных людей — обвиненных по гражданским делам велено было содержать по старине — не в тюрьме, а за приставами, на дворе у верных детей боярских. Указание на голод объяснялось тем, что колодников выводили в город просить милостыню, так что кормил сидельцев мир.

В годы Смуты обозначилась особая роль богатой купеческой верхушки, сосредоточившей в своих руках крупные денежные богатства и руководившей посадской общиной. Столичное купечество и посадский люд участвовали в избрании Романова. Чтобы укрепить союз, царь Михаил в 1613 году пожаловал столичных гостей и купцов Гостиной и

Суконной сотен, освободил их от посадского тягла, от уплаты мыта на внутренних границах и от побора за переезд мостов. Власти подтвердили право гостей владеть вотчинами и ездить по торговым делам за рубеж. Судить гостей могли только царь и казначеи, но никак не воеводы и приказные судьи.

Одним из существенных источников дохода казны были кабацкие таможенные сборы. После Смуты система кабацких откупов стала преобладающей, что создало широкое поле для всевозможных злоупотреблений. Сохранились сведения о том, что откупками занимались Иван Романов, князь Иван Черкасский, Борис Салтыков, думный дьяк Сыдавный Васильев и даже великая старица Марфа Ивановна. Государевы кабаки оказывали пагубное влияние на нравственную жизнь народа. Власти живо описали вертеп, отданный на откуп некоему торговому человеку Пятунке: «и у тех Пятунки с товарищи в Ростове на кабаке была зернь великая и воровство, и блядня, и посадским и сторонним людям продажи и поклепы великие».

МАНУФАКТУРЫ

Любимым детищем Грозного было «нарвское мореплавание», соединявшее Россию с западными странами по кратчайшим морским путям на Балтийском море. Утрата Нарвы в конце Ливонской войны положила конец «нарвскому мореплаванию», просуществовавшему четверть века. В годы Смуты Россия лишилась устья реки Наровы и Невской земли и была окончательно отброшена от Балтики. Вся морская торговля сосредоточилась на Белом море и в устье Северной Двины. Условия северной навигации были крайне неблагоприятны. Торговля России с европейскими странами резко сократилась.

Россия была кровно заинтересована в возрождении торговли с Западной Европой. Поэтому царь Михаил Федоро-

вич при вступлении на трон подтвердил права и привилегии английских и голландских купцов. В торговле с Россией голландский капитал все больше вытеснял с русских рынков англичан.

В обстановке Тридцатилетней войны хлебные цены на европейских рынках значительно повысились. Швеция, а затем Голландия предложили Москве заключить торговые конвенции, целью которых были закупки русского хлеба. После 1628 года на протяжении ряда лет крупные партии хлеба были проданы в Швецию, Голландию и Данию. Торговые операции осуществляла казна. Зерно закупали на царское имя и отвозили в Архангельск, где заключали сделки с иноземными купцами, преимущественно с голландцами. Они доставляли зерно на европейские рынки. В случае недорода вывоз хлеба запрещали.

При царе Михаиле положено было начало торговле русским хлебом на Западе. Продажа хлеба приносила России большие выгоды. В 1631 году через Архангельск было вывезено до 1 500 000, в 1632-м — от 1 800 000 — до 1 860 000 пудов зерна. Шведам хлеб отпускали по льготным ценам и беспошлинно.

В 1627 году гости и торговые люди из Москвы, Казани, Ярославля и других городов подали челобитную царю Михаилу, прося ограничить привилегии голландских и других иноземных купцов. Позже были поданы еще три челобитные. Требования купцов были отклонены.

При вступлении на трон Михаил Федорович пытался получить заем у соседних государств. В Голландии он просил 70 тысяч рублей, в Англии — 100 тысяч. После переговоров голландцы согласились ссудить Москве оружия в счет займа на сумму в 20 тысяч гульденов.

В 1616 году царь Михаил направил послов в Персию с наказом: «казны на вспоможенье у шаха выпросити хоти 400 тысяч рублей, а по последней мере 100 тысяч рублей». Однако выпросить потребную царской казне сумму не удалось. Шах прислал «легкую казну». Англичане с запозданием отправили в Москву 16 тысяч вместо запрошенных ста.

Правительство нуждалось в западных деньгах и в западных товарах, в особенности же в оружии и военном снаряжении.

Все попытки западноевропейских стран добиться права транзитной торговли с Персией и Китаем через территорию России были безуспешны. Русское купечество не желало жертвовать выгодами, которые им приносила торговля со странами Востока. Закрыты были для иноземцев также и пути в Сибирь.

В России ощущался острый недостаток в металлах. Ее природные богатства были скрыты глубоко в недрах земли. Горное дело достигло больших успехов в Западной Европе, и русским поневоле приходилось искать учителей на Западе. При царе Михаиле в 1626 году власти разрешили свободный проезд в Россию английскому дворянину, горному инженеру Бульмерру, который «своим ремеслом и разумом знает и умеет находить руду золотую и серебряную и медную и дорогое каменье, места такие знает достаточно». Два года спустя из Вены в Россию были выписаны два рудознатца — Фриче и Герольд.

Предметом особых вожделений москвитов была серебряная руда. Для открытия серебряных, медных и прочих месторождений снаряжены были экспедиции во главе с иноземцами. Они должны были обследовать обширные территории: от Соликамска до Северной Двины, Мезени, Печоры, Канина Носа, Югорского Шара и Енисейска на востоке.

В 1640 году англичанин Картрейт с одиннадцатью мастерами подрядился искать руду золотую и серебряную. Руду он не нашел, но понес большие расходы. В 1642 году боярина князя Бориса Репнина отправили в Тверской уезд на поиски золотых месторождений.

Постоянный недостаток серебра и громадный отток серебряных денег за рубеж в Смуту создали почву для изготовления большого количества фальшивых денег. При Грозном фальшивомонетчиков казнили, заливая горло расплавленным оловом. Царь Михаил отменил жестокую казнь, но зло множилось, и казни были возобновлены.

В XVII веке быстро развивается мировая торговля и мануфактурная промышленность. Свою классическую форму мануфактура приобрела в передовых европейских странах. Первенство среди них принадлежало Голландии и Англии. Развитие мануфактур, ставших своего рода символом экономического преуспевания, подготовило почву для расцвета промышленности.

В XVII веке началось проникновение на Русь иностранного капитала. Чтобы вооружить армию, государство стало субсидировать отечественную металлургию. На пороге войны с Речью Посполитой голландский купец Андрей Виниус нашел «добрую» железную руду в районе Тулы и тотчас получил разрешение на строительство заводов. Согласно жалованной грамоте царя Михаила, его предприятия освобождались на десять лет от уплаты любых оброков и платежей в казну. Ежегодно правительство выделяло Виниусу 3000 рублей в счет будущих поставок. Спустя четыре года заводы поставили казне первые 144 пуда железа своего производства.

На заводах Виниуса были построены большие доменные печи по образцу крупных западноевропейских домен. Работали на них иностранные мастера и русские рабочие. Для вспомогательных работ привлекали крестьян из окрестных дворцовых сел в порядке отбывания государственной повинности. Заводы работали в основном на казенных заказах. На рынок поступали лишь излишки металла, кое-какое оружие и инвентарь.

В полутора милях от железоделательных заводов немецкие горные мастера, выписанные из Саксонии, устроили железорудные копи. На Урале найдены были первые месторождения меди. В 1634 году, уже после смерти Филарета, царь Михаил распорядился послать в германские земли Саксонию и Брауншвейг людей, чтобы нанять мастеров для устройства медеплавильных предприятий в России. Мастеров заверили, что «им меди будет делать в Московском государстве много». Месторождение меди было открыто близ Соли Камской. Основанный тут Пыскорсий завод стал первым

медеплавильным заводом в России. Но к 1640 году завод пришлось остановить из-за истощения рудника.

В 1644 году компания купца Марселиса из Гамбурга получила 20-летнюю концессию на строительство железоделательных заводов по рекам Ваге, Шексне и в других местах, где будут обнаружены месторождения железной руды.

Из-за долгов Андрею Виниусу пришлось принять в компанию более удачливых заводчиков Марселиса и Акему, которые со временем отстранили его от дел.

Царь Михаил принимал при дворе и охотно выслушивал тех, кто своими открытиями сулил обогатить его. Он «очень любил, чтобы ему указывали какие-либо новые средства для увеличения казны». Однако иностранцы должны были делать опыты на собственный счет, так что в случае неудачи все убытки они оплачивали из своего кармана.

Приглашая мастеров из-за рубежа, власти вменяли им в обязанность подготовку русских учеников, посвященных во все секреты ремесла.

Вслед за горными и пушечными мастерами в Москву стали приезжать мастера бархатного и часового дела, каменщики, живописцы, всякого рода ремесленники. Московиты искали себе учителей в самых разных сферах жизни и производства.

Важно отметить, что мануфактурное строительство пришлось на время самостоятельного правления Михаила Романова.

При Борисе Годунове власти впервые отправили за море для науки молодых дворян. Из-за Смуты им перестали платить царское жалованье, а потом о них забыли. Смута миновала, но студенты не давали о себе знать.

Михаил Романов не решился повторить опыт Годунова. Но при нем был случай, когда немецкий толмач Ганс Гельмес, служивший в Посольском приказе, просил царя за своего сына, родившегося в России. По особой милости Михаил Федорович разрешил отправить юношу в германские университеты для изучения медицины и последующей службы при дворе. Гельмес-младший добился больших успехов и

получил степень доктора. Даже в Оксфордском университете в Англии «его считали чуть ли не за чудо учености». Вернуться в Москву он не захотел.

Адам Олеарий с иронией писал, что некоторые из московских государей, прослышав, что в Германии существует право монархов выдавать докторские дипломы, в подражание стали выдавать дипломы своим врачам и даже цирюльникам.

Новгородский купец Петр Микляев ездил в Голштинию и договорился о том, чтобы отдать сына Олеарию для обучения немецкому и латинскому языкам. Купец обращался к царю Михаилу и к патриарху за разрешением, но получил отказ.

Михаил ценил репутацию благочестивого государя и потому на виду у всех не оказывал особых знаков внимания иностранцам. Однако же со времен знаменитого Никиты Романовича интерес к западным обычаям и просвещению стал традицией всей боярской семьи.

При Михаиле его двоюродный брат Никита Иванович Романов не только демонстрировал большую любовь к иностранцам, особенно немцам, но увлекался немецкой музыкой и питал явную склонность к западным костюмам. Патриарх строго порицал его за пристрастие к иноземной одежде.

Поборник православия, Михаил Федорович повелел отлить огромный колокол и повесить его рядом с Иваном Великим «в вечное воспоминание своего имени».

ПРАВОСЛАВНЫЙ МИР

Византии принадлежит исключительная роль в истории христианской церкви. Благодаря грекам христианство стало мировой религией. Разделение Римской империи на Восточную и Западную половины в конечном итоге привело к разделению мировой христианской церкви на православную восточную и католическую западную.

Тысячелетняя Византийская империя выдержала все удары со стороны варварских племен и кочевников. Накануне решительного столкновения с Османской империей православные патриархи под давлением императора заключили с католиками Флорентийскую унию, провозгласившую объединение церквей.

После крушения Византии православный Восток не утратил интереса к идее унии. Патриархи пристально следили за Реформацией в Европе, расколовшей католический мир.

В свою очередь, Меланхтон и некоторые другие вожди протестантов питали надежду на то, что им удастся обратить в свою веру главу православного Востока и распространить свое учение на православных.

Положение православной церкви под властью турок было бедственным. Завоеватели отняли у нее главные храмы, разорили святыни, разграбили древние сокровища. Турки грубо вмешивались в дела церкви, назначали церковных иерархов по своему усмотрению. Голландская дипломатическая миссия в Константинополе, представлявшая протестантскую Голландию, с помощью подкупа добилась того, что турки возвели на патриарший престол Кирилла Лукариса. За время с 1612 по 1638 год османы семь раз сгоняли его с патриаршества и отправляли в ссылку. В 1628 году Лукарис издал Катехизис, выдержанный в строго кальвинистском духе. Голландские, французские и английские протестанты поспешили перевести его сочинение и многократно переиздали в разных странах. В православном мире Катехизис вызвал возмущение. Интрига дипломатов из католических стран положила конец карьере Лукариса. Он был отправлен в изгнание, а затем задушен турками. Его место занял Кирилл Контарис, который в 1638 году тайно принял католичество.

Появление среди высших иерархов Востока сторонников западной ориентации вполне понятно. Они рассчитывали на помощь Запада в деле освобождения Византии от порабощения. Надеялись также на вспомоществование богатой западнохристианской церкви.

Допуская возможность подчинения православного мира власти Рима, восточные иерархи впадали в глаза москов-

ских ортодоксов в величайший грех. В свое время Москва решительно отвергла Флорентийскую унию.

Под властью османов восточная церковь пришла в глубокий упадок. При таких условиях доверие русского духовенства к грекам, а заодно и к греческой традиции подверглось суровому испытанию. Московиты задавали себе беспокойные вопросы. Можно ли подчиняться авторитету константинопольского патриархата? Можно ли доверять дело исправления богослужебных книг грекам, погрязшим в неблагочестии и ереси? Крушение вселенской церкви вело к тому, что Московия все более осознавала себя последним прибежищем и оплотом истинной веры.

Поток православных из стран Востока на Русь никогда не иссякал. К середине XVII века он усилился. Некоторые пришельцы выходили «на государево имя», то есть на постоянное жительство. Но большей частью духовные лица приезжали за милостыней, без которой их епархиям трудно было существовать.

Московские власти встречали пилигримов с почетом и осыпали дарами. Но постепенно отношение к ним стало меняться. Гонимые на родине и обнищавшие иерархи в пути набирали из случайных людей многочисленную свиту, надеясь таким способом получить больше подарков. Другие за мзду брали с собой купцов, избавляя их от пошлин.

Наибольшие опасения у русского духовенства вызывала принадлежность пришельцев к ортодоксальной вере. Некоторых богомольцев с Востока задерживали на границе и не пускали в глубь страны.

После Смуты на Русь потянулось православное население Речи Посполитой, мещане, казаки, украинские монахи. Веротерпимость была характерной чертой польского общества в XVI веке. Реформация имела тут большой успех. Кальвинизм получил самое широкое распространение в Литве. Протестанты основывали свои школы и печатали книги. Их проповедники призывали православных и католиков закрывать свои храмы. Энергичную деятельность развила секта антитринитариев, или ариан.

Положение стало меняться с восшествием на трон Сигизмунда III, фанатически преданного католицизму. В Литве вместе с иезуитами появились иезуитские школы и академии. Аристократия и шляхетство стали возвращаться в лоно католической церкви. Украинское дворянство все больше приобщалось к польской культуре. Местный православный епископат на своем соборе в 1596 году постановил признать главенство папы и заключить с католиками унию.

Простой люд не последовал за епископами и остался верен православию. В его среде возникли братства, которые основывали свои школы и типографии. Малороссийское казачье войско во главе с гетманом Сагайдачным в 1620 году вступило во Львовское братство.

На Украине возродилась православная иерархия. Но униатская церковь, пользуясь покровительством короля, значительно потеснила православную.

Русские были осведомлены о гонениях на православие на Украине и в Белоруссии. Собор 1620 года по представлению Филарета принял особые меры, чтобы защитить Святую Русь от проникновения «прелести». На границе людей допрашивали, русским ли крещением они крещены, в три ли погружения или «из кувшинца» обливали. После этого приехавших из Западной Руси перекрещивали.

Лишь со временем в Москве преодолели недоверие к выходцам из Западной Руси. Оценив успехи западнорусского монашеского богословия, власти стали приглашать ученых монахов на Русь.

НА ПУТИ К РАСКОЛУ

Гражданская война нанесла церкви огромный ущерб. Пожары уничтожили многие церковные и монастырские книгохранилища. Во многих церквях не доставало богослужебных книг.

Главным центром книгопечатания в стране оставался Печатный двор в Москве. Водворение «литвы» в Кремле побудило московского печатника Никиту Фофанова перевезти уцелевшее оборудование в Нижний Новгород «от насилия и страха тех супостат» литовцев.

Сразу после освобождения Москвы в конце 1612 года бояре предприняли попытку возродить деятельность типографии и приговорили выделить деньги «на две штампы печатные».

В Нижнем Новгороде типография успела выпустить в начале 1613 года небольшое сочинение патриотического содержания. Не позднее мая 1614 года печатник вернулся в столицу и перевез туда уцелевшее оборудование. Типография была размещена при Дворцовой набережной палате.

В годы Смуты действовала типография в Казани, но ее издания не сохранились до наших дней. Известно лишь, что в 1620 году Печатный приказ выдал деньги «для казанские посылки по штанбу со всякими снасти».

В 1620 году нижегородская печатня была переведена из Кремля на старый Печатный двор, и там же размещена казанская типография.

Московский Печатный двор издавал почти исключительно церковные книги. Часть из них, например Псалтири, использовали как учебники при обучении грамоте. После новых пожаров старый Печатный двор был значительно перестроен и расширен. В последние годы царствования Михаила против передних палат были сооружены каменные ворота с эмблемой печати — Львом и Единорогом.

Число опубликованных книг росло из года в год. Печатники ставили целью устранить в печатных изданиях ошибки и искажения, возникшие из многовековой рукописной традиции.

При царе Михаиле в 1615—1616 годах Печатный двор приступил к изданию Требника и некоторых других церковных книг. В исправлении книг участвовали монахи Троице-Сергиева монастыря. Они известили государя, что «книга Потребник в Москве и по всей Русской земле в переводах

разнится и от неразумных писцов во многих местах не исправлена ...надобно ее исправлять, спрашивая многих людей, и исправлять со многими книгами».

Царь Михаил поручил дело архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию. Вместе с ним исправлением книг занялись монах Арсений Глухой и священник Иван Наседка.

Арсений взялся за дело с большим усердием. «Не малая беда мне, нищему чернецу, — писал старец, — поднявши такой труд, сидя за государевым делом полтора года, день и ночь, мзды лишаему быть...» Умудренный опытом Арсений предлагал перенести работы в Москву, чтобы все исправления делать «с митрополичьего совету». Церковь тогда возглавлял крутицкий митрополит Иона.

Исправления, внесенные в Требник, были столь серьезны, что вызвали ропот среди монахов. Партию недовольных возглавили головщик Логин и уставщик Филарет. Филарет жительствовавший в Троице более пятидесяти лет. Его друг Логин выдвинулся при царе Василии Шуйском, когда он печатал Уставы. Позднее судьи утверждали, что в Уставе Логин многие «статьи напечатал не по апостольскому и не по отеческому преданию, а своим самовольством». В целом Логин строго следовал старине. Он обладал скудными познаниями из «божественной философии», зато имел звучный и приятный голос, подходящий для богослужений.

Конфликт, возникший в обители, имел давние корни. При Василии III в Москву был приглашен ученый афонский монах Максим Грек, в миру Михаил Триволис. В молодости Михаил провел десять лет в Италии и получил в итальянских университетах превосходное образование в области богословия и светских наук. В Россию его пригласили для исправления книг. Несколько лет Максим Философ работал в Москве, пользуясь покровительством государя и князя-инока Вассиана Патрикеева. Вооруженный самыми совершенными для своего времени приемами филологической критики, Максим Философ успел обнаружить много ошибок и искажений в московских рукописных книгах, пред-

ставлявших древние переводы с греческого на славянский. Тотчас посыпались доносы. Противниками Максима выступили начетчики — митрополит Даниил и другие иосифляне — ученики Иосифа Санина.

После завоевания Константинополя турками в России стали говорить, что красота греческой церкви порушилась под властью «поганных» и после падения Второго Рима — Константинополя Москве суждено сыграть роль Третьего Рима, последнего оплота вселенской православной церкви.

Противники Максима Грека отвергли его правку книг и осудили на Священном соборе. В глазах ревнителей веры именно старинные московские книги, а не греческие наилучшим образом сохранили священные тексты, соответствующие канону. Осуждение Максима Грека ограничило пределы византийского влияния на русскую религиозную мысль.

Максим провел двадцать лет в заточении в тверском Отроче монастыре, после чего Грозный перевел его в Троице-Сергиев монастырь. Там инок получил возможность продолжать работу. К его слову прислушивались. Князь Андрей Курбский считал себя его учеником.

Ко времени Смуты традиция, связанная с пребыванием Философа в Троице-Сергиевом монастыре и его деятельностью там, была основательно забыта. Как говорили современники, после кончины Максима у Троицы «в дому Сергия Чудотворца мало любили Максима Грека книг». И только Дионисий стал давать их для чтения братии монастыря наряду с лучшими творениями греческих отцов церкви.

Будучи приглашен для правки книг Печатного двора, Дионисий замыслил возродить в меру сил забытые приемы исправления богослужебных книг. Критерием достоверности текста московских богослужебных книг могли быть в конечном счете только тексты древних греческих книг, проверенные текстовыми сопоставлениями.

Дионисий не останавливался перед сокращением текстов и исправлением непонятных или лишенных смысла мест.

Главным пунктом обвинения, выдвинутого против Дионисия и его товарищей, было исключение ими слов «и ог-

нем» из молитвы на освящение воды: «Приди, Господи, и освяти воду сию духом твоим святым и огнем!» Архимандрит доказывал неправильность обряда погружения горящей свечи в освященную воду и предлагал исключить две молитвы к литургии, в которых священник «сам себя прощает».

Обнаружив отступления от буквы в исправлениях Дионисия и Арсения, их противники подали донос царю.

У Троице-Сергиева монастыря во все времена были особые отношения с царствующими особами. Царь Михаил с матерью не раз ездили в обитель на богомолье, в 1614—1616 годах сделали несколько богатых пожертвований в пользу монастыря.

Получив донос, власти распорядились арестовать Дионисия и его товарищей. Архимандрита допрашивали сначала у митрополита Ионы на Патриаршем дворе, а затем в кельях инокини Марфы в Вознесенском монастыре.

Судьбу Дионисия решал не царь Михаил, а лица из окружения его матери. Марфа была инокиней и не могла остаться в стороне от решения церковных дел. Именно в ее кельях исправления Дионисия были признаны еретическими, и ему предложили заплатить штраф в пятьсот рублей. В ответ Дионисий объявил, что денег у него нет.

Характерно, что после этого Арсений подал челобитную — фактически просьбу о помиловании — не кому иному, как боярину Борису Михайловичу Салтыкову, правителю и любимцу царицы Марфы.

В Москве был созван Священный собор, осудивший Дионисия как еретика. Архимандрит и Арсений были взяты под стражу. Дионисия решено было заточить в Кирилло-Белозерский монастырь. Но в стране было неспокойно, и его оставили в московском Новоспасском монастыре. На архимандрита наложили епитимью — тысячу поклонов.

Дело Дионисия могло иметь печальный для него исход, если бы в Россию не вернулся Филарет.

Филарет отличал лиц, участвовавших в освободительном движении. В истории земских ополчений Дионисий сыграл еще большую роль, чем Гермоген. По возвращении в Моск-

ву патриарх Филарет созвал новый собор. Много часов подряд архимандрит Дионисий «стоял в ответе» перед Филаретом и собором. В прениях участвовал иерусалимский патриарх Феофан, бывший в то время в Москве. Дионисий искусно защищался. На его стороне выступил грек, объявивший, что в доводах и исправлениях архимандрита нет ничего еретического. Патриарх Феофан посетил Троице-Сергиев монастырь и преподнес архимандриту почетный дар — белый клубук.

Обвинения в ереси пугали даже людей неробкого десятка. Филарет просил иерусалимского патриарха по возвращении в Иерусалим держать совет со вселенскими патриархами и «выписать из греческих книг древних переводов, как там написано». Грек исполнил просьбу и прислал в Москву нужную отписку.

Ревнители московской старины потерпели поражение. В 1633 году Филарет велел конфисковать Уставы, напечатанные при Шуйском, потому что эти Уставы печатал «вор и бражник» старец Логин. Таким был приговор духовному предтече церковного раскола.

Дионисий не был в полном смысле грекофилом. Он ставил исключительно высоко авторитет греческой книжной традиции и богословия. Во всем остальном он был предан московской старине, считал свой народ богоизбранным и мечтал о возрождении поколебленного Смутой московского благочестия.

Решение в пользу исправления московских книг по греческим книгам, вынесенное Филаретом, готовило почву для церковной реформы патриарха Никона.

Дионисий — священник Давид Зобниновский, родом из Ржева, был одним из самых видных церковных деятелей своего времени. Он принял постриг в Старицком монастыре, настоятелем которого он стал. Позже Гермоген вызвал Дионисия в Москву и оставил при Патриаршем дворе.

Назревало столкновение с Семибоярщиной, и патриарх поставил Ржевитина во главе Троице-Сергиева монастыря, самой почитаемой обители России.

Когда поляки сожгли Москву, поток погорельцев наводнил Троицу. Дионисий никому не отказывал в пропитании и крове. Его благотворительная деятельность спасла много жизней. Архимандрит оправдал надежды Гермогена, брошенного «литвой» в темницу. Когда Первое земское ополчение осадило Кремль, Дионисий употребил все монастырские богатства на помощь освободительному движению.

Ученики, составившие Житие Дионисия, нарисовали образ, в котором угадывались черты блаженного. Инока отличали мягкий характер, смирение и добросердечие. Он никогда не старался взять верх в споре, не употреблял власть против тех, кто отказывал ему в должном почтении. Недоброжелатели могли назвать архимандрита «неученым сельским попом» или даже «дураком», не опасаясь наказания. Оскорбления соответствовали грубым нравам, царившим в монашеской среде.

Дионисий высоко ставил книжное учение. Его келья стала школой для таких знаменитых людей XVII века, как Иван Наседка, Иван Неронов, писатель Симон Азарьин.

Священник Иван Шевелев по прозвищу Наседка явился в Троице-Сергиев монастырь в нищем образе и был выделен Дионисием. Благодаря Дионисию он овладел книжной премудростью. Наседка досконально знал Ветхий и Новый заветы и толкования на них, знал творения Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита, многих других отцов церкви, был большим знатоком житийной литературы.

В 1621 году царь Михаил отправил Ивана Наседку в Данию в составе посольства, имевшего целью сосватать государю одну из племянниц короля Христиана IV. Наседке, как искусному богослову, поручено было убедить короля в необходимости крестить невесту в православную веру и раскрыть перед датчанами все преимущества этой веры. Посольство не добилось цели. Но поездка в Данию обогатила Наседку многими наблюдениями за церковным бытом и идеями протестантов.

По возвращении Иван составил сборник «Изложение на лютеры», в котором центральное место заняло обличение датской ереси. В сочинении нашли место как богословские аргументы — «от писаний», так и заметки путника.

Русских послов возили в Христианбург, где провели по строившемуся королевскому дворцу. Строительство велось по проекту Христиана, в духе Ренессанса. Послы «прошли скрозь кирку, а на ней палата», не придав особого значения увиденному. Но Наседка написал по этому поводу вирши, дав волю негодованию. Король «устроил двоекровную палату, долу же под нею двоеимянную ропату; и по лютерски нарицают их две кирки, по-русски же видим их: отворены Лютором во ад две дырки; горе убо устроен в полате блуда и пианства стол, долу же под ним ...престол; многих же вводят в кирку ту смыслу королевску дивитися, велеумным же мужем не подобает безумию их дивитися».

Искусство Запада шагнуло далеко вперед, но его новшества коробили ревнителя московского благочестия: «Златом убо и серебром многа устроена телес нагота, в них же тайноблудная вся открыта срамота».

Смутили Наседку многие непривычные бытовые подробности церковного быта Дании — торговля в храме, трофейное оружие на стенах для славы королю, свободное поведение молящихся, открытые двери, через которые в кирку «лазит всякая животина».

С протестантской Данией связан был еще один эпизод. Когда московские власти стали хлопотать о браке старшей царевны Ирины Михайловны и датского принца Вольдемара, Дания отнеслась к исканиям царя более внимательно. Король согласился отпустить сына в Москву, но предупредил, что Вольдемар и его свита будут придерживаться своего вероисповедания. Со своей стороны послы просили, чтобы королевич принял новое крещение.

В 1644 году жених приехал в Москву. Михаил самолично пытался убедить датчанина в преимуществах православной веры. Последовали богословские прения, в которых уча-

ствовали Иван Наседка и датский пастор, приехавший в свите королевича.

Богословы и бояре считали, что иноверец и еретик не может быть принят в царскую семью. В противном случае будет нанесен ущерб православному царству.

Объясняя неудачу брачного проекта, подчеркивают неуступчивость принца, его преданность своей вере. Но были и другие, не менее важные причины.

Толковали, будто царь предложил Вольдемару, что он будет третьим лицом в Московском царстве, уступая лишь государю и его наследнику царевичу Алексею.

Осуществить подобные предложения можно было при одном непереносимом условии. Датчанину надо было предоставить удельное княжество — укрепленные замки, города и волости.

При вступлении на престол Михаил Романов отказался пожаловать удельное княжество даже своим ближайшим родственникам. Он хорошо усвоил уроки опричнины и Смуты.

Для принца Вольдемара вопрос об уделе имел первостепенное значение. Он отклонил все заманчивые предложения московитов, просил отпустить его домой и даже пытался бежать из России.

Писатель князь Семен Шаховской не остался в стороне от событий и написал сочинение, в котором предлагал «ввести королевича в церковь некрещена». Князь поведал о своем «письме» благовещенскому протопопу, а тот — царю. В письме Шаховской высказывал осторожное предположение, что Вольдемара можно и не крестить «в три погружения», а достаточно, чтобы он принял московский символ веры, поклонение иконам и посты и отрекся от своей «папешской» ереси. Боярская дума рассмотрела сочинение князя Семена и нашла, что он «пристал к королевичу». Князь не подвергся опале, но получил назначение на воеводство в далекую северную крепость Колу, где и пробыл два года. К тому времени царь Михаил умер.

Будучи представлен новому государю, князь Семен имел неосторожность сослаться на то, что «письмо» свое он на-

писал не сам собой, а «то все делал, исполняя повеленье блаженные памяти отца его государева» Михаила Федоровича. Слова Шаховского походили на правду. Царь Михаил был озабочен тем, чтобы выдать сестру замуж, и искал пути к соглашению. Шаховской адресовал письмо государю и надеялся заслужить его милость. Но он просчитался.

Узнав о речах Шаховского на приеме у царя Алексея, Боярская дума приказала допросить князя Семена. Он испугался и признал свои слова напраслиной. Розыск о навете, бросившем тень на покойного царя, привел к тому, что бояре обвинили Шаховского в «еретичестве и великом воровстве» и объявили, что он достоин сожжения на костре. Смертная казнь была заменена ссылкой в Сольвычегодск.

Официальные власти не останавливались перед самыми жестокими карами, охраняя московскую старину и незыблемость православия.

По смерти Михаила противники династии стали распространять слухи о том, что царь Алексей вовсе не является царским сыном, что он «подменный», что государь намеревался передать трон Вольдемару. После этого датчанина поспешили выпроводить из России.

Известным церковным деятелем был ученик Дионисия Иван Неронов. Увлечшись в юности религией, Неронов принялся обличать священников из своего села, погрязших в грехе. Его суровые обличения не встретили сочувствия даже у мирян. Юноше пришлось бежать из дома в Троице-Сергиев монастырь. Там он обратил на себя внимание Дионисия, который взял его в свою келью. Неронов перенял у учителя то, что было ближе всего ему самому, — преданность старомосковскому благочестию. Убедившись, что юноша «истинен и верен есть во всем», Дионисий отправил его к Филарету с рекомендательным письмом. Неронов был положен в священники и послан в Нижний Новгород.

Там он продолжал борьбу за нравственное возрождение духовенства и обновление церкви. В столице при посещении дворца он напустился на бояр за неблагочестие — бри-

ть бороды и пр. За свои дерзкие выходки Неронову случилось быть битым.

Решительное столкновение христиан с мусульманским миром было не за горами, и Неронов объявил большим грехом войну христиан против христиан. Он выступил против приготовлений к войне с Речью Посполитой и предсказал поражение России.

Патриарх Филарет, до того покровительствовавший священнику, опалился на него и велел сослать в заключение в отдаленный Никольский Корельский монастырь. После смерти Филарета поборник веры вернулся в Нижний Новгород. В 1636 году он вместе с восьмью другими протопопами подал «память» новому патриарху с описанием церковных не порядков и призывом о спасении православия.

Новый патриарх Иоасаф не последовал примеру Филарета, осудившего Неронова как иступленного безумца. Глава церкви согласился с обличителем и разослал по епархиям грамоту, составленную на основе нижегородской памяти. Будучи вызван в столицу после смерти царя Михаила, Неронов присоединился к кружку придворного священника Стефана Вонифатьева, а потом стал одним из вождей раскола.

ПЕРВЫЕ ЗАПАДНИКИ

Московский Печатный двор постоянно расширял свою деятельность. Но книг не хватало, и их приходилось закупать в православных владениях Литвы. В 1627 году на Русь была доставлена целая партия книг «Евангелия учительного» Кирилла Ставровецкого из Львова. Сам львовский ученый указывал на широкую известность этой книги, но при этом выражал сомнение в ее ортодоксальности. В Москве книгу сочли еретической и приговорили сжечь ее, чтобы «та ересь и смута в мире не была». Чтобы не допустить в пределы Московии ереси, великие государи Михаил и патриарх

Филарет повелели, чтобы «впредь никто никаких книг литовской печати и письменных литовских не покупал». В следующем году власти провели перепись церковных «литовских» книг по всем церквям и произвели их изъятие. Такого рода меры препятствовали знакомству и взаимообогащению великорусской и украинско-белорусской религиозной культуры. Между тем Белоруссия и Украина давно стали путем проникновения на Русь западных влияний.

Первым российским западником считают князя Ивана Андреевича Хворостинина. Его род принадлежал к младшей ветви Ярославского дома. Князья Хворостинины сделали карьеру в опричнине. Боярин князь Дмитрий Хворостинин был одним из лучших воевод того времени. Он разгромил Крымскую орду под Москвой. Его племянник Иван Андреевич Хворостинин был сыном окольного князя Андрея Хворостинина.

Князь Иван преуспел при дворе Лжедмитрия I. Будучи интимным фаворитом государя, он получил чин кравчего. Со времен Грозного этот чин носили любимцы монарха, и затем кравчим жаловали обычно боярство.

После переворота князь Иван лишился думного чина. Царь Василий приказал сослать его «под начало» в Иосифо-Волоколамский монастырь. Причины ссылки власти объяснили так: «Как ты был при Ростриге у него блиско, и ты впал в ересь и в вере пошатался и православную веру хулил и постов и христианского обычая не хранил».

Хворостинину ставили в вину его близость к еретику и чернокнижнику Отрепьеву. Князь действительно принадлежал к кружку ближайших приятелей самозванца, куда входили его польские секретари и Михалка Молчанов. Трудно было соблюдать посты и прочие московские обычаи при царе — тайном католике, его патерах-иезуитах, его друзьях-протестантах Бучинских.

Имя Хворостинина вновь появляется в источниках, относящихся ко времени после избрания на трон Владислава. Польские симпатии не покинули его. Однако в своем историческом сочинении «Словеса дней и царей и святителей

московских» князь Иван старается выставить себя московским патриотом, воевавшим с поляками.

После сдачи польского гарнизона Кремля якобы одним из первых вошел в Кремль и тут же обратился к монахам Чудова монастыря с вопросом, где они похоронили Гермогена: «Гже положисте от еретик пострадавшего Христа ради нашего учителя, рцыте нам!» Хворостинин так изложил речь самого патриарха Гермогена, произнесенную в Кремле: «Решоша бо на мя враждотворцы наши, яко аз возставляю вои и вооружаю ополчение страннаго сего и неединовернаго воинства. ...и едино имех вам речение: облецыситя во оружие Божие, в пост и молитвы!»

Какое воинство имел в виду писатель: тушинское, наполовину состоявшее из католиков-поляков, или земское ополчение? Гермоген был самым решительным противником самозванца, и никто не мог обвинить его в том, что он «вооружает» «воров». Очевидно, патриарх имел в виду земское ополчение: «враждотворцы» пастыря не без основания называли его пособником воинства, облегшего столицу.

Гермоген назвал ополчение неединоверным. Недоверие главы церкви к земскому ополчению вполне понятно. В отрядах Заруцкого преобладали вчерашние тушинцы и было немало татар и «латинян». Непременный участник всех мятежей Ляпунов также не внушал иерарху доверия.

Слова по поводу ополчения могли быть произнесены лишь после начала осады Москвы. Как видно, Хворостинин находился с Гермогеном, поляками и Семибоярщиной в осажденном Кремле.

После воцарения Михаила Романова Хворостинин служил воеводой во Мценске в 1613 году, затем первым воеводой сторожевого полка в малочисленной армии князя Ивана Катырева в 1614 году, воеводой в Рязани в 1618 году.

Князь Иван тщетно надеялся на то, что его служба будет вознаграждена и он займет место отца в Боярской думе. Его карьера, блистательно начавшаяся при самозванце, была погублена раз и навсегда. Хворостинин так никогда и не вернулся в думу. Высоко оценивая свои способности, он вос-

принимал крушение карьеры как величайшую несправедливость. Если московские люди не оценили его, то это лишь оттого, что на Москве «все люд глупой, жити не с кем». Эта мысль стала лейтмотивом его сочинений.

По возвращении Филарета Хворостинин подвергся гонениям. Власти заметили его нетвердость в вере. В его дом дважды приходили с обыском. У князя обнаружили латинские книги и иконы. После этого дворовые люди подали донос на господина. Они сообщили, что на Страстной неделе в 1622 году князь Иван предался беспробудному пьянству, нарушил пост, на Пасху не пошел в церковь, не поехал во дворец поздравить государя. Обличая князя в ереси, патриарх Филарет мимоходом заметил, что его губит безмерное пьянство. Простить можно было склонность к питию, но не крамольные речи. Дворовые люди поведали, что Хворостинин и сам не ходил в церковь и их не пускал, «а говорил, что молиться не для чего и воскресения мертвым не будет».

Началось дознание. Хворостинину припомнили то, что он, будучи назначен против ногайцев, стал просить, чтобы его послали на литовский рубеж для участия в посольском съезде. Зная польские симпатии Хворостинина, власти увидели в его просьбе «к измене шатость» — намерение отъехать в Литву. Наказание стало неизбежным.

Власти предъявили князю следующие обвинения: «учал приставать к польским и латинским попам и полякам и в вере с ними соединился». Дознались, что Хворостинин водит дружбу с неким поляком. Князь Семен Шаховской назвал его имя. Пагубное влияние на Хворостинина будто бы оказал поляк Заблоцкий.

Обвинения опирались на шаткие улики. Друг князя Заблоцкий незадолго до того сменил веру и стал православным человеком.

Хворостинин считал себя ученым богословом и не прочь был вступить в спор с кем угодно, включая судей. Когда речь зашла о почитании икон, укорял еретика Филарет, «сам еси сказал, что образы римское письмо почитал еси с греческим письмом с образы заодин». Князь сделал и другие

важные признания. «Сам ты, — значилось в грамоте патриарха, — во многих таких непристойных своих делах вину свою объявил».

Главная «непристойность» касалась христианского догмата о воскресении из мертвых.

Каким путем пришел Хворостинин к еретическим взглядам и каковы были его аргументы, в точности неизвестно. Полагают, что Хворостинин был знаком с воззрениями польских ариан. Согласно этим воззрениям, из мертвых воскреснут одни души, без участия тела.

Ересь Хворостинина была свидетельством его критического уmonoстроения, вольнодумства.

В 1623 году князь был сослан «под начало» в Кирилло-Белозерский монастырь. Ему строго-настрого запретили покидать стены монастыря и принимать у себя в келье кого бы то ни было. Приставленный к узнику «добрый» и «житьем крепкий» инок должен был следить, чтобы у того «без келейного правила не было ни одного дни» и чтобы князь не пропускал ни одного богослужения.

Старцы строго встретили Хворостинина, но со временем изменили свое отношение к нему. Возможно, они познакомились с его трактатом «Изложение на еретики». Проза в этом трактате чередовалась с силлабическими виршами. Отстаивая «учение Господне» — православие, Хворостинин яростно обличал католиков и протестантов, включая Лютера, Кальвина, Сервета, Чеховича и Будного.

Власти монастыря допустили Хворостинина к исповеди и причастию, за что патриарх Филарет сделал им выговор. В ноябре 1623 года Филарет прислал в обитель «учительный свиток» — «о восстании мертвых — поучение от Божественных писаний Ивану Хворостинину». Монастырские власти должны были огласить свиток на соборе в присутствии узника, после чего потребовать, чтобы он торжественно отрекся от своего заблуждения — сомнений в догмате о воскресении мертвых.

На соборе вольнодумец был «в вере истязан и дал на себя в том обещанье и клятву» не отступать от истинной

веры и в воскресение мертвых верить. Свое обязательство он скрепил подписью.

Филарет был удовлетворен, и в январе 1624 года узник был освобожден из монастыря. В особой грамоте царь Михаил и патриарх Филарет объявляли князю полное прощение и повелевали ему «видети свои государские очи и быти во дворянех по прежнему». Князь Иван был доволен вернуться на службу в Государев двор. Но здоровье его было подорвано, и ему следовало позаботиться о душе. Раскаявшийся вольнодумец постригся в монахи и принял имя Иосиф. После смерти в феврале 1625 года он был погребен в Троице-Сергиевом монастыре.

От природы Хворостинин был одарен хорошими способностями. Его сочинения свидетельствуют о том, что он обладал литературным даром. Кроме того, он был поэтом и слагал довольно свободно «вирши». Видимо, он получил некоторое образование. Во всяком случае, он кичился своим знанием Священного Писания. Его приятель князь Семен Шаховской, который сам был литератором, так описал свои прения с Хворостининым о Шестом церковном соборе: «укорял мя еси вчерашнего дня в дому своем, величаяся в рабех своих и превозношася многим велеречием и гордяся, реку, фарисейски, мняся превыше всех человек учением Божественных догмат превзыти. Наше же убожество грубо и несмысленно нарековал еси и отнюдь чюжа учению священнаго и отцепреданного писания, и за малое мое некое речение препирахся еси гневно и люте свирепствова». Хворостинин отрицал, что Шестой собор был вселенским. Но Шаховского поразили не аргументы Хворостинина, а его безмерное самомнение и грубые нападки на собеседника.

Князь Иван считал, что превосходит в богословии всех, и укорял Шаховского за невежество, за незнание сочинений отцов церкви. Не он один, утверждал Шаховской, пострадал от высокоумия Хворостинина: «из млада обыкох еси в тако-ве велехвальне обычае быти». Иностранцы, наблюдавшие за князем Иваном в дни его молодости, осуждали поведение надменного и все себе позволяющего мальчишки. На пиру во дворце Лжедмитрия I его любимец Хворостинин обращал

на себя общее внимание своей гордыней и тщеславием, по несколько раз переодевал кафтанчики, исполнял две должности — кравчего и чашника.

Сомнение князя было замечено также и Филаретом. В послании к кирилловским монахам патриарх укорял Хворостинина в таких выражениях: он «в разуме себе в версту не поставил никого».

Таким был писатель-еретик, отвергавший московскую старину и писавший о своих соотечественниках, что они «сеют землю рожью, а живут все ложью»; «все люд глупой, жити не с кем». Хворостинин имел в виду в первую очередь людей «себе в версту», правящий круг, знать. Даже Котошихин признавал, что в царской думе есть люди умные и способные. Князь Иван это отрицал. Что касается народа, отношение к нему подверглось испытанию в годы Смуты. Склонность народа к бунту, легкое верие и готовность биться за самозванцев вселили страх в боярские души. Рассуждения о «глупом люде» отразили эти настроения.

Яркой фигурой в приказном мире был дьяк Иван Тарасович Грамотин-Курбатов. Будучи направлен с великими послами под Смоленск, Грамотин предал Филарета и начал служить королю «прежде всех». За это он получил титул печатника и думного дьяка. Царь Владислав пожаловал ему крупную волость в поместье. В Москве дьяк сблизился с поляками и помогал пану Гонсевскому в войне с москвичами. В конце 1612 года дьяк сопровождал Сигизмунда III в походе на Москву и убеждал русских принять на трон Владислава. Позже Грамотин был вновь принят на царскую службу, а к 1618 году ему вернули чин думного дьяка и поручили управлять Посольским приказом. На свадьбе царя Михаила с Долгоруковой в 1624 году Грамотин играл роль распорядителя — «чины урежал» и списки держал.

Исаак Масса писал, что Грамотин «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился у поляков и пруссаков». Дьяк выделялся не только редкими способностями, но и упрямством. В 1626 году его отставили

от дел из-за того, что, будучи у государева дела, он «указу не слушал, делал их государские дела без их государского указа, самоволством, и их, государей, своим самоволством и упрямством прогневил». Видимо, Грамотин не послушал патриарха, чем и вызвал его гнев. В опале его отправили в Алатырь. Опала была следствием каких-то распрей в царской семье. 1 октября 1633 года Филарет умер, а через четыре дня Грамотина велено было вернуть из ссылки, очевидно, по распоряжению царя Михаила. Дьяку вернули думный чин, произвели в печатники и поставили во главе Посольского приказа. Иноземцы называли его канцлером. По завещанию душеприказчиками канцлера были правитель князь Иван Черкасский и Василий Стрешнев, родня царя Михаила.

Грамотин принадлежал к числу ревностных подражателей «польскому манеру». Он выучил польский язык и усвоил немецкие обычаи.

Смута привела к наплыву иноземцев в стольный город. Запад настойчиво вторгался на Святую Русь. Менялись внешние приметы. Следуя иноземным модам, некоторые из москвичей отказывались от московских обычаев в пользу иноземных. В печатном Служебнике 1647 года можно обнаружить гневные строки по поводу брадобрития: «сею ересью не токмо простии, но и самодержавнии объяти быша». На старинных портретах из всех самодержцев один Годунов изображен без бороды.

В Москве жили до тысячи служилых иноземцев, в основном лютеран. Им разрешили построить две кирхи в Москве. Однако накануне Смоленской войны Филарет велел разрушить лютеранскую церковь под предлогом драки, случившейся в храме. Позже им позволили возвести новую кирху вне стен Белого города. Кальвинисты надумали выстроить каменную кирху подле деревянной часовни. Но царь Михаил и патриарх велели разломать обе постройки. В конце концов протестанты основали свои храмы на Кокуе, в Новой Немецкой слободе.

Отношение к католикам было более суровым, чем к протестантам. Французский посол в 1627 году пытался полу-

чить разрешение построить католический костел для французов, торговавших в России. Послу отказали.

Когда власти обнаружили, что среди приглашенных на царскую службу офицеров есть паписты, они все были под конвоем отосланы за рубеж.

Появление иноверцев придавало особый смысл усилиям властей возродить древнее благочестие православного духовенства. С давних времен одним из центров святости на Руси почитался Соловецкий монастырь на Белом море. В период Смуты в обители появилось множество новых постриженников, принесших с собой мирские привычки и пороки.

В 1636 году царь Михаил обратился к соловецкой братии с учительным посланием. По его словам, только старые постриженники хранят предания основателей обители, а прочие старцы чинят смуту: «пьют вино красное немецкое», плохо исполняют монастырские работы, особенно в усольях, монастырю прибыли не ищут, отчего «монастырская казна пропадает».

Михаила тревожил упадок благочестия, а также и оскудение богатейшей в прошлом обители России.

В том же году царь сделал строгое внушение строителю Павлова-Обнорского монастыря. И здесь на первом месте стояло пьянство монахов. «Ведомо нам учинилось, — писал Михаил, — что в Павлове монастыре многое нестроение, пьянство и самовольство, в монастыре держат питье пьяное и табак, близ монастыря поделали харчевни и бани, брагу продают».

Бесчинства царили и в стольном граде, и в провинции. Преемник Филарета патриарх Иоасаф выступил с резкой критикой церковных настроений. Его обращение было, без всякого сомнения, согласовано с царем Михаилом и служило своего рода программой. «В царствующем граде Москве, — писал глава церкви своей, — в соборных и приходских церквях чинится мятеж, соблазн и нарушение вере, служба Божия совершается очень скоро, говорят голосов в пять, и в шесть, и больше, со всяким пренебрежением». Слова по поводу соблазна и мятежа носили риторический характер.

Конкретные замечания касались церковной службы, которую следовало отправлять неторопливо и благочинно.

Миряне вели себя столь же зазорно, как лица духовного чина: «а мирские люди стоят в церквах с бесстрашием и всяким небрежением, во время святого пения беседы творят неподобные с смехотворением».

Главные стрелы патриарх обращает против пьянства попов: «а иные священники и сами беседуют, бесчинствуют и мирские угоidia творят, чревоугодию своему последуя и пьянству повинуюсь, обедни служат без часов; во время великого поста службы совершают очень скоро; в воскресные дни и праздники заутрени поют поздно и скоро, учительные евангелия, апостолы, поучения святых отец не читаются. Пономари по церквам молодые без жен; поповы и мирских людей дети во время святой службы в алтаре бесчинствуют».

Особое негодование патриарха вызывало поведение простонародья — черни: «во время же святого пения ходят по церквам шпыни, с бесстрашием, человек по десятку и больше, от них в церквах великая смута и мятеж, то они бранятся, то дерутся; другие, положив на блюда пелены и свечи, собирают на церковное строение; иные притворяются малоумными, а потом их видят целоумными; иные ходят в образе пустынническом, в одеждах черных и в веригах, растрепав волосы; иные во время святого пения в церквах ползают, писк творят и большой соблазн возбуждают в простых людях».

Патриарх ополчился против подмены церковных праздников языческими: «Также в праздники вместо духовного торжества и веселия затевают игры бесовские, приказывают медведчикам и скоморохам на улицах, торжищах и распутиях сатанинские игры творить, в бубны бить, в сурны реветь, в ладоши бить и плясать; по праздникам сходятся многие люди, не только молодые, но и старые, в толпы ставятся, а бывают бои кулачные великие до смертного убийства; в этих играх многие и без покаяния пропадают».

Скоморошья представления были неременной частью народных празднеств. Их искусство наследовало вековые традиции народной музыки, танца, театральных представлений.

Искоренить эти традиции не было никакой возможности. Кулачные бои были другим развлечением простонародья.

В своем послании патриарх обрушивает гнев на головы сквернословов: «Всекие беззаконные дела умножились, еллинские блядословия, кошунства и игры бесовские; едят удавленину и по торгам продают; да еще друг друга бранят позорною бранью, отца и мать блудным позором и всякою бесстыдною нечистотою языки свои и души оскверняют». Бороться со сквернословием было столь же бесполезно, как с кулачными боями и народными развлечениями.

Свою обличительную грамоту патриарх написал с ведома и одобрения царя Михаила, благочестивого государя.

ЦАРСТВЕННАЯ ОСОБА

Источники сохранили скудные и отрывочные данные, лишь в общих чертах характеризующие личность царя Михаила. Какое образование получил первый Романов, какими были его кругозор, пристрастия и привычки?

Отец царя Филарет в молодости начинал изучать иностранные языки. Но англичанин Джером Горсей, учивший его, скомпрометировал себя интригами и был выслан из России. Дело на том и кончилось.

Заточение родителей Михаила Романова в северные обители и ссылка их сына Михаила на Белоозеро, а потом в деревню препятствовали его учению.

Как видно, Михаил не был научен светским наукам и не решился учить наукам наследника-сына. Но веяния Запада все же проникли в дворцовые терема. По приказу царя для царевича Алексея купили пачку немецких гравюр, давших ему некоторые представления о далеких странах. Для потех ребенку подарили деревянного коня немецкой работы, а немчин Петер Шальт выковал для него детские латы на немецкий манер. Дядька царевича решился на неслыханный

шаг. С ведома царя его сына Алексея обрядили в иноземное платье.

Систематического образования царь Михаил, видимо, не получил. Сиротское детство, опала, заточение, ссылка, конечно же, мешали ему пройти курс церковного обучения.

С избранием Михаила на трон время было упущено. Самодержцу не к лицу было учиться у дьяков. Современники ни слова не обронили о его успехах в области книжной премудрости.

Не получив образования, Михаил проявил своеобразную заботу об обучении сына Алексея. С 1621 года в Москве открылась лютеранская школа с изучением немецкого и латинского языков. Царской семье не представляло труда найти учителей для Алексея. Но традиция возобладала. Царевич получил сугубо церковное образование. По заданию Филарета один из патриарших дьяков составил Азбуку с заповедями и кратким катехизисом. Уже после смерти Филарета пятилетнего ребенка усадили за букварь. Для обучения Алексея призвали дьяка одного из столичных приказов, человека благочестивого и доброго нрава. В шесть лет царевич приступил к чтению Часовника, затем Псалтири и «Деяний Апостолов». В семь лет дьяк стал учить мальчика письму. Затем в детской комнате появился регент придворного хора, обучивший его «страстному» пению, то есть песнопениям Страстной седмицы. К десяти годам курс церковного образования был закончен. Какой бы ни была домашняя школа, она привила сыну Михаила охоту к чтению. С некоторым преувеличением современники говорили, что Алексей «навычен многим философским наукам». Основанием для такого суждения была его начитанность.

Смута поколебала былую замкнутость русского общества и тем самым углубила интерес к успехам Европы в разных сферах. Новые веяния затронули и царскую семью.

Известно, что Михаил пытался привлечь на царскую службу придворного советника и секретаря посольства, математика и антиквара Шлезвиг-Голштинского герцогства Адама Олеария, побывавшего в Москве в составе посоль-

ства в 1633—1634 годах. Ученый дипломат обратил на себя внимание царя, следствием чего и было приглашение в Россию в 1639 году. «Ведомо нам, великому государю, учинилось, — значилось в царской грамоте, — что ты гораздо научен и навычен астрологии, и географус и небесному бегу и землемерию и иным многим надобным мастерствам и мудростям, и нам таков мастер годен».

Обращение православного царя к еретику Олеарию московские ревнители сочли предосудительным. Пошли толки, что государь пригласил колдуна, угадывающего будущее по звездам. Олеарию пришлось отклонить лестное предложение.

Приглашение Олеария наводит на мысль, что круг интересов Михаила Романова был достаточно широк. Его занимали астрономия и астрология, география, «землемерие» (строение земли). В 1637 году по личному указу царя Михаила с латинского языка на русский была переведена полная «Космография».

Михаил, без сомнения, был человеком любознательным. И эту черту унаследовал от него его внук Петр I.

Царская фамилия бережно хранила память о деяниях основателя династии. В 1723 году на празднике флота Петр оказал особые почести знаменитому ботику, родоначальнику русского морского флота.

Французский посол Жак де Кампредон, присутствовавший на празднике, побывал на борту ботика. Петр, писал посол, «взял меня за руку, сам показал мне строение этого судна и рассказал некоторые подробности» о его истории.

Восемьдесят лет назад, сообщил Петр, дед царского величества Михаил «приказал привезти из Англии через Архангельск в Москву небольшое судно или, лучше сказать, модель военного корабля, величиною в очень маленькую шлюпку того времени». Кампредон сразу же записал рассказ императора, точно передав услышанные слова. Не верить рассказу Петра нет оснований.

Михаил заказал ботик восемьдесят лет назад. Эта подробность ведет нас к последним годам жизни царя Михаила.

На Руси самым почитаемым святым был Николай Мерликийский, покровитель мореплавателей. На Западе он не пользовался большой известностью. На корме ботика высечен портрет Николая, отчего судно получило имя «Святой Николай».

Петр рассказал, что в юности услышал о корабле «Святой Николай». По его приказу судно было найдено в кладовых, источенное червями. Он велел обшить его дно медью. В глазах царя ботик был не столько прогулочной лодкой, сколько небольшой моделью корабля.

То ли со слов Петра, то ли по собственному разумению Кампредон записал: «Надо полагать, что царь Михаил Федорович намеревался построить несколько кораблей по образцу этого суденышка, наименованного им Св. Николай». Были ли у Михаила далеко идущие планы в отношении флота, судить трудно. Заказ ботика в Англии не имел последствий. Что при деде осталось едва видимой завязью, дало плоды лишь при внуке.

Попытки преобразовать сухопутную армию дали реальные результаты. При царе Михаиле были впервые созданы полки иноземного строя, проведено перевооружение армии.

Смута воочию показала, что при сохранении старых порядков у России нет шансов одержать верх в войне с западными соседями. Преобразование армии на новых основах все больше становилось велением времени. Однако реформаторам не доставало средств и решимости. Регулярная армия в России появилась лишь при Петре I.

Казна была пуста. Тем не менее царь Михаил выделил немалые субсидии иностранным купцам на строительство мануфактур. Рынок был узок, и мануфактуры работали преимущественно по казенным заказам. Появление мануфактурной промышленности было важным фактом в истории России XVII века.

Русское духовенство жаловалось на то, что иноземцы закупили лучшие площади в пределах столицы и застроили их своими зданиями. По свидетельству Адама Олеария, жалобы были отклонены по той причине, что царь Михаил «от-

носился благосклонно к немцам». Голштинец имел возможность здраво судить о склонностях российского монарха.

При царе Михаиле Русь переняла с Запада такое новшество, как издание газеты. Газету выпускал с 1621 года Посольский приказ. Поскольку главой приказа был тогда думный дьяк Иван Грамотин, один из московских западников, можно предположить, что инициатива издания принадлежала ему. Газета была рукописной и предназначалась для лиц из боярского правительства и высших приказных чинов. Название «Куранты» (по-голландски *courant* — газета) указывало на то, что образцом служили голландские газеты.

В «Курантах» печатались материалы, почерпнутые преимущественно из иностранных источников, а также письма русских дипломатов, находившихся за рубежом. Поскольку издание осуществляло дипломатическое ведомство, главное место в газете занимали мировые события. «Куранты» были предтечей петровских печатных «Ведомостей».

С окончанием гражданской войны возобновилось каменное строительство, и возник Приказ Каменных дел. В стенах приказа были собраны лучшие русские мастера — Бажен Огурцов, братья Старцевы. Под руководством иностранных инженеров они осуществили ряд крупных проектов. В 1624—1626 годах англичанин Христофор Галловей и Бажен Огурцов надстроили Спасскую башню Московского Кремля, укрепив надстройку сквозными готическими арками и белокаменными «болванами» (статуями) в нишах. Наготу «болванов» царь Михаил велел прикрывать суконными кафтанами.

Именно при царе Михаиле главная башня Кремля приобрела современный вид.

Зодчие Бажен Огурцов и Антон Константинов по повелению Михаила соорудили Теремной дворец Кремля (1635—1636 гг.), прозванный в народе «Спас за золотой решеткой». На фундаменте и двух нижних этажах белокаменного дворца Ивана III и Василия III было надстроено несколько ярусов. Последний этаж — Верхний теремок, или Чердак, предназначавшийся для царских детей, имел высокую крышу,

расписанную цветными ромбами, и был увенчан башенкой. Окна дворца украшали резные наличники. В разных ярусах дворца располагалось несколько церквей.

Начиная с 1620-х годов наблюдались попытки возродить шатровый стиль архитектуры, переживший расцвет в XVI веке.

После Смуты художественные мастерские Оружейной палаты в Москве возобновили работу, а затем расширили масштабы своей деятельности. В мастерских были собраны самые известные из иноземных и русских мастеров, находившихся на царской службе, ювелиры, оружейники, живописцы.

Среди золотых и серебряных ковшей, выкованных мастерами Оружейной палаты, один из лучших принадлежал царю Михаилу (1618 г.).

В 1630 году по заказу Филарета и его сына выдающийся ювелирный мастер Гаврила Евдокимов изготовил фигуру царевича Дмитрия на серебряной раке, украшавшей его могилу в Архангельском соборе Кремля. По заказу князя Ивана Хворостинина был изготовлен ковчег с рисунками (1621 г.). Вкусы заказчика отразились в стиле и композиции рисунков (Рождество Христово, Воскресение).

После 1643 года на службу в Оружейную палату были приняты первые художники, прибывшие в Москву из Западной Европы, в их числе Ганс Детерсон, живописных дел мастер из Голландии.

Михаил Романов довольствовался регалиями — державой (яблоком с крестом) и скипетром, уцелевшими от расхищения. Но он приказал переделать парадное кресло восточной работы в царский трон. Образцом послужил трон царя Ивана IV, так называемый «костяной стул». Трон дает некоторое представление о художественных вкусах Романова. «Кресло» сохранило видимые черты ювелирного искусства Востока (огранка драгоценных камней, сочетание золота с бирюзой).

При Грозном на Руси появились первые типографии, устроенные по западноевропейскому образцу. После 1611 года типография открылась в Нижнем Новгороде. Вновь избран-

ный царь Михаил, по словам печатника, «повеле в Нижнем Новгороде строити трудолюбное, преславное сие дело, новую штанбу». Мастер Фофанов успел выпустить в свет небольшое сочинение в самом начале 1613 года. Таким образом, одно из первых распоряжений Михаила касалось печатного дела.

В 1614 году казна приобрела у московского гостя Михаила Смывалова для царя Михаила «трубочку, что дальнее, а в нее смотря, близко». Подзорная труба заинтересовала государя.

Современники отзывались о царе Михаиле как о человеке добром и мягком, столь милостивом к своим подданным, что «любляше и миловаше их и вся подаваше им, яко они прошаху». Михаила можно было бы назвать тишайшим с таким же основанием, как и его сына Алексея. В характере и нравах этих двух людей было много общего.

По Домострою сын следовал примеру отца в поведении и вкусах. Так было и в семье Романовых. По смерти Филарета пристрастия и увлечения Михаила получили некоторый простор. Вскоре «после нашего пребывания» в страну, свидетельствует Олеарий, государь прекрасно устроил «свой сад и украсил его различными травами и цветами». Он много времени отдает своим цветникам, для которых выписывает из-за рубежа много диковинных растений. По его заказу купец Марселис доставил в Москву махровые розы, которые хорошо прижились в царском саду. От природы обладая натурой пассивной и созерцательной, Михаил находил в своих цветниках спасение от массы неотложных дел, бесконечных прошений и жалоб.

Среди придворных развлечений иностранцы отмечают такие забавы, как пение и музыка. Гуслиеры играли, а певцы пели хвалу государю Михаилу Федоровичу.

Склонность к музыке Михаила несомненна. Царь выписал из Голландии двух мастеров органного дела — Ягана и Мельхарта Луневых. Привезенный ими «стримент» (орган) был доделан в самой Москве. Орган был украшен изображениями соловья и кукушки. Стоило органу заиграть, как пти-

цы начинали петь. Царь Михаил был покорен мощью и красотой звучания органа и велел выдать мастерам небывалую сумму в 2676 рублей и по сороку соболей каждому.

В глазах народа монарх был защитником его интересов, высшим судьей, помогающим подданным найти поправленную справедливость. Царь Михаил, как и его предшественники, старался поддержать репутацию народного заступника. «Царь очень благочестив, — замечает Олеарий, — он не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел», обедневшим казна выдает пособия.

Следы благотворительности можно обнаружить в некоторых конкретных распоряжениях Михаила Романова.

В Средние века люди в массе своей тратили основные усилия на то, чтобы обеспечить себе пропитание. Главной пищей простонародья оставался хлеб. В 1626 году последовал царский указ о единообразном весе хлебцев и калачей. Те, кто выпекал и продавал хлебы ситные и калачи ниже установленного веса, подвергались штрафу. Запрещалось прибавлять в тесто гушу и другие «подмеси», определялась цена изготовления одного калача. Таким путем власти пытались оградить малоимущее население от злоупотреблений пекарей и торговцев.

С молодых лет Романов был предан вере, часто ездил на богомолье по монастырям, делал щедрые пожалования, соблюдал посты и усердно молился. В начале царствования Михаил «по своему государьскому сердечному жалованью и великой вере» передал в дар Троице-Сергиевому монастырю святой крест с наказом приложить к иконе Сергия Радонежского: «крест золот, невелик, тощ, с мощьми святыми, обнизан жемчугом, а в нем четыре камышки бирюзы». После великого пожара 1626 года последовал новый вклад: к иконе Святой Троицы золотые цаты (подвески) с 32 изумрудами и множеством других камней, серебряные сосуды и пр. В годы неудачной Смоленской войны обитель получила от Михаила Федоровича еще более дорогие вклады: Евангелие с драгоценным окладом, золотое кадило весом в пять фунтов, «двери царские» серебряные с позолотой.

По заказу Михаила мастерицы сшили из венецианской ткани аксамит (основу его составлял тонкий шелк) — драгоценную фелонь, пожертвованную им Новоспасскому монастырю в Москве.

При Филарете в Сибири был учрежден архиепископский дом. Чтобы укрепить авторитет епископства, владыка Киприан искал случая канонизировать местных подвижников. В 1622 году он приказал кликать вечную память атаману Ермаку и его товарищам, покорившим языческую Сибирь. Но у Филарета был свой взгляд на вещи. В походе Ермака участвовали казаки «воры», ограбившие перед тем ногайское посольство и заслужившие виселицу. Ходатайство Киприана было отклонено. И лишь после смерти Филарета при Михаиле было пересмотрено решение. В 1636 году собор установил вселенские поминания Ермаку с казаками.

Царская семья всегда придавала важное значение выбору воспитателя для наследника. Их избирали из наиболее знатных и близких к династии боярских родов. Романовы назначили дядькой наследника Алексея Бориса Ивановича Морозова вследствие того, что государыня Марфа происходила из рода Морозовых. В решающий момент боярин Василий Петрович Морозов выступил в пользу избрания на трон Михаила и представил его кандидатуру народу. Почти сразу после смерти Филарета Борис Морозов 6 января 1634 года пожалован был в бояре. В зрелом возрасте Морозов жаловался, что в молодости не получил хорошего образования. Однако же всю свою жизнь он питал пристрастие к западной культуре, водил дружбу с иностранцами, не чурался новшеств и одним из первых устроил заводы в своих вотчинах. Его постоянным советником, как говорили, был Андрей Виниус, основатель мануфактур в России.

Царь Михаил заботится о своем величии и «следит за правами величества», как это делают другие абсолютные государи, писал Олеарий о Михаиле Романове, он не подчинен законам, но может сам устанавливать законы; назначает и смещает начальников, но даже гонит их вон и казнит, когда захочет.

Михаил Романов унаследовал от своих предшественников доктрину самодержавной власти. Но Смута поколебала власть царя. Теория не соответствовала действительности. «Ведает Бог да государь» — так говорили русские люди в XVII веке. На деле монарх не обладал неограниченной властью.

По наблюдению Адама Олеария, о русских великих князьях нельзя более сказать, что они, как тираны, нападают на подданных и их имущество; «вообще о русских пишут весьма многое, что в настоящее время уже не подходит, без сомнения, вследствие общих перемен во временах, управлении и людях».

Иностранные путешественники, идя по стопам Герберштейна и Флетчера, обличали русскую монархию как тиранию. Олеарий усомнился в такой оценке. Михаил вовсе не похож был на тирана, а его время не походило на времена Грозного.

По возвращении из плена Филарет сосредоточил в своих руках управление как церковными, так и светскими делами. Но это вовсе не означало, что Русское государство приобрело характер теократии. Принцип «священство выше царства» не получил признания.

Филарет был патриархом, но что еще более важно — отцом царя. По всем законам, божеским и человеческим, именно он должен был занять трон. Помехой было насильственное пострижение в монахи.

Воинская доблесть издавна считалась необходимым качеством государя. Михаил был начисто лишен этого качества. Что замечательно, он сознавал свой недостаток и никогда не участвовал в военных походах. Войне государь предпочитал мир любой ценой, что отвечало настроениям страны, пережившей неслыханно кровавую гражданскую войну.

ЭПИЛОГ

О семейной жизни Михаила известно немного. В браке у царя Михаила было три сына, но два — царевичи Иван и Василий — умерли детьми в 1639 году. Сохранилось колдовское дело, затеянное после смерти царевичей. Государь получил донос на золотошвею Дарью Ламанову из Дворцовых мастерских. Ведунья будто бы сыпала «ведовский рубашечный пепел на след государыни царицы, и после того учала государыня недомогать и быть печальна, да после того же вскоре государя царевича Ивана Михайловича не стало, и ныне государыня царица перед прежним скорбна ж, и меж их, государей, в их государском здоровье и в любви стало не по-прежнему, и до сих лет меж их государей скорбь и в их государском здоровье помешка». Розыск о колдовстве мастерицы должен был объяснить причины размолвки в царской семье, когда любовь «стала не по-прежнему» и меж женой и мужем явилась скорбь «до сих лет».

Царь Михаил отличался слабым здоровьем, страдал тучностью, часто болел. В тридцать лет он «скорбел ножками», с трудом ходил, и его «до возка и из возка в креслах носят». Стремясь преодолеть недомогания, он жил не в своем роскошном каменном дворце, а в деревянном здании — «ради здоровья».

На склоне лет Михаил все чаще предавался унынию, испытывал упадок духа. Врачи, отметившие в нем «меланхолию, сиречь кручину», бессильны были излечить его от такого недуга.

В апреле 1645 года во дворце был созван консилиум из врачей Сибелиста, Билоу и Грамана. Они смотрели «воду» больного государя и нашли, что в его желудке, печени и селезенке недостает природной теплоты, отчего кровь водянеет, цинга и другие мокроты рождаются. Доктора нашли необходимое лекарство — рейнское вино, приправленное разными травами и кореньями, нужными для очищения желудка. Больному запретили ужинать и рекомендовали умеренность в питье и еде.

После нового осмотра царю давали сахар и мазали живот бальзамом. Лучше не становилось.

На свои именины 12 июля Михаил пошел к заутрене, но в храме упал, и его перенесли в хоромы. Боли усиливались. Умиравший призвал патриарха и сына Алексея с царицей и Бориса Морозова. Назначать регентский совет при Алексее не было нужды. Алексей вззошел на трон в том же возрасте, что и сам Михаил, — в шестнадцать лет. После благословения Алексея на царство государь объявил, что вверяет сына заботам и попечению дядьки.

Морозов получил следующее напутствие от умирающего: «Тебе, боярину нашему, приказываю сына и со слезами говорю: как нам ты служил и работал с великим веселием и радостью, оставя дом, имение и покой, пекся о его здоровье и научении страху Божьему и всякой премудрости, жил в нашем доме безотступно в терпении и беспокойстве тринадцать лет и соблюл его, как зеницу ока, так и теперь служи». На смертном одре помазанник Божий вел себя как частное лицо.

Во втором часу ночи царь исповедался и приобщился святых тайн, а в третьем часу ночи 13 июля 1645 года скончался. Царица Евдокия была значительно младше мужа, но пережила его всего на один месяц.

Современники вспоминали царствование Михаила добрым словом. Григорий Котошихин сочинил ему такую эпитафию: «Царю ж и великому князю Михаилу Федоровичу от кроворазлития христианского успокоившуся, правивше государство свое тихо и благополучно».

Каким бы ни был Михаил Федорович, на троне сидел законный монарх, и дела в государстве шли своим чередом, не осложненные кровавыми междоусобицами. При Михаиле страна с трудом, постепенно начала преодолевать последствия гражданской войны, отбросившей страну на много десятилетий.

СЛОВАРЬ

Ближняя дума — совет приближенных царя, одна из комиссий Боярской думы, осуществлявшая управление.

Боевые холопы — рабы, несшие военную службу в свите бояр.

Большой приход — управление, ведающее доходами государства.

Боярская дума — совет высших сановников государства (думных людей), высший орган государства.

Воевода — военачальник, глава военной администрации города.

Вотчина — частная земельная собственность.

Дьяк — чиновник государственной службы (приказа).

Десятина — площадь поверхности земли, немногим больше гектара.

Дети боярские (см. также сын боярский) — дворяне, служившие в Государевом дворе и по уездам. В массе мелкие землевладельцы.

Думные дьяки — дьяки, входившие в состав Боярской думы.

Думные дворяне — дворяне, входившие в состав Боярской думы.

Двор — Государев двор, учреждение, включавшее Боярскую думу, верхний слой правящего дворянства и бюрократии.

Дворец — управление собственностью царской семьи, обеспечивавшее нужды царской фамилии и придворных.

Дворецкий — боярин, возглавлявший Дворец.

Дворянин — член Государева двора.

Земщина — земская половина государства после разделения его на опричнину и земщину.

Земский двор — управление в земщине, предтеча полицейского управления.

Иосифляне — последователи игумена Иосифа из Иосифо-Волоколамского монастыря под Москвой.

Кабала — вид зависимости (должники, работавшие на господина в счет погашения процентов с долга).

Казенный приказ — управление, ведавшее государственными сокровищами и финансами.

Казначей — глава Казенного приказа, член Боярской думы.

Конюший — глава Конюшенного приказа, ведавшего царскими табунами. Один из старших бояр думы.

Нестяжатели — последователи старца Нила Сорского из северных монашеских обителей (скитов), противники обогащения монастырей.

Оброк — платежи крестьян в пользу землевладельцев.

Окольничий — второй думный чин, после боярина.

Ополчение — нерегулярное дворянское войско, сформированное в полки на время похода.

Опричнина — «государство в государстве», личные владения царя Ивана IV с особым управлением и войском.

Отчина — см. вотчина.

Печатник — чиновник, хранитель Большой государственной печати.

Подъячий — помощник дьяка в приказе.

Податные люди — налогоплательщики.

Полк большой, правой и левой руки, сторожевой, передовой, государев — система построения русского войска на поле боя. Авангард — сторожевой и передовой полки; главные силы — Большой полк, государев полк; на флангах — полк правой и полк левой руки.

Помещик — владелец поместья.

Поместье — государственная собственность, переданная помещикам на условиях обязательной службы царю.

Поместный приказ — управление, ведавшее делами о земельной собственности в России.

Посад — город.

Посадские люди — горожане, платившие царскую подать.

Посольский приказ — управление иностранными сношениями.

Посошные — люди, платившие подати и несшие натуральную повинность в пользу государства и объединенные в сохи (единица обложения). В армии везли обозы и артиллерию.

Постельничий — высший чиновник Постельного приказа.

Постельный приказ — управление, ведавшее царским гардеробом, внутренней охраной царского дворца.

Приговор — решение царя или Боярской думы.

Приказы — высшие административные органы управления Россией. См. различные приказы.

Пыточный двор — судебная палата для дознаний с применением пыток.

Разряд — разрядные записи распоряжений военного ведомства.

Разрядные книги — см. Разряд.

Разрядный приказ — управление вооруженных сил России.

Речь Посполитая — объединенное государство, получившее название после заключения Люблинской унии между Польским королевством и Литовским великим княжеством в 1569 году.

Слуга и боярин — один из высших боярских титулов, которые жаловали знатнейшим государственным деятелям.

Столичные гости — высший разряд московских купцов.

Стрелецкий приказ — управление стрелецким войском.

Стрельцы — пехота, вооруженная огнестрельным оружием; набиралась из горожан.

Судебник — кодекс законов России.

Сын боярский — см. дети боярские.

Тяглые люди — посадские люди и крестьяне, платившие царские налоги.

Тягло — система государственных платежей и натуральных повинностей.

Уезд — административная область.

Уложение — законодательный акт, включавший ряд законов.

Холоп — раб, купленный господином.

Черносошные люди — население, платившее царские подати (налоги).

Черные люди — плательщики царских податей (налогов).

Четверть — одно из финансовых управлений государства.

Юрьев день осенний — 26 ноября. Нормы Юрьева дня регулировали переход крестьян из одних владений в другие.

СОДЕРЖАНИЕ

Родословие	7
Анастасия Романова	9
Федор Никитич	11
Рождение наследника	14
Сиротское детство	19
Беглый чернец	25
Милости Расстриги	29
Кремлевский пленник	32
Недолгие выборы	44
Царь Владислав	46
Поляки в Кремле	55
Миссия Филарета	65
Смерть Лжедмитрия II	70
Крах переговоров	74
Сожжение Москвы	78
Первое земское ополчение	85
Падение Смоленска	88
Шведский претендент	90
Земская власть и Романовы	93
Осада Москвы	101
Лжедмитрий III	103
Второе земское ополчение	107
Ярославский Совет	111
Судьба царских сокровищ	118
Сражение за Москву	123

Великий грабеж	127
Освобождение	133
Триумvirат	138
Кандидаты на трон	147
Земский собор	152
Избрание Михаила	156
Царский поезд	172
Коронация	185
Первые шаги	192
Дума	197
Конец авантюры	201
Пожарский	205
Окончание Смуты	211
Дела земельные	223
Возвращение Филарета	224
Иерархия чинов	232
Евразийское царство	246
Браки царя Михаила	252
На перепутье	259
Оскорбление величества	265
Смоленская война	267
Самозванцы	279
Крепостничество	282
Мануфактуры	288
Православный мир	293
На пути к расколу	296
Первые западники	306
Царственная особа	316
Эпилог	326
Словарь	329

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Скрынников Руслан Григорьевич
Михаил Романов

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: С.Б. Клещев
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — литература научная и производственная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Михаил Романов.

Первый (и последний) «выборный» царь за всю историю нашей страны...

Сын опального боярина, все свои детские годы проводивший в изгнании и ссылке...

Основатель династии, конец которой положили пушечные выстрелы в подвале «дома Ипатьева»...

Его роль в истории была необычной и неоднозначной ВСЕГДА — и в годы страшного Смутного времени, и во времена Семибоярщины...

Но какой она была, эта роль?

Историческая библиотека

ISBN 5-17-026964-1

9 785170 269648